

Томас Бетелл

СОБСТВЕННОСТЬ И ПРОЦВЕТАНИЕ

УРОКИ ИСТОРИИ

История (Социум)

Том Бетелл

Собственность и процветание

«Интермедиатор»

1998

УДК 332.012.32(091)
ББК 65.011+63.3(0)

Бетелл Т.

Собственность и процветание / Т. Бетелл — «Интермедиатор»,
1998 — (История (Социум))

ISBN 978-5-91603-564-3

Автор прослеживает историческое развитие института собственности на протяжении истории человечества, от Древнего Рима до наших дней, и одновременно рассматривает взгляды экономистов на роль частной собственности. В книге собрана огромная коллекция исторических примеров того, как ослабление частной собственности вело к распаду и гибели сообществ или к увековечению низкого уровня жизни: судьба колоний в Джеймстауне и Плимуте, коммуна Роберта Оуэна, картофельный голод в Ирландии, СССР и Китай, арабский мир, земельные реформы в странах «третьего мира» и т. п. Особое внимание уделено связи собственности и экологии, а также проблемам интеллектуальной собственности. Книга начинается с изложения философских и юридических основ прав собственности. Автор анализирует экономическую логику стимулов и демонстрирует пагубность общего пользования ресурсами, при этом широко используя исторические иллюстрации и аналогии. Им представлены взгляды Адама Смита, Иеремии Бентама, Карла Маркса и Фридриха Энгельса, Кеннета Эрроу, Милтона Фридмана и многих других экономистов. Особое внимание уделено возрождению интереса к правам собственности в экономической теории в 1950–1960-е годы (А. Алчиан, Г. Демсец, Р. Коуз).

УДК 332.012.32(091)
ББК 65.011+63.3(0)

ISBN 978-5-91603-564-3

© Бетелл Т., 1998

© Интермедиатор, 1998

Содержание

От издателя	7
Благодарности	8
Введение	10
Часть I. Самое главное	12
Глава 1. Дары собственности	12
Немилость	12
Дары частной собственности	14
Сквозь призму собственности	16
Собственность и прогресс	18
Глава 2. Собственность, право и экономика	23
Юристы и право собственности	26
Экономисты и вещное право	28
Динамо-машина и Интернет	32
Часть II. Проблема безбилетника	33
Введение	33
Глава 3. Самонадеянность Платона: собственность в Джеймстауне и Плимуте	34
Джеймстаун	34
Плимут	37
Глава 4. Логика коллективной собственности	43
Идеологические и технические истоки	47
Неуместные моральные претензии	50
Часть III. Римское и обычное право: от статуса к контракту	53
Введение	53
Глава 5. Римляне и сельские жители	55
Собственность в Риме	58
Гракхи	63
Глава 6. Англия впереди	68
«Великолепнейшее явление»	68
Общее право	71
Религия и собственность	75
Промышленная революция	78
Часть IV. От священного до нечестивого	82
Введение	82
Глава 7. Недосмотр экономистов	83
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Том Бетелл

Собственность и процветание

© 1998 by Tom Bethell.

© АНО «ИРИСЭН», 2008

От издателя

Книга Тома Бетелла «Собственность и процветание» открывает новую серию «История», которая будет выходить в рамках издательско-образовательного проекта издательства ИРИ-СЭН. В исторической серии мы планируем знакомить русскоязычного читателя с книгами, освещающими те аспекты исторического опыта, которые по тем или иным причинам оказываются наиболее актуальными в современных условиях. Предлагаемая вашему вниманию книга относится к числу именно таких исследований.

На русском языке издается немало работ по экономической истории, но в ряду этой литературы книга Т. Бетелла представляет собой весьма необычное явление. Более того, она в определенной степени уникальна и в мировой исторической литературе, так как представляет собой исключительное по объему привлекаемого материала историческое исследование феномена частной собственности. Автор рассматривает исторический отрезок со времен Древнего Рима и до наших дней, а география исследования включает множество стран, принадлежащих к самым разным культурам и цивилизациям.

Но кроме временного и пространственного охвата работу Т. Бетелла отличает также стереоскопичность описания. Он рассматривает частную собственность сразу в двух аспектах: с точки зрения истории институтов и с точки зрения истории идей. Если институциональная часть исследования содержит множество интереснейших фактов практического опыта человечества, то часть, посвященная интеллектуальной истории, представляет собой весьма полный обзор всего, что было сказано и написано на эту тему философами, экономистами и другими мыслителями. Если политический философ или экономист когда-либо написал что-то важное о связи прав собственности и процветания, то изложение его идей обязательно найдется в этой книге.

Следует особо отметить огромную важность темы данной книги для постсоветских стран, перед которыми по-прежнему остро стоит проблема создания устойчивого и легитимного института частной собственности. Хотя в результате проведенных реформ появился значительный частный сектор, собственники, особенно владеющие средствами производства, постоянно находятся под жестким давлением со стороны бюрократии и политиков-популистов. Уровень правовой защищенности собственности остается низким. Как показывает исторический опыт, описанный и обобщенный в книге Т. Бетелла, в этих условиях вряд ли стоит рассчитывать на долгосрочный успех в том, что касается благосостояния, свободы и безопасности граждан. Поэтому мы считаем, что знакомство с книгой «Собственность и процветание» необходимо в первую очередь тем, кто влияет или рассчитывает влиять на формирование экономико-политического курса в странах постсоветского пространства.

Книга Т. Бетелла отличается легкостью и популярностью изложения и рассчитана на широкую аудиторию. Мы надеемся, что она будет полезна всем, интересующимся экономической историей и экономической политикой.

*Валентин ЗАВАДНИКОВ,
Председатель Редакционного совета
Октябрь 2007 г.*

Благодарности

Я должен выразить признательность большому числу людей. Долгие годы у меня была возможность возвращаться в институт Гувера и месяцами в нем работать. Я особенно благодарен директору этого института Джону Рейсиану, который любезно повторял свои приглашения, и руководителю программы по связям со средствами массовой информации Тому Хенриксену, оказывавшему незаменимую помощь. Представить себе не могу, чтобы где-либо в мире существовал исследовательский центр лучше Гуверовского, где вам предоставляют кабинет и оставляют в покое. В непосредственной близости от него расположена Зеленая библиотека Стэнфордского университета, явно относящаяся к числу лучших в мире. Среди потрясений и бурь этого мира ее книгохранилище было убежищем для меня. Неподалеку от нее находится юридическая библиотека. О чем еще может мечтать человек?

Я признателен Роберту Хессену, который сообщал мне о новых публикациях в моей области и точно знал, что меня интересует. Я крайне благодарен тем в Гуверовском институте, кто читал отдельные главы и давал ценные предложения: Мартину Андерсону, Арнольду Бейхману, Михаилу Бернштаму, Биллу Иверсу, Сеймуру Мартину Липсету, Гуити Нашату, Алвину Рабушке, Питеру Робинсону, Генри Роуэну, Абрахаму Софаеру. Гуверовский институт довольно основательно заселен экономистами, что дало мне превосходную привилегию обсудить с ними некоторые идеи этой книги, прежде всего с Аароном Директором, Робертом Барро, Гэри Беккером, Дугласом Нортон и Шервином Розеном. Но я не хотел бы приписывать им согласие с моими выводами, и всю ответственность за свои ошибки несу я один.

Ричард Строуп и Джейн Шоу из Центра политико-экономических исследований в Бозмане пригласили меня в Монтану, прочитали текст и дали превосходные советы, которые, я надеюсь, нашли отражение в окончательном тексте книги. Рукопись читали также Лоуэлл Харрис, Дональд Лил, Пол Хейне и покойный Мюррей Ротбард. Я особенно благодарен Уолтеру Олсону из Манхеттенского института, критические замечания которого подтолкнули меня к мгновенному пересмотру некоторых вещей. Должен отметить и чрезвычайно плодотворные дискуссии с Фредом Смитом и его командой из Института конкурентного предпринимательства (Competitive Enterprise Institute).

Впервые я познакомился с экономическим анализом в 1974 г., читая в Newsweek чередовавшиеся колонки Милтона Фридмена и Пола Самуэльсона. Тут я обнаружил, что Фридмен мне всегда понятен, а Самуэльсон – ставит в тупик. Что это за механизм, именуемый «экономикой», и этот «совокупный спрос», который бывает слишком велик или недостаточен? Фридмен писал о личных интересах, в которых всегда был смысл. Регулирование цен создает дефицит, и вот вам энергетический кризис. Через пару лет возникла экономическая теория предложения. Ее логика была понятна. Инфляция несправедливо выдавила людей в область более высоких налоговых ставок, и я помню вдохновенные дискуссии о предельных эффектах, ставках налогообложения и налоговых поступлениях, о ценах и объемах, в которых участвовали Джордж Гилдер, Джефф Белл, Пол Крейг Робертс, Артур Лаффер, Брюс Барлетт, Ховард Седжермарк и др. Рональд Рейган был избран как раз вовремя.

Существовало убеждение, что ставки налогообложения слишком высоки повсюду, как в «третьем мире», так и в первом. Но в конце концов я решил, что большинство стран страдают от более фундаментальных пороков. Прежде всего, у них отсутствует надлежащие правовые и политические основы, жизненно важные для экономического роста. С этого и начинается эта книга. Но истоки ее в дискуссиях 1970-х годов. Если Гуверовский институт был моим университетом, то школа экономики предложения сыграла роль вводного курса экономической теории.

Я работал над этой книгой в промежутках между написанием множества журнальных статей. Я признателен людям из *American Spectator*: Бобу Тирреллу, Владиславу Плещинскому – за поддержку и Уильяму Ф. Бакли-мл. – за великодушие. Вопросы, затрагиваемые в этой книге, я обсуждал с Джо Собраном, и эти обсуждения были очень полезны для меня. Я хочу особенно поблагодарить Джима Боварда, который прочел рукопись и в критический момент дал ей рекомендацию. Энтузиазм Майкла Фламини оказался весьма кстати и вовремя, а его маленькая группа в издательстве *St. Martin's Press*, особенно скрупулезнейшие Алан Бредшоу и Билл Берри, посрамили предрассудок, что редактирование – это умершее искусство. Наконец, я очень признателен владельцам *Bay Area* – Джону и Би Смолли и Карлотте Морис.

Введение

Весной 1990 г. Всемирный банк организовал ряд семинаров по редко обсуждаемым вопросам, так или иначе связанным с банковским делом. Консультант банка Гэбриел Рот попросил меня высказаться о связи между правами собственности и экономическим развитием. На ланче присутствовали около пятидесяти человек из Всемирного банка и Международного валютного фонда. Я сказал, что если страны, с которыми они имеют дело, хотят достичь того же уровня развития, что и США и ряд других стран, им необходимо принять правовой режим, обеспечивающий защиту частной собственности. Можно представить, что какие-то страны предпочтут держаться своих традиций или не захотят беспрерывных потрясений и поисков, сопутствующих системе свободного рынка. Но им нужна ясность в вопросе о целях и средствах. Если им нужны рост производства и модернизация, то суэта с рычагами макроэкономической политики – здесь добавить фискальных стимулов, там немного повысить денежные ограничения – им не поможет. Им придется сделать свои правовые и политические системы более похожими на те, что существуют в Западном мире.

Будучи людьми учтивыми в любых обстоятельствах, профессионалы из Всемирного банка на мои высказывания отреагировали вежливым изумлением. Вопросы задавались скептические. Я почувствовал, что многие из них не согласны, хотя открыто этого никто не сказал. Предполагается, что специализированные институты Организации Объединенных Наций, такие как Всемирный банк и Международный валютный фонд, стоят вне политики и должны воздерживаться от поддержки политических реформ. Если не считать возможности отказать в предоставлении кредитов, они целиком зависят от доброй воли правительств принимающих стран, а большинство из них не склонны к радикальным переменам. Ситуацию усложняет и то, что исторически Всемирный банк всегда был государственным институтом – его кредиты шли на поддержку правительственных проектов. А политика правовой поддержки частной собственности, со своей стороны, ведет к ограничению власти правительства.

Но там я столкнулся с чем-то большим, чем политический прагматизм. Для ряда присутствовавших необходимость частной собственности была, похоже, непривычной рекомендацией. Возможно, непонимание было вежливой формой несогласия. Но некоторые проявили явный интерес к продолжению разговора и уяснению взаимосвязи между частной собственностью и экономическим развитием. Так зародилась идея этой книги.

После падения Берлинской стены и распада СССР вопрос о собственности вышел из тени и стал предметом оживленных дискуссий. Поскольку институт частной собственности, предполагающий децентрализацию власти и принцип верховенства права, является стержневым для западной цивилизации, возникла нужда в обзорной книге по этому вопросу. Были написаны книги о недопустимости изъятия собственности без должной компенсации в соответствии с пятой поправкой к Конституции США, о суверенном праве государства принудительно отчуждать частную собственность (за компенсацию), о патентном и авторском праве, о воздействии государственной собственности на окружающую среду. Мельчайшие аспекты этих вопросов рассматривались буквально под микроскопом. Не хватало книги, развивающей широкий подход к частной собственности и ее последствиям.

Мне часто приходил в голову образ линзы. Собственность была той линзой, которая позволяет исследовать кажущиеся несвязанными события. После долгого пребывания в пыли интеллектуального чулана сегодня она позволила бы получить четкое представление о широком круге вопросов, в том числе и таких, как процветание империй, упадок Рима, возвышение Великобритании, крах коммунистических экспериментов, голод в Ирландии в XIX веке, экономическая отсталость арабского мира, современная засуха в Калифорнии, распространение

пустынь, уничтожение дождевых лесов, исчезновение видов животных и, самая новая тема, повышение интереса к интеллектуальной собственности.

Собственность затрагивает не менее десятка дисциплин. Право, экономика, история, политическая философия, моральная философия, антропология, социология и психология – это только самые важные, и несколько я наверняка пропустил. Поэтому общая книга о собственности должна быть написана более или менее неспециалистом. Там, где эксперты опасаются сделать шаг, любители смело мчатся вперед. Меня больше всего интересовала область, где пересекаются право и экономическая теория, и свет, проливаемый ею на историю.

Экономический анализ похож на подвесной мост. Он может быть воплощением самых передовых достижений инженерного искусства, но в некоей точке он должен опираться на прочную почву права и надежных политических институтов. Однако труды по экономической истории часто оставляют без внимания политические и правовые основания изучаемых обществ. Считается, что экономические результаты вполне удовлетворительно объясняются экономическими фактами. Например, рост – это функция «капиталообразования». Но капитал – это в высшей степени производная абстракция, всего лишь трос на подвесном мосту. Можно ли утверждать, что вся конструкция опирается на прочное основание независимой судебной системы, защищенных прав собственности, поддерживаемых законом договоров? До самого последнего времени экономисты уделяли мало внимания этим вопросам. Пожалуй, следовало бы вернуться к старому названию – политическая экономия. Речь не о том, что сочетание решительности и прямого политического давления способно преодолеть тонкое равновесие спроса и предложения. Просто дело в том, что политика является неременным основанием экономики.

Ключевую роль в изменении нашего понимания политической экономии сыграли Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Они утверждали, что экономические отношения представляют собой базисный фундамент общества, а право и политика – это всего лишь надстройка. Хотя при этом причина и следствие в основном поменялись местами, но этот подход оказался очень влиятельным. Нападки Маркса на частную собственность известны куда больше, но они имеют преимущественно идеологический характер. Утверждение, что экономические отношения определяют правовые отношения, вызвало мало подозрений, и многие экономисты охотно согласились, что их область столь же независима, как физика и математика. (И, как мы увидим в главе 2, в утверждении Маркса содержалось немало истины, что только усложняет картину.)

Таким образом, я утверждаю, что когда мы возвращаем право на должное место, так что оно опять оказывается впереди экономики, и делаем правовые отношения той твердой почвой, на которую должен опираться мост экономического анализа, у нас появляется возможность по-новому взглянуть на многие исторические события. В таком случае объясняющая историю гипотеза будет звучать так: экономика и цивилизация процветают, когда собственность приватизирована и господствует принцип верховенства права, когда все, в том числе и сами правители, подчиняются одним и тем же законам. Из всех возможных конфигураций собственности только частная собственность может давать этот желательный эффект.

Часть I. Самое главное

Глава 1. Дары собственности

Немилость

Более ста лет назад институт частной собственности впал в интеллектуальную немилость. Именно к этому важному историческому факту нам следует обратиться в самом начале. Отдельные скептики из числа моих слушателей во Всемирном банке были, несомненно, убеждены, что к концу XX века идеи XVIII столетия слегка устарели. Собственность впадала в немилость постепенно, с самого начала XIX века. А после публикации «Манифеста Коммунистической партии» война с собственностью стала гласной и в конце концов завоевала уважение. Западные интеллектуалы многие десятилетия с презрением относились к идее собственности. Чаще всего это выражалось в ее полном игнорировании.

В 1950-х годах, когда *Encyclopaedia Britannica Inc.* опубликовала список «Великие книги Западного мира», среди 102 пунктов индекса «великих идей» для собственности места не нашлось. Арнольд Тойнби ни разу не вспомнил о собственности в своем 12-томном труде «Постижение истории». Из его высказываний следует, что он не видел существенных различий между государственной собственностью и частной¹. Уильям Мак-Нил в «Восхождении Запада», а также Освальд Шпенглер в «Закате Европы» сочли собственность малосущественной. Трехтомник Фернана Броделя «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII века», как и «История цивилизаций» того же автора, почти не уделяет внимания ни собственности, ни праву. Отметив, что причины возвышения Европы издавна занимают ученых, Пол Кеннеди в своем сочинении «Возвышение и закат великих держав» нашел ему объяснение не в политических институтах Запада, а в более материальном факторе – в географии. Европа избежала централизованной тирании главным образом благодаря «отсутствию бескрайних степей, в которых конные орды стремительно устанавливают свое господство»².

В последние десятилетия предложенное Локком обоснование частной собственности (человек заслуживает владеть тем, что создано его трудом) в академических кругах изучали с такой подозрительностью, которая произвела бы сильное впечатление даже на защитников тирании Стюарта, против которой выступал Локк³. Современные аргументы против Локка, хоть и занимают сотни страниц, совершенно бессильны, потому что доводы в пользу частной собственности не стали бы слабее, даже если бы Локка никогда не было на свете. Источник этих доводов следует искать в человеческой природе, а не в философии XVII века.

Как писал исследователь политики Деннис Койл, в крайне важной области конституционного права «Верховный суд США похоронил права собственности на конституционном кладбище»⁴. К середине 1930-х годов сочли, что экономические права больше не заслуживают конституционной защиты. С 1928 по 1974 год Верховный суд ни разу не согласился рассмотреть дело о районировании [городской застройке]. Гарвардский профессор Ричард Пайпс сообщает,

---

¹ Arnold Toynbee, *Civilization on Trial* (New York: Oxford Univ. Press, 1948), 39.

² Paul Kennedy, *The Rise and Fall of the Great Powers* (New York: Random House, 1987), 16–17.

³ О подозрительности к аргументу Локка в пользу частной собственности см.: Jeremy Waldron, *The Right to Private Property* (Oxford: Clarendon Press, 1988); James O. Grunebaum, *Private Ownership* (London: Routledge & Kegan Paul, 1987); Alan Ryan, *Property and Political Theory* (Oxford: Basil Blackwell, 1984); Alan Ryan, *Property* (Milton Keynes: Open University Press, 1987); Andrew Reeve, *Property* (Basingstoke: Macmillan Education Ltd., 1986).

⁴ Dennis J. Coyle, *Property Rights and the Constitution* (Albany, N.Y.: State Univ. of New York, 1993), 3, 4.

что один исследователь в области детской психологии «выразил удивление тем, что по состоянию дел на 1980 год почти не велись эмпирические исследования и систематические теоретические работы по психологии собственности – об истоках и развитии этого чувства»⁵. И это, добавляет Пайпс, спустя сто лет после того, как Уильям Джеймс высказал предположение о потенциальной значимости психологических аспектов собственности.

В области экономической теории самые популярные учебники, написанные Полом Самуэльсоном и другими, либо обходят молчанием вопросы о собственности, либо излагают их под рубрикой «идеология капитализма»⁶. Почти все учебники, вышедшие после Второй мировой войны, утверждают, что государственная собственность позволяет добиться более быстрого экономического роста, чем частная. Экономист Армен Алчян из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе обнаружил, что в рубрикаторе Справочника Американской экономической ассоциации, изданного в середине 1970-х годов, нет отрасли «собственность или права владения». Собственность государственных, некоммерческих и муниципальных организаций подается так, будто «по своему содержанию она не отличается от стандартных прав частной собственности»⁷. В докторантурах, по свидетельству экономиста Стива Чена, права собственности долгое время считались «запретной зоной» в качестве темы докторской диссертации⁸. Обучаясь в 1970-х годах в докторантуре, гарвардский экономист Роберт Барро вообще не слышал упоминаний о правах собственности⁹. Роберт Солоу из Массачусетского технологического института, лауреат Нобелевской премии по экономике за 1987 год, сказал: «Я все же убежден, что институт частной собственности еще нужно обосновать». Он ссылаясь на «озарение» Прудона, что «собственность – это кража»¹⁰.

Такое пренебрежение со стороны экономистов заслуживает внимания. Начиная с Адама Смита самые влиятельные труды по политической экономии¹¹, как тогда называли экономическую теорию, были написаны в то время, когда в силу чрезвычайно высокого уважения к собственности защита ее казалась излишней. Частная собственность считалась «священной». Английские экономисты классического периода не занимались анализом правовых институтов, на существовании которых основывались их рассуждения. Вряд ли будет преувеличением сказать, что к тому времени, когда собственность стала объектом нападков, – к середине XIX века – экономисты почти ничего не написали в ее защиту. Частную собственность «экономисты XIX века принимали и брали как данность, не исследуя», – писал Джон Р. Коммонс в книге «Правовые основания капитализма»¹². Как данность она принималась и в совсем недавнее время – причем теми, для кого экономическое развитие было областью профессиональных интересов.

⁵ Richard Pipes, "Human Nature and the Fall of Communism," *Bulletin of the American Academy of Arts and Sciences* 49 (January 1996): 48.

⁶ См.: Campbell R. McConnell, *Economics: Principles, Problems, and Policies*, 10th ed. (New York: McGraw-Hill, 1987), 38.

⁷ Armen Alchian, предисловие к кн.: *The Economics of Property Rights*, ed. Eirik Furubotn and Svetozar Pejovich (Cambridge, Mass.: Ballinger Publishing Co., 1974), xiii.

⁸ Steven N. S. Cheung, "The Contractual Nature of the Firm," *Journal of Law and Economics* 26 (April 1983): 20.

⁹ Роберт Барро, интервью с автором, февраль 1988 г.

¹⁰ Robert Solow, in Arjo Klammer, *Conversations with Economists* (Totowa, N. J.: Rowman and Allanheld, 1983), 130–31.

¹¹ Первоначально слово «экономия» относилось к решениям семьи относительно собственного имущества. «Политическая экономия», вошедшая в употребление в XVIII веке, распространила анализ на всю страну. Адам Смит писал, что «развитие благосостояния в разные периоды у разных народов» породило «неодинаковые системы политической экономии по вопросу о способах обогащения народа». Только в конце XIX века *политэкономия* уступила место *экономической теории* [*economics*]. «Основы экономической науки» Альфреда Маршалла были первой большой работой, в которой эта наука называлась по-новому. Это изменение совпало с использованием математических методов для решения ряда проблем, так что экономическая теория оказалась связанной не с политикой, а с наукой, и престиж ее повысился. С тех пор большинство экономистов не желало расставаться с новым престижем. Но жизненная важность политических и правовых институтов для экономической жизни заставляет признать, что лучше было бы вернуться к термину «политэкономия».

¹² John R. Commons, *The Economics of Collective Action* (New York: Macmillan, 1950), 43.

Дары частной собственности

Возможно, многочисленные дары системы частной собственности именно из-за своей особой истории так и не стали предметом тщательного исследования. Предмет этот очень обширен, и в такого рода вводной работе его можно лишь кратко обрисовать. Но есть четыре основных дара, которые нелегко реализовать в обществе, лишенном защищенной, децентрализованной частной собственности, а именно: свобода, справедливость, мир и процветание. Главный довод этой книги сводится к тому, что частная собственность есть необходимое (хотя и недостаточное) условие этих крайне желательных плодов общественной жизни.

К настоящему времени связь между свободой и собственностью понимается достаточно хорошо. Лев Троцкий давным-давно отметил, что в отсутствие частной собственности государство, угрожая голодной смертью, может добиться беспрекословного повиновения¹³. Экономист Милтон Фридмен, лауреат Нобелевской премии по экономике, сказал, что «общество не может быть свободным в отсутствие частной собственности»¹⁴. Но эту элементарную истину не понимали сто лет назад, когда интеллектуалы пришли к мнению, что частная собственность – малозначимый институт. Лишь практический опыт коммунизма кардинально переменял отношение. Жившие в условиях коммунистической тирании быстро поняли, что в отсутствие прав собственности все остальные права не значат ничего, или почти ничего. Ангелам и духам собственности, разумеется, не нужна, но люди еще не обрели подобную бестелесность.

Частная собственность – компромисс между нашим стремлением к неограниченной воле и признанием того, что другие обладают сходными желаниями и правами. Это способ быть свободным и «защищенным от свободы других», как писал Джеймс Бойл, профессор права Американского университета¹⁵. В наши дни неприкосновенность частной жизни стала завидным благом, и американские суды раскопали право на нее в намеках и положениях конституции. Но очевидно, что неприкосновенность частной жизни недостижима без предваряющего ее уважения к частной собственности.

Права – это защита от государства, а собственность – могучий оплот против государственной власти. В обществе, уважающем и защищающем собственность, последняя всегда распределена, строго говоря, неравномерно, и она столетиями представлялась в качестве *выражения* власти; тем не менее, подобно любым подлинным правам, право собственности защищает слабых от сильных. Европейских иммигрантов когда-то поражало в Соединенных Штатах то, что мелкая собственность здесь защищена не хуже, чем крупная. («Закон этой страны устроен так, что каждый может безопасно владеть своей собственностью, – сформулировала оказавшаяся в Мэриленде группа переселенцев из Германии. – Самый жалкий человек здесь защищен от притеснения самых могущественных»¹⁶.) Новых иммигрантов восхищало то, что в Соединенных Штатах можно приобретать собственность, не давая взятку. Сегодня призыв к защите прав собственности в странах «третьего мира» – это не попытка помочь богатым. В защите собственности нуждаются не те, у кого есть доступ к счетам в швейцарском банке. Она нужна малым и ненадежным пожиткам бедняков. Этот ключевой момент превосходно сформулирован в первой и лучшей из социальных энциклик католической церкви. В *Rerum Novarum* (О положении трудящихся), опубликованной в 1891 году, папа Лев XIII написал, что

¹³ Leon Trotsky, *The Revolution Betrayed* (New York: Doubleday, Doran & Co., 1937), 76.

¹⁴ Милтон Фридмен, интервью с автором, февраль 1988 г.

¹⁵ James Boyle, *Shamans, Software, and Spleens* (Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1996), 47.

¹⁶ James W. Ely, Jr., *The Guardian of Every Other Right: A Constitutional History of Property Rights* (New York: Oxford Univ. Press, 192), 16.

«главное основание социализма, общность имущества, следует всецело отвергнуть, ибо это причинило бы вред именно тем, кому должно бы принести пользу»¹⁷.

Институт частной собственности играет ключевую роль и в установлении справедливости в обществе. Это один из главных аргументов в его пользу, однако на связь частной собственности и справедливости указывают крайне редко – главным образом потому, что социальная справедливость понимается как распределение уже существующих благ. Неравенство приравнивается к несправедливости. И все же именно власть частной собственности делает людей ответственными за свои действия в сфере материальных благ. Эта система гарантирует, что люди на практике узнают последствия своих действий. Собственность ограждает нас и, кроме того, окружает нас зеркалами, обращающими на нас последствия нашего собственного поведения. И бережливый, и расточитель, как правило, получают по заслугам. В силу этого общество, основанное на частной собственности, движется к институционализации справедливости. Как сказал профессор Джеймс К. Уилсон, собственность – это «мощное противоядие против необузданного эгоизма»¹⁸.

Собственность – это к тому же и наиболее миролюбивый из институтов. В обществе, основанном на частной собственности, блага можно либо добровольно выменять, либо создать упорным трудом. Пока государство защищает права собственности, блага нельзя просто отнять силой. Более того, общество, правовые институты которого поощряют создание богатства, представляет меньшую угрозу богатству соседей. Напротив, в соседних обществах с коллективной собственностью будут процветать шайки грабителей и налетчиков. Кроме того, частная собственность позволяет стране достаточно разбогатеть для того, чтобы защититься от агрессивных соседей, что снижает вероятность конфликтов.

Частная собственность и рассредоточивает власть, и в то же время защищает нас от насилия. Она позволяет нам составлять собственные планы и использовать информацию, которой располагаем только мы. Она предоставляет нам беспрепятственную свободу действий в рамках автономной сферы. Люди не только получают возможность строить планы, но и в определенной степени оказываются вынуждены делать это. Тем не менее на протяжении большей части XX столетия и вплоть до самого недавнего времени большинство стран устремлялось в прямо противоположном направлении. Почти везде власть была централизована, а собственность – национализирована. Там, где эта тенденция достигла предела, – в централизованно планируемых экономиках коммунистических стран – группа «мозговых центров» в центре планировала за всех. Большинство людей превратилось, по сути дела, в бездумные орудия. Вот почему в этих странах установился тиранический режим – государство вступило в борьбу с естественными склонностями людей.

Между собственностью и процветанием существует естественная внутренняя связь. Основой рыночной деятельности является обмен, а когда блага находятся в коллективной собственности, обменять их не так-то легко. Поэтому экономика свободного рынка может быть построена только на базе частной собственности. Права собственности, как отмечают Дэниел Ергин и Джозеф Станислав в «Командных высотах», – это «фундамент рыночной экономики»¹⁹. Верно и то, что знание о существующем в обществе укладе собственности является предпосылкой экономического анализа, а экономическая теория должна выявить весь спектр влияний именно этого уклада. Частное владение позволяет людям «оценивать» то, чем они владеют (в бытовом и финансовом смысле), и «реализовывать» эту ценность. Это позволяет им решать, сколько предлагать или требовать за то или иное благо.

¹⁷ Pope Leo XIII, *On the Condition of the Working Classes (Rerum Novarum, 1891)* (Boston: St. Paul editions, n.d.), paragraph 23.

¹⁸ James Q. Wilson, "A Cure for Selfishness," *Wall Street Journal*, March 26, 1997.

¹⁹ Daniel Yergin and Joseph Stanislaw, *The Commanding Heights* (New York: Simon & Schuster, 1998), 377.

Связь между процветанием и частной собственностью стали признавать лишь недавно. Долгое время полагали, что плановая и централизованно управляемая экономика может усовершенствовать свободный рыночный порядок. Но оказалось, что распоряжения не обладающих собственностью чиновников не заменяют безбрежного многообразия рыночных оценок и рыночного обмена. Основной экономической иллюзией социализма была вера в то, что планирующие органы способны на это и могут достичь результата, производимого частной собственностью, или даже лучшего, потому что они якобы более справедливы.

Сквозь призму собственности

Взгляд сквозь призму собственности делает понятным неизменное и неожиданное превосходство Запада во второй половине XX века после Второй мировой войны. Страны, обладавшие развитой частной собственностью до того, как мир в ней разочаровался, по-прежнему имели реальный рост экономики. А новые постколониальные страны, экспериментировавшие с непроверенными методами, терпели неудачи. Когда Советы оказались у власти, статистические манипуляции представили удручающие достижения коммунизма в приукрашенном виде. И это жульничество продолжалось десятилетиями. Поэтому долгое время марксистская критика частной собственности, в соответствии с которой она была лишь служанкой классовых интересов, казалась вполне обоснованной. Создавалось впечатление, что система централизованного планирования прекрасно работает и без нее. Тем самым подлинная роль частной собственности в экономической жизни затушевывалась. Если уж самый популярный в Америке учебник по экономической теории не далее как в 1987 году утверждал, что «в послевоенный период темпы роста в СССР были в целом выше, чем в США»²⁰, как можно было говорить, что частная собственность является неперенным условием экономического роста?

Сегодня можно с определенной уверенностью утверждать, что величина валового внутреннего продукта (ВВП) СССР и его сателлитов была завышена раз в десять. Приведу один показательный пример. В публикуемые министерством торговли «Статистические обзоры США» (Statistical Abstracts of the United States) включены таблицы, сравнивающие данные о величине ВВП на душу населения в разных странах. В сборнике 1989 года – год падения Берлинской стены! – сообщалось, что в Восточной Германии доход на душу населения выше, чем в Западной (10330 и 10320 долл. соответственно). Из той же таблицы следовало, что в 1980 году в Восточной Германии величина ВВП на душу населения была выше, чем в Японии²¹. Сегодня об этих утверждениях предпочитают не вспоминать.

Проблема не сводится к вопросу достоверности статистики. Специалисты по экономическому развитию и элиты не сумели понять того, какие институциональные условия на самом деле необходимы для экономического роста. Эти условия и до сих пор остаются до известной степени непонятыми. Например, постоянно повторяемый призыв к «демократизации» других стран демонстрирует, что анализ западных политических институтов не продвинулся дальше требования регулярно проводить выборы. Но у демократии, как и у экономики, должны быть свои основы. Демократия не есть нечто такое, что можно пересадить – нагой и беззащитной – на неподготовленную почву анархии и тирании. Это не те условия, в которых развилась демократия в Западном мире, и нет оснований рассчитывать, что для «третьего мира» их будет достаточно.

В 1996 году обложка журнала *Economist* привлекла внимание читателей к «загадке экономического роста»²². Его неизменная асимметрия годами изводила разработчиков экономи-

²⁰ McConnell, *Economics*, 904.

²¹ U. S. Department of Commerce, *Statistical Abstract of the United States*, 1989 (Washington, D. C.: G. P. O.), 822.

²² “The Mystery of Economic Growth,” *Economist*, May 26, 1996.

ческих «моделей». В этих моделях все время чего-то не хватало. Теперь мы знаем, чего: частной собственности и принципа верховенства права. Мы лишь теперь начинаем понимать, что институциональная структура капитализма не столь «естественна», как думали некоторые. Ее имитация и моделирование оказались делом куда более трудным, чем представлялось. Ее последствия – окружающий нас материальный мир – мы принимаем за данность. Немногие понимают его эволюцию или логически предшествующий ему правовой фундамент. Перуанский ученый Эрнандо де Сото рассказывает поразительную историю о том, что он не мог найти человека, который смог бы растолковать ему правовые основы западной системы хозяйства²³. В конце концов он пришел к выводу, что такого человека не существует.

На Западе государства всеобщего благосостояния построены на посылке, что собственность, особенно имеющая форму дохода, больше не свята. Ее можно отнять у одних и отдать другим – к всеобщей выгоде. Последние получают от нее больше пользы, чем потеряют первые. Предполагалось, что такое перераспределение – дело и хорошее, и эффективное. Богатые избавятся от соблазна излишеств, а бедные – от своей бедности. Между тем «законы» экономики позаботятся о том, чтобы бедные страны сравнялись с богатыми. Факторы производства, и особенно капитал, смогут действовать в первых с большим эффектом, чем во вторых. В результате страны выравниваются по уровню богатства. Однако события пошли совсем по другому пути.

По моему мнению, объяснение со ссылкой на правовые и политические институты может привести нас лишь к утверждению, что, например, Британия первой в Европе развила правильную (способствующую процветанию) систему, которую я кратко обрисовал выше. Так можно объяснить большой успех и влияние Британии в XVIII веке. Куда труднее объяснить, *почему* это случилось в Британии, а не в другом месте. (В действительности Голландия вначале опережала Британию, но в какой-то момент совершила роковую ошибку: налоги оказались слишком высоки, и страна сделалась неконкурентоспособной. Тем не менее остается загадкой, почему голландцы сделали эту ошибку, а англичане – нет.) И опять-таки, почему в XX веке британцы уступили лидерство? Можно указать на изменения в законах, которые усилили государственное регулирование и ослабили конкуренцию. Но нелегко ответить на вопрос: почему правящий класс забыл то, что он знал когда-то. Сходная амнезия сегодня наблюдается в США.

Центральным элементом формирования системы, способствующей процветанию, стало великое открытие принципа равенства перед законом. Это то, чего не было у римлян и к чему быстро продвигались британцы. Это важнейшее из открытий западной правовой мысли, надежно хранимое в американской Декларации независимости. Верно и то, что происходящий в США отказ от предположения, что люди вполне равны, а потому закон должен относиться к ним соответственно, – огромная политическая ошибка. Если ее не исправить, она породит сильную напряженность и конфликты и станет крайне разрушительной.

В основе всего сказанного выше лежит предположение, что все люди в мире приблизительно одинаковы. Экономическое развитие мира было, конечно, очень неравномерным, и то же самое можно сказать о соответствующих правовых системах. Все страны, намного опередившие других, обладают свободными конкурентными рынками, на которых все важные стимулы закреплены законом. Следовательно, «теория» здесь сводится к тому, что если бы все народы имели одинаковую правовую и политическую инфраструктуру, они все, независимо от расовых различий, достигли бы сравнимого уровня экономического развития. Вероятно, эта теория со временем будет опровергнута. Возможно, будет доказано, что этнические различия оказывают заметное или даже существенное влияние. Но теория равенства по меньшей мере заслуживает, чтобы ее учитывали. Показательно, что граждане стран с тираническими правовыми режимами, попав за границу, демонстрируют куда более лучшие результаты. Убедительным примером являются индийцы, разделенные на касты и показывающие относительно

²³ Hernando de Soto, интервью с автором, февраль 1989 г.

малую производительность в Индии – но не в других странах. Нет сомнений, что их подавляют законы, а не генетические особенности. То же самое относится к ирландцам.

Любопытно, что в кругах юристов обрела влияние возникшая в 1970-х годах новая область – теория экономики и права. Ричард Познер, самый неутомимый из ее сторонников, чуть ли не в одиночку сумел превратить ее в настоящее движение. У него масса интересных идей, и эта новая сфера помогла в конце концов вернуть собственность на экономические факультеты. И все же в этой истории было нечто странное. Хотя сам Познер юрист – в 1981 году он был назначен судьей федерального апелляционного суда, где и пребывает по сей день, – дисциплина «Экономика и право» пробудила империалистический дух в экономистах, заявивших, что экономика влияет на право, точнее, образует логическое обоснование обычного права. Поразительное утверждение Познера заключалось в том, что экономическая эффективность – адекватная замена справедливости. Но более фундаментальная идея, состоящая в том, что экономическая жизнь полностью зависит от правового режима, была если не совершенно проигнорирована, то, во всяком случае, не получила достаточного внимания.

Познер дорожил той идеей, что существует объективная и измеримая вещь, именуемая эффективностью, которую можно использовать для разрешения вытекающих из закона моральных затруднений. Наконец-то можно будет уладить старые споры, не обращаясь к субъективному утверждению, что мое «нужно» ценнее вашего «нужно». Все это было очень увлекательно и спорно и породило обширную литературу. Брюс Акерман с юридического факультета Йельского университета назвал теорию экономики и права «самым важным, что произошло в области правовой мысли со времен Нового курса», и даже самым значительным достижением в области юридического образования «со времен создания Гарвардского юридического факультета»²⁴. Мы вернемся к этой теме в главе 20.

Собственность и прогресс

Упадок идеи собственности совпал с воцарением идеи прогресса. Между двумя этими событиями есть важная связь: на протяжении всей истории большинство людей правильно приспособлялось к жизни в том, что можно назвать «настоящее несовершенное». Считалось, что грехопадение испортило человеческую натуру. По этой причине собственность рассматривалась как необходимый, хотя, пожалуй, и неидеальный институт. *Конкретное* распределение благ не было ни Божьей волей, ни отражением естественной справедливости. Но следовало признать хоть *какое-то* распределение, чтобы сохранить мир и согласие. Так, наравне со многими другими, смотрел на дело святой Фома Аквинский. Как было бы прекрасно, будь мы совершенными существами, обходящимися без правил, границ и соглашений о собственности! Но пока этого не случилось – собственность незаменима.

До того, как Эдвард Гиббон опубликовал «Историю упадка и разрушения Римской империи», обычно считалось, что для улучшения общества следовало бы восстановить Золотой век. Философы и поэты страстно грезили об Эдеме до грехопадения. Все было общим, и все же людям удавалось жить в мире. Была гармония, и не было собственности. Жан-Жак Руссо, столь современный во многих отношениях, одним из последних выдвинул идею возврата к древней невинности. Ранее Сенека описывал время, когда «никто из людей не мог иметь больше или меньше другого; все вещи были разделены между ними без раздора... Скрыга не прятал бесполезное богатство, лишая других самого необходимого для жизни»²⁵. Он цитирует Вергилия, описывающего время, когда

²⁴ Paul M. Barren, "Influential Ideas: A Movement Called 'Law and Economics' Sways Legal Circles," *Wall Street Journal*, August 4, 1986.

²⁵ Arthur O. Lovejoy and George Boas, *Primitivism and Related Ideas in Antiquity* (Baltimore: John Hopkins Press, 1935), 272–273.

Земля, не возделана вовсе, лучших первин принесет...
Сами домой понесут молоком отягченное вымя
Козы, и грозные львы стадам уже страшны не будут. ...
И с невозделанных лоз повиснут алые грозди.

(*Буколики, Эклога IV*)

Во время Французской революции или незадолго до нее возникло нечто новое. Ностальгию по прошлому начало вытеснять то, что можно было бы назвать мечтой о «будущем совершенном». Все так же признавалось несовершенство человеческой природы, но теперь его считали лишь временным явлением. Возникла надежда, что в будущем человек станет более совершенным. В этом и заключалась суть идеи прогресса – абсолютно новой и очень опасной идеи. Именно в то время у ряда мыслителей возникли серьезные сомнения в отношении собственности. В опубликованных тогда текстах начинают попадаться такие выражения, как «существующий институт» или «нынешняя система» собственности. Поскольку появилась возможность изобрести что-то получше, существующая система сразу показалась ущербной. А значит, ее нужно изменить – возможно, даже полностью уничтожить. Другие же верили, что изменения, волей или неволей, уже начались. И, разумеется, они начались.

До того времени любое предложение об изменении системы собственности сразу наталкивалось на следующее возражение: альтернативные правила собственности хотя и желательны, но неосуществимы, потому что будут подорваны существующие стимулы. Частная собственность, по-видимому, единственная мера, побуждающая людей к упорному труду. Были попытки наладить коллективное хозяйство, но они провалились. Коммунары начинали со взаимной благожелательности, все были счастливы все делить и получать поровну, но через год-другой начинались ожесточенные свары. Кончалось это тем, что коммунальное имущество делили или «приватизировали», и все расходилось в разные стороны. (В главе 9 мы увидим, что именно так случилось в коммуне, организованной Робертом Оуэном в Индиане.)

Теперь появилась обнадеживающая перспектива: прогресс. В прошлом человек был эгоистичен, да он и сейчас таков (в «настоящем несовершенном»). Но будущее будет иным – «будущим совершенным». Невозможно изменить природу человека? Отнюдь! Однажды моральное развитие человека восторжествует над первородным грехом. И вот тогда-то частная собственность окажется ненужной. Интеллектуалов очень воодушевляло новое видение, манившее перспективой перестроить общество на совершенно новых основаниях и воспитать нового человека. Надежда на будущее заменила поэтическую мечту о прошлом. На место ностальгии пришел оптимизм.

Откуда пришла вера в то, что человеческую природу можно переделать? Ричард Пайпс из Гарварда выдвинул интересное предположение, что важную роль в этом сыграл Джон Локк²⁶. Это звучит парадоксально, потому что Локк был великим защитником прав собственности. Возможно, он заложил также основы и современных аргументов в пользу собственности, и позднейшего ее отрицания. Его «Опыт о человеческом разумении» (1689)²⁷ наметил путь к вере в то, что природу человека можно переделать. Опровергая предположение о существовании «врожденных идей», Локк доказывал, что все наше знание и понимание мы получаем из

---

²⁶ Пайпс Р. Русская революция. В 3-х кн. Кн. 1. М.: Захаров, 2005. С. 172–174.

²⁷ «Первое издание *Essay Concerning Human Understanding* поступило в продажу в декабре, а *The Two Treatises of Government* даже в октябре 1689 года, хотя на обеих книгах значился 1690 год, потому что тогдашние книготорговцы, так же как современные издатели журналов, ставили более позднюю дату, чтобы книги дольше выглядели только что изданными» (Maurice Cranston, *John Locke: A Biography* [New York: Macmillan, 1957], 327).

чувственного опыта. В изначальном состоянии, полагал он, «ум есть, так сказать, белая бумага без всяких знаков и идей»²⁸.

Здесь Локк открыл путь ряду самых современных идей, в том числе и радикальному материализму. (Сам он в этом отношении был агностиком и полагал, что «мы никогда не сможем знать, способно чисто материальное существо мыслить или нет».) Но было и кое-что еще: имея возможность контролировать воспринимаемую чувственную информацию, намекал он, мы сможем манипулировать содержанием нашего ума. «И если бы только это стоило делать, – пишет он, – то с ребенком, без сомнения, можно было бы устроить так, чтобы до достижения зрелого возраста он имел лишь очень мало даже обыкновенных идей»²⁹.

Наибольшее влияние «Опыт» Локка имел во Франции, где книга была опубликована в 1700 году. Философы Просвещения быстро осознали открываемые ею перспективы. Среди них был Клод Гельвеций, работа которого *De l'esprit* («Об уме») была опубликована в 1758 году. «Локк открыл путь истине», – писал Гельвеций, немедленно увидевший возможные последствия. Если наши мысли – это функция получаемых нами впечатлений, тогда с помощью законодательства можно контролировать то, что люди будут знать и переживать. А это значит, что людей можно улучшить. Не с помощью религии, добавлял он. Потому что «не от религии, не от того, что называют нравственностью, ...но только от одного законодательства зависит то, что люди считают грехами, добродетелью и счастьем»³⁰. Манипулируя тем, что мы сегодня называли бы «обучающей средой», людей можно формировать по тому или иному образцу. Фактически он заявил, что обучением можно добиться чего угодно. («L'éducation peut tout!») В XX веке эти идеи были доведены до конечных логических выводов – в лагерях по исправлению и перевоспитанию.

Основатель русского марксизма Г. В. Плеханов включил в свои «Очерки по истории материализма» восхитительное эссе о Гельвеции. «Принимая принцип “чувственного ощущения”, он показал себя самым последовательным и логичным из материалистов XVIII века»³¹, – написал Плеханов. Получилось так, что эту свою работу он написал в Женеве в 1895 г. В тот год и в том же городе он встретился и подружился с близким по духу революционером – Владимиром Ильичом Лениным.

Вера Гельвеция в то, что с помощью законодательства можно изменить человеческую природу, была «одной из самых революционных идей в истории политической мысли», – писал Ричард Пайпс, который, по-видимому, первым отметил роль Гельвеция как промежуточного звена между Локком и Лениным. «Экстраполяцией эзотерической теории познания была создана новая политическая теория, имевшая самые знаменательные практические последствия»³². У политики появилась принципиально новая задача – сделать человека добродетельным.

На Западе институт собственности более тысячи лет поддерживало учение о первородном грехе, утверждавшее, что человеческая природа глубоко порочна. Новая вера в то, что с помощью одного лишь законодательства можно справиться с природным несовершенством, показалась бы древним мыслителям не только абсурдной и ребяческой, но и нечестивой и даже еретической. Но после Французской революции и с распространением новых идей собственность стала предметом нападков. В конце концов если человеческую природу так легко изменить, то старый аргумент – о тщетности попыток изменить то, что установлено Богом, – начинает выглядеть просто реакционным.

²⁸ Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Локк Дж. Соч. В 3-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1985. С. 154.

²⁹ Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Локк Дж. Соч. В 3-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1985. С. 156.

³⁰ M. Grossman, *The Philosophy of Helvetius* (New York: Columbia, 1926), 11.

³¹ Плеханов Г. В. Очерки по истории материализма. М.: Гос. изд-во полит. литры, 1938. С. 93–94.

³² Пайпс Р. Русская революция. В 3-х кн. Кн. 1. М.: Захаров, 2005. С. 174.

Частную собственность критиковали и прежде, а отстаивали ее по меньшей мере со времен Аристотеля. Но бешеный натиск социалистов XIX века – Годвина, Оуэна, Маркса и других – был беспрецедентно силен. В результате собственность оказалась под огнем прежде, чем удалось проанализировать и защитить сам принцип частной собственности. В свое время Цицерон и другие сказали несколько хороших слов в ее пользу. Сам Локк защищал распределение благ, первоначально предназначенных в общее пользование: «Разрешается, чтобы вещи принадлежали тому, кто затратил на них свой труд, хотя до этого все обладали на них правом собственности»³³. Давид Юм защитил существующее распределение собственности – и его аргумент, естественно, был по душе всем, кто унаследовал большие состояния³⁴. В следующем поколении сэр Уильям Блэкстон сформулировал массу относящихся к собственности правовых норм³⁵. Но, когда началось наступление марксизма, не нашлось никого, кто предостерег бы о катастрофических последствиях, которые повлечет отмена частной собственности.

Утверждение социалистов, будто с уничтожением частной собственности на средства производства объем производства вырастет, казалось явно абсурдным, однако его начали повторять все больше людей. Поскольку собственность возникла в силу несовершенства человеческой природы, укрепилась странная идея, что отмена собственности послужит стимулом для преобразования человека. Этот ложный довод помог узаконить резкие преобразования, вскоре начатые большевиками. Началась их 70-летняя попытка организовать жизнь без частной собственности. В этот период установилось что-то вроде табу на обсуждение института собственности, сохранявшее силу на протяжении всего этого периода. Был запущен многообещающий эксперимент, а лабораторной площадкой стал Советский Союз.

Энтузиасты совершали вылазки в «будущее» и возвращались с оптимистическими репортажами. «Цементное тесто в точности подобно человеческой природе, – написал Джордж Бернард Шоу в 1931 году по возвращении из СССР. – Его можно скручивать, разглаживать и придавать любую форму, какую захотите; когда же вы придали ему форму, оно держит ее так хорошо, что кажется, будто оно всегда было именно таким»³⁶. Он добавляет, что Советское правительство «очень хорошо поработало над формой русского цемента... и он схватился очень прочно и породил совершенно особую породу животных». В конце 1991 года Борис Ельцин говорил о советском опыте именно как об эксперименте³⁷. Он высказал сожаление, что его сначала не опробовали в меньшем масштабе.

С годами рост мирового населения лишь увеличит значение частной собственности. Если за следующее столетие население удвоится, приватизация окажется неизбежной повсюду. Когда население было невелико в сравнении с территорией, как это было некогда в Северной Америке, не имело значения, что какие-то земли использовались коллективно и, следовательно, расточительно. Земли было в избытке, чтобы предотвратить то, что Гарретт Хардин назвал «трагедией общинных выгонов». Такое же положение до недавнего времени сохранялось в Африке. Тем не менее, если рост населения продолжится и если мы захотим не то что увеличить, но хотя бы сохранить существующий уровень жизни, вскоре придется приватизировать весь мир.

Принято говорить, что если рост населения продолжится, нас ждут массовый голод, истощение природных ресурсов и деградация окружающей среды. Но частная собственность решает все эти проблемы. Именно в малонаселенных странах, где собственность остается коллективной в силу обычая или государственной политики, – в Сомали, Эфиопии и Судане,

³³ Локк Дж. Два трактата о правлении. Кн. 2 // Локк Дж. Соч. В 3-х т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. § 30.

³⁴ Юм Д. Трактат о человеческой природе // Юм Д. Соч. В 2-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 541–553.

³⁵ Sir William Blackstone, *Commentaries on the Law of England* (опубликованы в 1765–1769 гг.).

³⁶ Michael Holroyd, *Bernard Shaw*, vol. 3 (New York: Random House, 1991), 249.

³⁷ “Gorbachev and Yeltsin Answer Questions from Americans on TV,” Reuters dispatch, *Washington Post*, September 7, 1991.

например, – мы наблюдали самый свирепый голод и экологические катастрофы. Однако страны, не обеспечивающие защиту и передачу частной собственности, определенно останутся отсталыми. Причина в том, что природа человека везде одинакова.

Величайшей ошибкой философов Просвещения и их последователей было представление, что преобразование человека будет делом простым. Природа человека оказалась менее податливой, а собственность – более незаменимой, чем им мечталось. Это породило сильное разочарование. В своих более радикальных проявлениях современное экологическое движение является, по-видимому, выражением обиды на косность человеческой природы. Если человечество не намерено совершенствоваться, тогда нужно хотя бы спасти природу от алчности этого безнадежного создания. Вице-президент Эл Гор все еще надеется на «насильственное преобразование общества»³⁸. Но все это уже достояние прошлого. Никто больше всерьез не говорит о «прогрессе» и не верит в то, что с помощью законодательства удастся явить миру «нового человека».

---

³⁸ Al Gore, *Earth in the Balance: Ecology and the Human Spirit* (New York: Plume, 1993), 274.

Глава 2. Собственность, право и экономика

Идея собственности интуитивно понятна. Животное, метящее границы своей территории, «очерчивает» права собственности. Собаки лаем «проводят их в жизнь». Несмотря на эту простоту, юристам до сих пор не удалось дать краткое определение собственности, что на этот раз им не в упрек. При детальном рассмотрении собственность вмещает бесконечное множество оттенков, компромиссов и сложностей. Любое простое определение тут же обрастает множеством исключений и уточнений. Исторически, однако, считалось, что собственность описывает закрепленное законом или обычаем отношение между личностью и вещью. Эта вещь может быть материальной или абстрактной. Конкретные люди, имеющие права собственности на вещь, обладают притязаниями, обеспеченными юридической санкцией. «Новый юридический словарь» (Giles Jacob, *New Law Dictionary*) Джайлза Джейкоба, с которым частенько свярялись юристы XVIII века, определял собственность как «высшее право, которое может быть у человека на что-либо»; в «Комментариях к английским законам» сэр Уильям Блэкстон (1723–1780), будучи первым профессором английского права в Оксфорде (да и во всем мире), определил собственность как «ту деспотичную власть, которую имеют притязания одного человека над физическими вещами этого мира, при полном исключении прав любого другого индивида во Вселенной»³⁹.

В XX веке вошло в традицию определять собственность как «пучок прав». В опубликованном в 1961 году влиятельном эссе профессор Оксфордского университета Тони Хонэр, специалист по римскому праву, подробно исследовал прутья этого пучка. Важнее всего следующие права: использовать вещь и исключать ее использование другими; изменять ее форму и структуру; пользоваться приносимыми ею плодами, включая доход; и, не в последнюю очередь, передавать право собственности на нее другому. Хонэр добавляет, что в различных правовых системах собственность означает примерно одно и то же. Если мы говорим о ком-то, что ему принадлежит зонтик, это означает одно и то же в Англии, Франции, России и любой другой современной стране: «Везде в простом, незапутанном случае, когда ни один другой человек не имеет претензий на вещь, “владелец” может использовать ее, не позволять другим использовать ее, волен одолжить ее, продать или, при желании, избавиться от нее. Нигде ему не позволено использовать свой зонтик для того, чтобы ткнуть своего соседа в грудь или разбить его вазу. «Собственность», «ownership», «dominium», «propriete», «Eigentum» и другие аналогичные слова обозначают не просто высшее притязание на вещь в некоей системе [права], но и определенного рода притязание, обладающее сходными чертами, выходящими за пределы отдельных систем [права]»⁴⁰.

В решении Верховного суда США по делу «*Pruneyard Shopping Center* против Роббинса» (1980) судья Уильям Ренквист отметил, что право исключить использование вещи другими людьми – это «один из основных прутьев в пучке прав собственности»⁴¹. За последние тридцать лет эта метафора стала очень распространенной, хоть и неизвестно, кто ее придумал. Возможно, это был Роско Паунд, декан Гарвардского юридического факультета в 1916–1936 гг., который использовал ее в последнем томе своего пятитомного трактата по юриспруденции.

Со времен Древнего Рима собственность была важнейшей отраслью права. По классификации вещей собственность – наиважнейшая категория в составленном в VI веке своде римского права, известном как «Институции» Юстиниана. Право лиц – другая важная категория,

³⁹ Sir William Blackstone, *Ehrlich's Blackstone*, ed. J. W. Ehrlich (San Carlos, Cal.: Nourse Publishing, 1959), 113.

⁴⁰ Tony Honore, *Oxford Essays in Jurisprudence*, ed. A. G. Guest (Oxford: Oxford Univ. Press, 1961). См. также Lawrence Becker and Kenneth Kipnis, eds., *Property: Cases, Concepts, Critiques* (Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall, 1984), 79.

⁴¹ Rehnquist, *Pruneyard Shopping Center v. Robins*, 447 U. S. 74 (1980).

описывающая правовой статус разных групп, преимущественно граждан, рабов и вольноотпущенников. То же деление преобладало и в XVIII веке, который можно считать лучшей порой собственности. Далее, однако, право лиц постепенно усыхало, тогда как относительное значение вещного права существенно возрастало.

Предложенная Американским институтом права (АИП) «Новая формулировка закона собственности» была честной попыткой пересмотреть понимание собственности. Организованный в 1923 году Американский институт права, опираясь на «мнение экспертов» и виднейших юристов, попытался предложить «систематическую формулировку общего права США»⁴². Это была по преимуществу академическая затея. Труд института можно рассматривать как скромную попытку повлиять на англо-американскую правовую традицию, развившуюся в залах судебных заседаний, внедрив в нее более академические и более континентальные элементы, разработанные на юридических факультетах.

В попытке (бесплодной) выдвинуть определение собственности АИП в значительной степени опирался на работу молодого профессора права Йельского университета Уэсли Ньюкомба Хохфелда (1879–1918), который после 1913 года написал трактат «Фундаментальные юридические концепции, применяемые для обоснования судебных решений». Одна из его главных идей заключалась в том, что правовые отношения могут существовать только между людьми. Раз «вещи» не могут быть ни истцами, ни ответчиками в суде, закон не предоставляет им слова. А это, в свою очередь, поставило под сомнение старое понимание собственности как отношение между человеком и вещью. Будучи добросовестным гегельянцем, Хохфелд верил, что у всего есть своя «противоположность» или соотносительное понятие, а потому, рассуждал он, право одного человека – это обязанность другого, полномочия одного – это обязательства другого, и т. п. Его специфическая терминология и зеркальный лабиринт соотносительных понятий и противоположностей просветили одних и запутали других, так что без поддержки АИП все его построения, вероятно, быстро забылись бы, как и другие гегельянские системы классификации⁴³.

Роско Паунд почти сразу отверг всю систему доводов Хохфелда. Тот ответил, что ему придется «заново осмыслить предмет и переписать работу»⁴⁴. Но вскоре после этого он умер, не осуществив нового замысла. С тех пор его идеи живут главным образом в главе «Основная терминология» используемого на юридических факультетах труда о собственности «Пауэлл о недвижимости»⁴⁵. (Ричард Р. Б. Пауэлл, профессор юридического факультета Колумбийского университета, многие годы руководил выработкой нового подхода к собственности в Американском юридическом институте и считается «старейшиной американских специалистов в области имущественного права»⁴⁶.)

Представляется, однако, что часто цитируемое резюме его идей – «в нашем законе правовые отношения существуют только между людьми. Невозможны правовые отношения между человеком и вещью или между двумя вещами»⁴⁷ – никак не помогает нам понять, что такое собственность. Думать иначе означало бы спутать частный случай с общим определением. Истец нужен, чтобы судья смог решить, что кому принадлежит в данном деле, но истец не нужен, чтобы прийти к общему определению собственности.

С тех пор Хохфелда чествуют в примечаниях, а академические круги помнят его как просвещенного предтечу современного скептического отношения к собственности. Именно это

⁴² American Law Institute, *Restatement of the Law of Property*, vols. 1–2 (St. Paul: American Law Institute Publishers, 1936), iv.

⁴³ Wesley N. Hohfeld, *Fundamental Legal Conceptions As Applied in Judicial Reasoning* (New Haven: Yale Univ. Press, 1923), 23–114.

⁴⁴ Roscoe Pound, *Jurisprudence*, vol. 5 (St. Paul: West Publishing Co., 1959), 126–27.

⁴⁵ Richard R. B. Powell, *Powell on Real Property*, rev. ed. (New York: Matthew Bender, 1968).

⁴⁶ Richard R. B. Powell and Patrick J. Rohan, Preface to Powell, *Powell on Real Property*, xv.

⁴⁷ American Law Institute, *Restatement of Property* 1: 11.

имел в виду профессор Брюс Акерман, когда написал в своей работе «Частная собственность и Конституция» (1977): «Полагаю справедливым признать, что одна из главных задач первого года обучения по курсу “Собственность” заключается в том, чтобы освободить приступивших к изучению права студентов от примитивных представлений о собственности. Они узнают, что только совершенный невежда может видеть смысл в разговоре о собственности, свободной от всяких дальнейших обязательств. Вместо того чтобы определять отношение между человеком и «его» вещью, право собственности рассматривает отношения, возникающие между людьми в связи с отношением к вещам. Точнее говоря, право собственности рассматривает то, как права на использование вещей могут быть распределены между теми, кто соперничает за использование ресурсов»⁴⁸.

Разумеется, «пучок прав» можно разъединить. Иными словами, права собственности могут быть разделены. Один может владеть зданием, а другие арендовать его. Некоторые истолковали эту возможность разделения пучка прав собственности как «дробление» этой самой собственности. Профессор Томас Грей из Стэнфордского университета, например, написал, что конечным результатом вытеснения старой «концепции собственности как владения вещами будет то, что собственность перестанет быть важной категорией теории права и политики». Фактически, добавляет он, это ведет к «разрушению самого понятия собственности»⁴⁹. Но это, разумеется, неверно. Вещами по-прежнему владеют, а собственность остается важной категорией правовой и политической теорий.

Возможность легко разъединить пучок прав собственности на отдельные прутья оказывается одной из самых полезных черт собственности. Если бы она действительно подчинялась правилу «всё или ничего», то нельзя было бы разделить земельные участки, имущество, переданное в доверительное управление, а здания и автомобили нельзя бы было брать в аренду, и наш мир стал бы куда менее удобен для жизни. Аренда, например, позволяет нанимателю извлекать пользу из частичного владения, не принимая на себя все издержки и обязательства, вытекающие из всей совокупности прав собственности. Делимость прав собственности делает социальные решения более гибкими, позволяя приобретать и использовать отдельные, особо ценные права, или «путья». Чтобы понять это, достаточно вспомнить про удобства тайм-шера апартаментов в местах отдыха.

О делимости прав собственности известно очень давно. В XIX веке юристы отмечали, что участок земли может использовать под пашню один человек, право прохода через него может принадлежать другому, третий может иметь право использовать его как пастбище после покоса, а четвертый сможет взять кредит под залог этого участка, – и при этом, возможно, ни один из них не будет его владельцем. Тем не менее все эти права могут сходиться к одному человеку. Эта способность прав разделяться, а затем вновь соединяться в руках одного лица является важнейшей чертой собственности. Как отметил около ста лет назад сэр Уильям Маркби, собственность «воспринимается как совокупность отдельных прав не в большей степени, чем кувшин воды как совокупность отдельных капель»⁵⁰.

Чрезвычайно важно, чтобы собственнику позволялось сохранять контроль над условиями, на которых происходит «разделение» пучка прав. Если государственные органы сами завладевают привилегиями собственности, то собственность фактически погибает. К примеру, при драконовских законах о регулировании арендной платы на долю номинальных собственников может остаться одна лишь ответственность за ремонт «их» зданий. При таких условиях рынки аренды разрушатся. На западе США права водопользования долгое время были принудительно отделены от других прав и обязанностей, связанных с собственностью на воду. Как

⁴⁸ Bruce Ackerman, *Private Property and the Constitution* (New Haven: Yale University Press, 1977), 26.

⁴⁹ Bruce, *Economic History*, 220.

⁵⁰ Sir William Markby, *Elements of Law*, 6th ed. (Oxford, Clarendon Press, 1905), 158.

показано в главе 18, это привело к грандиозной расточительности в использовании ценного ресурса.

Рассматривая древние категории права, мы видим, что на Западе вплоть до XX века развитие шло в направлении сведения к минимуму различий в правовом положении лиц и в то же время к более подробной проработке видов собственности. В тысячелетие, последовавшее за падением Рима, из закона постепенно вымывались сословные различия. Фактически на Западе трансформация права в послеримский период шла в направлении замещения групп, имеющих разный правовой статус, единым субъектом права, обладающим всей полнотой прав; можно назвать это тенденцией к демократизации. Данное изменение куда в большей степени, чем любое другое, заложило на Западе основу для возникновения экономики свободного рынка, или «капиталистической» экономики. XX век, однако, стал свидетелем угрожающего попятного движения. Была предпринята далеко зашедшая попытка восстановить различия в правовом статусе лиц, разделенных на классы с особыми привилегиями и поражениями в правах. Законы все в большей мере учитывали такие характеристики, как расовая, половая и этническая принадлежность. Одновременно была сделана попытка подорвать имущественное право – сделать собственность нелегитимной, отменить ее, экспроприировать или по крайней мере перераспределить.

С середины 1980-х годов началось частичное контрнаступление. Безусловно, интерес к проблемам собственности восстановился. Вооружившись содержащейся в пятой поправке к Конституции США оговоркой о допустимости изъятия собственности с условием выплаты компенсации, профессор Ричард Эпштейн с юридического факультета Чикагского университета в книге «Изъятия» (1985) утверждал, что в период Нового курса и после него большинство программ перераспределения доходов были неконституционны⁵¹. В 1987 году профессор Хонэр пересмотрел свою статью 1961 года, описывавшую составляющие пучка прав собственности. Позднее он пришел к выводу, что собственность является «важнейшей правовой концепцией» западной культуры. В первом варианте статьи говорилось, что она является «одним из характерных институтов» западной культуры. За прошедшую между двумя статьями четверть века значение собственности в его глазах существенно выросло – как и в глазах многих других за тот же период⁵².

Следующее узловое событие пришлось на 1993 год, когда профессор права Роберт Элликсон из Йельского университета опубликовал большую статью «Собственность на землю» (Robert C. Ellickson, “Property in Land”). Он предложил осмыслить собственность как воплощение нормы, действующей по умолчанию, или «пакет прав по Блэкстону». Отдельный индивид обладает вечным правом собственности на территорию, демаркированную горизонтальными границами, с абсолютным правом использовать ее по своему разумению: закрывать доступ на нее или отказывать в праве прохода и передавать ее всю или по частям посредством акта продажи, дарения или завещания. На практике, добавляет он, англо-американский закон и обычай, как правило, порождают не столь абсолютный набор прав, именуемый «абсолютным правом собственности» с условием не доставлять неприятностей соседям⁵³.

Юристы и право собственности

Обществу, не знающему права собственности, едва ли нужны юристы. Не случайно выражение «советский юрист» воспринималось как оксюморон. Дигесты Юстиниана трактуют прежде всего вопросы собственности. Тем не менее немилость, в которую впала собственность

⁵¹ Richard A. Epstein, *Takings: Private Property and the Power of Eminent Domain* (Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1985).

⁵² Tony Honore, *Making Law Bind* (New York: Oxford Univ. Press, 1987), 161.

⁵³ Robert Ellickson, “Property in Land,” *Yale Law Journal* 102 (1993): 1362-1363.

в XX веке, порой распространялась и на юридическую профессию. Причина в том, что у рядовых служителей закона нет причин размышлять о таких абстракциях, как роль собственности в обществе. Юристов интересуют вещи конкретные и практические. Например, чтобы добиться судебного решения в пользу своего клиента, им нужно точно знать, какие положения закона, какой суд и какие свидетели требуются для достижения положительных результатов. Если клиент умер, не оставив завещания, юриста призывают, чтобы решить проблемы, возникающие из-за соперничества наследников или кредиторов. Для удовлетворительного решения такого рода задач юрист должен стать знатоком тонкостей закона и всевозможных исключений; ему незачем тратить время на размышления о том, как законы о собственности связаны с потребностью в надежных методах приобретения, использования и передачи богатства.

Интересы юристов можно противопоставить интересам экономистов, которые совершенно отличны. Экономистов не интересуют конкретные люди или конкретные каналы, по которым течет богатство. В судебных тяжбах по поводу, например, завещания или контракта экономистов не интересует, по какому адресу попадут деньги. Но им нужно знать ответ на более общий вопрос: можно ли вообще добиться выполнения договора? Если нет – значит, речь идет об обществе, в котором богатство нелегко переходит из рук в руки. Поскольку экономическая теория в основном занята обменом благ, можно предсказать, что такое общество будет экономически примитивным. Если человек умер, не оставив завещания, экономиста не интересует, кто именно получит наследство – сыновья, дочери или охранники. Для него важно только, чтобы можно было с уверенностью передать по завещанию имущество любому выбранному получателю. С точки зрения экономиста, недопустимо, чтобы государство разграбляло и поглощало частные состояния, прежде всего потому, что такое его поведение негативно скажется на готовности людей создавать богатства.

Другое древнее разделение права – на публичное и частное – помогает понять то, как изменилось правовое положение собственности в XX веке. Тяжба может возникнуть между частными гражданами (например, в случае развода) или в общественно значимых ситуациях, когда государство представляет интересы всех граждан (самый очевидный пример – уголовное право). Долгое время считалось, что право собственности принадлежит к сфере частного права. Фактически считалось, что оно образует ядро частного права. Собственность сама по себе противопоставлялась государству. «Я полагаю правильным и принятым разделение права на *ius publicum* и *ius privatum*, – сказал Фрэнсис Бэкон, – поскольку второе представляет собой опору собственности, а первое – государства»⁵⁴.

Но в конце XIX века произошла исключительно важная перемена. Право собственности становилось все менее и менее вопросом частного и все более и более вопросом публичного права. Прежние инструменты для операций по передаче собственности по большей части намного упростились посредством таких новшеств, как регистры собственности и совершенствование методов оценки. Экономились время, издержки и большие гонорары нотариусам и юристам. Однако одновременно сильно увеличились налоги и государственное регулирование, что в результате отчасти подорвало прежнюю защищенность собственности. По мере того как передача собственности становилась рутинным делом, внимание и мастерство юристов из сферы частного права все больше и больше переключались в сферу публичного права. Профессор Ф. Г. Лоусон из Оксфордского университета отметил в своем «Введении в имущественное право» (1958): «Юрисконсульт, помогающий своему клиенту в покупке дома, может сравнительно мало беспокоиться о проверке правового титула (который принадлежит исключительно к сфере частного права), так как ему известно из опыта, что с правом собственности почти наверняка все в порядке, но он очень тщательно изучит муниципальное и государственное регулирование, которые могут наложить существенные ограничения на использование здания.

⁵⁴ Frederick H. Lawson, *Introduction to the Law of Property* (Oxford: Clarendon Press, 1958), 90.

Подобным же образом если в прежние времена юрист, ведущий дело по передаче имущества, стремился уладить дело так, чтобы все произошло чисто по-семейному и при этом каждый из участников был бы защищен от возможных посягательств со стороны других, то в настоящее время он предпочитает доверять тому, что все участники будут вести себя достойно по отношению друг к другу, если только он сможет защитить их от большого злого волка – от государства, взимающего налоги»⁵⁵.

Экономисты и вещное право

Всего существует три формы собственности: частная, общая и государственная. Частная собственность децентрализует право собственности, закрепляет за отдельными людьми права использовать определенные вещи и исключает использование этих вещей другими. Понятно, что в свободном обществе таких собственников тысячи или даже миллионы. Они могут продавать свои права собственности и оставлять выручку себе. При общей собственности права на некоторые блага неким образом делятся среди определенного или неопределенного числа людей. Воздух и океаны являются общими, и то же самое можно было сказать о большей части американских земель до прибытия европейцев. В семье, а также в общине и коммуне многие вещи рассматриваются как общее достояние. В случае третьей формы, то есть государственной собственности, ею управляют менеджеры, нанимаемые и оплачиваемые государством, и по закону они не могут отчуждать государственное имущество в свою пользу. Обычно такое имущество вообще не предназначено для продажи, хотя иногда отдельные объекты продают в частный сектор. В таких случаях предполагается, что выручка от продажи идет в государственный бюджет, а не в карманы государственных служащих⁵⁶.

Современные общества обычно представляют собой смесь разных форм собственности. «Оптимальная смесь», как указал Ричард Эпштейн, зависит от природы вещей⁵⁷. При этом не обязательно придерживаться марксистской или либертарианской догмы. Как давно было известно римлянам, некоторыми вещами в силу их природы должно управлять государство, – к примеру, теми, что требуются для обеспечения обороны страны или для отправления правосудия и проведения законов в жизнь. Подобные блага представляют собой естественную монополию, потому что при попытке предоставлять их частным образом невозможно исключить их использование неплательщиками [налогов]. Поэтому предоставление их частным образом сопряжено с большими трудностями, если только вообще возможно. Но большинство благ, как полагали и римляне, должны находиться в частной собственности.

Эти три формы собственности порождают абсолютно различные стимулы. Можно считать, что они «программируют» людей действовать по-разному. Поскольку они побуждают к разным типам поведения, то большой интерес для экономистов должны представлять и структуры собственности, установленные законом и обычаем. Экономическую науку можно определить как исследование тех выборов, которые делают люди в отношении ценных вещей. До недавнего времени, однако, экономическая теория уделяла мало внимания структуре законов и различию стимулов, порождаемых разными правовыми режимами.

Покойный Манкур Олсон, автор книги «Логика коллективных действий» (Mancur Olson, *The Logic of Collective Action*), исследовав сильно колеблющиеся темпы экономического роста во всех уголках мира, сделал вывод о том, что разнородность правовых режимов оказывает решающее влияние на их результаты. Он полагал, что экономисты пренебрегали этим факто-

⁵⁵ Frederick H. Lawson, *Introduction to the Law of Property* (Oxford: Clarendon Press, 1958), 90.

⁵⁶ Подробнее об этих трех конфигурациях см. Jeremy Waldron, *The Right to Private Property* (Oxford: Clarendon Press, 1988), 37–46.

⁵⁷ Richard A. Epstein, "On the Optimal Mix of Private and Common Property," in *Property Rights*, ed. Ellen F. Paul, Fred D. Miller Jr., and Jeffrey Paul (New York: Cambridge Univ. Press, 1994), 17–41.

ром по очень простой причине – в силу недостаточности кругозора. Начиная с Адама Смита все ведущие экономисты были выходцами из стран, в которых существовали главные правовые предпосылки для реального экономического развития. Поэтому они принимали их как данность. Это было «грандиозной оплошностью, – признавал Олсон. – Экономическая теория была разработана, в широком смысле, в обществе определенного типа, то есть в демократическом обществе с защищенными правами и независимым судом, поэтому люди и не особо думали о значении этих вещей для экономической науки»⁵⁸.

Отсюда следует, что если мы хотим понять экономическое поведение, характерное для какого-то общества, сначала нужно хотя бы в общих чертах узнать его законы. Экономисты порой были склонны полагать, что верно как раз обратное: экономика сама формирует право. Кто прав? Истина в том, что влияние распространяется в обоих направлениях, но первое – влияние права на экономику – намного важнее. Течение реки влияет на очертания берегов, но если смотреть в корень, то именно рельеф местности определяет русло реки. И все же идея, будто экономика влияет на законы так же, как течение реки формирует ее берега, среди экономистов исторически пользовалось большим влиянием. Этой точки зрения придерживался Адам Смит, а Карл Маркс сделал ее популярной. Рассмотрим эту идею подробнее.

Технологические изменения ведут к изменению относительных цен, а в итоге дорожающие товары могут вызвать нужду в усилении правовой защиты. Очень может быть, что под действием такого рода экономических сил законы действительно изменятся. Именно такие изменения мы наблюдали в последние годы в области интеллектуальной собственности (см. главу 19). Но если смотреть глубже, то именно берега определяют течение реки, а существующие законы управляют поведением агентов экономической деятельности. Именно эта направленность влияния требует более подробного исследования.

Нам поможет аналогия с бейсболом. У этой игры очень жесткие правила, и понять игру можно только в свете этих правил. В то же время под влиянием устойчивых веяний в игре правила порой меняются. Несколько лет назад круг питчера⁵⁹ немного понизили, так как возникло убеждение, что они слишком доминируют в игре. Это пример того, как игра изменяет правила. Но, чтобы понять, что происходит на поле сегодня, нужно знать действующие правила. Если на стадион придет иностранец, никогда не слышавший о бейсболе, и захочет понять, что происходит на поле, кому-то придется сначала объяснить ему правила. Они и вправду складывались десятилетиями, но это можно при желании изучить потом. А главное здесь в том, что правила – своего рода «инфраструктура» того, что происходит на поле, и на которой строится игра.

То же самое справедливо и в отношении реального мира экономической жизни: чтобы понять, что происходит и чего не происходит в конкретной стране, сначала нужно узнать правила игры – действующие законы этого общества. После длительных поисков причин отсталости родного Перу и стран «третьего мира» в целом, бизнесмен и писатель Эрнандо де Сото пришел к выводу, что право издавна является «отсутствующим ингредиентом» экономического дискурса⁶⁰. Зашедшие в тупик специалисты по экономическому развитию его просто не изучали.

Большинство экономических решений принимается без прямого влияния законов. Результаты бейсбольного матча точно так же не зависят от правил. Но игру и на стадионе, и в экономике ограничивают правила. Право – это совокупность ограничений, устанавливающих рамки, в которых люди могут преследовать свои интересы. Они принимают одни решения и уклоняются от других, потому что знают, что законно, а что нет и за что их похвалят, а за что –

⁵⁸ Манкур Олсон, интервью с автором, апрель 1991 г.

⁵⁹ Подающий в бейсболе стоит на прямоугольной плите, приподнятой над площадкой в среднем на 25 см. – *Прим. перев.*

⁶⁰ Hernando de Soto, "The Missing Ingredient," *Economist*, September 11–17, 1993.

накажут. Пока нам не станут известны важнейшие особенности правовой структуры общества, все наши попытки предсказать экономическое поведение его членов обречены на неудачу.

Некоторым экономистам необходимость законов, защищающих собственность, казалась слишком очевидной, чтобы упоминать о них. Действительно, законы против воровства и грабежа существуют везде, и об их важности можно не говорить. Но есть множество промежуточных состояний. В мире, в котором мы живем, нельзя сказать, чтобы собственность, с одной стороны, полностью уважалась, а с другой – не существовала вовсе. Если законы против грабежа существуют на бумаге, но применяются лишь выборочным образом, как это, к примеру, происходит сегодня в гетто центральных районов некоторых американских городов, этого хватит, чтобы заглушить экономическую деятельность в таких местах. Несколько лет назад сторонников «экономики предложения» критиковали за пропаганду идеи, что для создания зон активного предпринимательства достаточно сокращения налога на доход от прироста капитала, тогда как основная проблема состояла в том, что эти районы были попросту опасны.

В некоторых странах «третьего мира» правительственные чиновники даже при существовании законов против воровства могут безнаказанно присваивать чужое имущество. В таких условиях, как это было, например, в бывшем Заире, экономический рост представляется невозможным. Или возьмем влияние разорительных налогов. Они тоже угнетают экономическую активность. Короче говоря, между «защищенной» и «незащищенной» собственностью есть много промежуточных состояний. Как мы уже видели, собственность можно расчленять, измельчать и расщеплять. Это делается разными методами, с согласия владельцев или без их согласия, и такая практика имеет прямое отношение к перспективам экономического роста.

Поэтому можно ожидать, что вначале понадобится приложить много сил для определения того, какие законы нужны, чтобы экономическая игра была эффективной, и какие существенные для экономики законы действуют в разных странах. В зависимости от законов и степени их обеспечения люди по-разному используют свои ресурсы и таланты. В последние годы такой проект осуществляется в Институте Фрейзера (Ванкувер, Британская Колумбия) с участием ведущих экономистов, включая Милтона Фридмена, Гэри Беккера и Дугласа Норта (см. главу 21). Тем не менее особенностям правового режима прежде уделяли мало внимания. Всемирный банк, Международный валютный фонд и ООН собирают экономическую статистику, но вплоть до недавнего времени не обращали внимания на пестроту правовых условий экономической деятельности. Это как если бы в бейсбол играли в сотне стран, а международная организация вела статистику игр, игнорируя при этом то, что в одних странах зона страйка уже, в других шире, что в одних странах принимающие игроки используют перчатки, а в других нет, и т. п.

Причина такого невнимания в том, что долгое время не было согласия по вопросу о связи между правилами и игрой. Фактически экономисты оспаривали влияние правовых институтов на экономическую деятельность. Если они в чем-то и были согласны, то лишь в том, что государственная собственность вызывает более быстрый экономический рост, чем частная. «В СССР реальный ВВП длительное время рос быстрее, чем в большинстве стран с рыночной экономикой», – писал Пол Самуэльсон в 13-м издании (1989 г.) своего знаменитого учебника, когда Берлинская стена уже рушилась⁶¹. Один лауреат Нобелевской премии по экономике заявил в 1960-х годах, что структура прав собственности не оказывает влияния на поведение людей⁶². В конечном счете это мнение соответствовало господствовавшей неоклассической теории, которая более ста лет уклонялась от вопроса о том, какие институциональные правила способствуют росту экономической производительности.

⁶¹ Paul Samuelson and William D. Nordhaus, *Economics*, 13th ed. (New York: McGraw-Hill, 1989), 841.

⁶² Edmund W. Kitch, ed, "The Fire of Truth: A Remembrance of Law and Economics at Chicago, 1932–1970," *Journal of Law and Economics* 26 (April 1983): 229.

Среди экономистов, критиковавших этот вакуум в сердце экономической теории, наиболее известен Дуглас Норт из Вашингтонского университета в Сент-Луисе. В 1993 г. он вместе с Робертом Фогелем получил Нобелевскую премию по экономике – и это был еще один поворотный пункт в интеллектуальной жизни. В нобелевской речи Норт заметил, что неоклассическая теория – «неподходящий инструмент», если мы хотим понять, почему одни страны экономически развиты, а другие нет. Экономисты наполнили свои теории самой точной математикой, сказал он, но при этом совершенно проигнорировали «структуру стимулов, воплощенную в институтах». Важнейшим из них является система «действенных прав собственности». Он имел в виду частную собственность⁶³.

«Неоклассическая модель ничего не говорит о правах собственности, – ранее заявил Норт интервьюеру. – Она ничего не говорит о соотношении между капитализмом и социализмом, даже не упоминает об институтах капитализма и социализма»⁶⁴. В своей работе «Структура и изменение в экономической истории» он отметил, что неоклассическая теория не учитывает ни одного института, за исключением абстрактного рынка⁶⁵. Считалось, что по мере того как разные экономики стремятся к росту эффективности, они неизбежно будут сближаться под давлением закона убывающей отдачи. Однако в конце концов Норт разочаровался в этой идее и в 1990 году раскритиковал ее: «Главная загадка экономической истории – причина широкого разнообразия путей исторических перемен. Почему пути обществ расходятся? Какова причина крайне различающихся экономических показателей? В конце концов мы все вышли из первобытных групп, живших охотой и собирательством. Факт такого расхождения тем более ставит в тупик, что стандартная неоклассическая теория международной торговли утверждает, что экономики ввиду их обмена товарами, услугами и факторами производства со временем должны постепенно сближаться. [А вместо этого мы обнаруживаем, что] разрыв между странами богатыми и бедными, развитыми и неразвитыми сегодня столь же велик, как всегда, и, пожалуй, стал даже шире, чем когда-либо. Чем можно объяснить это расхождение? ...Эволюционная гипотеза, предложенная [Арменом] Алчианом в 1950 году, утверждает, что повсеместная конкуренция приведет к устранению неэффективных институтов и вознаградит выживанием те, которые лучше решают людские проблемы»⁶⁶.

Норту пришлось расстаться с той идеей, что под диктатом эффективности правовые институты совершенствуются самостоятельно. Бездна застойные экономики накладывают слишком жесткие ограничения на теорию. В конце концов он пришел к выводу, что правители «просто изобрели права собственности в собственных интересах». Концепцию экономической эффективности мы исследуем в главе 20. Если рассматривать ее в отрыве от правовых институтов, она оказывается слишком неопределенной. Ее в этом случае можно определить иначе, чем результат свободного рыночного обмена между частными собственниками. Необходимо отбросить идею о том, что по мере развития, начав с гоббсовского состояния отсутствия законов, разные экономики будут сближаться под давлением эффективности. Это так же неправдоподобно, как вера в то, что если людям в разных частях мира, никогда не слышавшим о бейсболе, раздать мячи и биты и попросить изобрести игру, в которой с каждой стороны участвуют девять игроков, то все они начнут играть в бейсбол по американским правилам.

⁶³ Douglas C. North, "Economic Performance through Time," *American Economic Review* 84 (June 1994): 359–366.

⁶⁴ Дуглас Норт, интервью с автором, февраль 1988 г.

⁶⁵ Douglas C. North, *Structure and Change in Economic History* (New York: W.W. Norton, 1981), 8, 17.

⁶⁶ Douglas C. North, *Institutions, Institutional Change, and Economic Performance* (New York: Cambridge Univ. Press, 1990), 6–7.

Динамо-машина и Интернет

Как получилось, что из поля зрения выпала ключевая роль права? Представляется невозможным назвать точную дату, когда это произошло, но в конце XIX века экономисты вдруг уверились, что старые принципы права уже несущественны для их построений. Стэнли Джевонс, один из основателей неоклассической теории, к 1880-м годам стал врагом «любой теории вечных неизменных принципов или абстрактных прав»⁶⁷. Ориентацию на *laissez faire* сменила вера в положительное законодательство, устраняющее нежелательные явления. Бедность, например, стали считать следствием низкой заработной платы, а для борьбы с последней было решено использовать законы о минимальной заработной плате. Консервативный А. В. Дэйси отметил в 1905 году: «Изумляет та скорость, с которой наступает коллективистское законодательство»⁶⁸. Обнаружилась огромная пропасть между либерализмом последователей Бентама и новым «демократическим коллективизмом».

Экономисты, чью доктрина *laissez faire* обрекала на роль сторонних наблюдателей, были готовы идти во власть. Их руки легли наконец на рычаги политики. Западные ученые порой проявляли открытое презрение к праву. Принцип, согласно которому органы государственной власти не должны обладать широкими полномочиями на действия по собственному усмотрению, – это «принцип вигов, а все остальные могут пренебречь им», – объявил Айвор Дженнингс, преподававший в 1930-е годы конституционное право в Лондонском университете. Он утверждал, что «закон таков, что закон в любой момент может быть изменен»⁶⁹.

Важную роль сыграла новая экономическая статистика. После усреднения и агрегирования индивиды и их стимулы исчезли из поля зрения. Кейнсианская теория, предложенная в 1936 году и тут же подхваченная профессиональным сообществом, знать не знала ни о каких политических институтах или частной собственности. Это была теория экономической деятельности, успех которой зависел от... самой экономической деятельности. Для того чтобы перевернуть землю, ей не нужна была точка опоры. Предложение – производство полезных вещей стало считаться просто-напросто функцией спроса. Множественность рыночных обменов теперь была представлена в виде замкнутой гидравлической системы. «Поток доходов» двигал «экономику», которую, используя в качестве модели технологию периода Великой депрессии, уподобили огромной динамо-машине. Государственные расходы без малейших затруднений вливались в поток доходов и увеличивали его мощь. При этом частные сбережения, представленные как содержимое «отстойника», уменьшали движущую силу потока доходов. Поэтому охоту к частным сбережениям отбили посредством налоговой политики, которая отчасти действует и в наши дни.

Как только было принято представление об экономике как о гидравлическом механизме, который централизованно контролируется экономистами, использующими рычаги налоговой и денежной политики, стало крамоллой считать отдельных индивидов и предприятия центрами принятия решений. Как в системе Коперника, национальное правительство стало центром экономической солнечной системы. Экономистов уполномочили следить, чтобы система работала без сбоев, а собственностью можно было пренебречь. Казалось, что независимо действующие хозяйствующие субъекты противоречат самой идее научно управляемого экономического механизма. Крах СССР открыл глаза на то, что кейнсианская концепция экономики если и не вовсе не верна, то уж наверняка сильно устарела, а теории эпохи Великой депрессии все менее пригодны в мире, которым правит Интернет.

⁶⁷ William Stanley Jevons, *The State in Relation to Labour*, 3d ed. (London: Macmillan, 1894), 16.

⁶⁸ Albert V. Dicey, *Law and Public Opinion in England* (London: Macmillan, 1905), 493–94.

⁶⁹ Ivor Jennings, *The Law and the Constitution*, 5th ed. (London: Univ. of London Press, 1959), 309.

Часть II. Проблема безбилетника

Введение

Антропологи утверждают, что на свете не было общества, не знавшего норм собственности. Но сами по себе нормы могут быть очень разными. Как мы уже видели, есть три основные формы собственности. Анализируя частную собственность, нельзя обойти вниманием другие формы. В этой главе мы поговорим о коллективной, или общей, собственности. Эта форма собственности определяет, какие именно люди имеют права на некие блага в условиях, когда их индивидуальные доли не определены. Членов общины можно определить точно, и они могут принять решение не допускать к этим благам посторонних. Если к коллективным благам неограниченно допускаются все, это логически эквивалентно отсутствию прав собственности. С другой стороны, если собственники общественных благ поставят потребление в соответствие трудовому вкладу или станут «вести учет» труда и потребления, это означает, они уже встали на путь превращения коллективной собственности в частную.

Когда в 1620 году отцы-пилигримы прибыли в Массачусетс, они создали общество с коллективной собственностью – Плимутскую колонию. Но в течение трех лет они приватизировали собственность. Между этими двумя событиями пилигримы на собственном опыте испытали великую проблему коллективной собственности: установить особую систему поощрений и наказаний, которой требует благосостояние общины для преодоления человеческой природы. Эта особенность коллективизма называется «проблемой безбилетника». Помимо прочих недостатков, она порождает то, что Гарретт Хардин назвал «трагедией общинных выгонов»⁷⁰. Если, столкнувшись с проблемой безбилетника, коллективная собственность приватизируется, члены общины могут воспринять эту перемену как восстановление справедливости.

---

⁷⁰ Garrett Hardin, "The Tragedy of Commons," *Science* 162 (December 13, 1968): 1243: 48.

Глава 3. Самонадеянность Платона: собственность в Джеймстауне и Плимуте

Джеймстаун

«На двадцать четвертый день мы воздвигли крест в верховье этой реки, которую называли Королевской, и провозгласили, что Иаков, король Англии, имеет первостепенное право на нее». Так писал Джордж Перси о первых днях пребывания английских колонистов в Джеймстауне, штат Виргиния. Незадолго до этого Яков I подписал мирный договор с Испанией, а вскоре после этого в Лондоне было образовано акционерное общество, получившее название Виргинская компания. В мае 1607 г. три небольших судна поднялись вверх по реке Джеймс и пристали в Полосе приливов⁷¹. Через шесть месяцев пребывания в Виргинии из 104 человек, отплывших из Лондона, в живых остались только 38, хотя страна была плодородна, а во многих отношениях и гостеприимна. Там были мидии и устрицы, «гнезда диких индюшек и много яиц», много ягод, таких как «земляника, шелковица, малина и неизвестные плоды», «обширные» луга, «множество ланей и благородных оленей». Почва была «хороша и плодородна»⁷².

При самом скромном прилежании колонисты могли бы жить вполне удовлетворительно. Конечно, им досаждали индейцы, «стремительно скатывавшиеся на всех четырех с холмов как медведи, держа луки в зубах». Случались вспышки болезней. «Наших людей косили жестокие болезни», – писал Перси. Но большинство «умерло просто от голода». Он добавил: «Никогда англичан не бросали в чужой стране в такой нищете, в какой оказались мы в этой новооткрытой Виргинии»⁷³.

Виргинская компания собрала еще денег, и летом 1609 года 500 новых переселенцев отправились через Атлантику. Один из кораблей, на котором плыл заместитель губернатора, потерпел кораблекрушение на Бермудах, и жизнь там оказалась настолько приятной, что многие не захотели плыть дальше. Инстинкты их не подвели. Большинство присоединилось к выжившим поселенцам Джеймстауна, и наступила катастрофа: «времена голода»⁷⁴. За шесть месяцев население сократилось с примерно 500 человек до 60⁷⁵. Когда пришла весна, выжившие решили вернуться в Англию. Они уже были готовы к отплытию, когда по реке Джеймс поднялся одинокий корабль с новыми колонистами, среди которых был губернатор, лорд Де ла Уорр, или Делавер. Воодушевленные прибытием подкрепления, выжившие решили остаться.

Один очевидец написал о голодных временах: «Голод был настолько велик, что дикаря, которого мы убили и схоронили, самые отчаявшиеся из нас опять вырыли и съели; и умиравшие друг друга варили и тушили с травами и кореньями». Он продолжает: «Ужасно об этом рассказывать и вряд ли можно поверить в то, что мы пережили; но причиной были мы сами, отсутствие предусмотрительности, прилежания и управления, а не скудость и непригодность страны, как обычно считается»⁷⁶.

---

⁷¹ Плодородные долины рек на приатлантической низменности до линии водопадов в Мэриленде, Виргинии, Северной Каролине и Южной Каролине. В XVII веке эти места заселили первые поселенцы, составившие костяк плантационной аристократии. – *Прим. перев.*

⁷² “George Percy’s Account of the Voyage to Virginia and the Colony’s First Days,” in *The Old Dominion in the Seventeenth Century: A Documentary History of Virginia, 1606–1689*, ed. Warreb M. Billings (Chapel Hill: Univ. Of North Carolina Press, 1975), 22–26.

⁷³ “George Percy’s Account of the Voyage to Virginia and the Colony’s First Days,” in *The Old Dominion in the Seventeenth Century: A Documentary History of Virginia, 1606–1689*, ed. Warreb M. Billings (Chapel Hill: Univ. Of North Carolina Press, 1975), 22–26.

⁷⁴ “Starving Time,” in Billings, *Old Dominion*, 28.

⁷⁵ Charles Campbell, *History of the Colony and Ancient Dominion of Virginia* (Philadelphia: J.B. Lippincott & Co., 1860), 93.

⁷⁶ “Starving Time,” 28.

Сэр Томас Дейл, участник военных действий в Нидерландах, первым из представителей власти понял, что здесь не так. Он прибыл в Виргинию как представитель верховной власти в мае 1611 года⁷⁷. В отчете отражено, что в день его прибытия колонисты на улице играли в шары – всего лишь через год после голодных времен. В оправдание колонистов историки отмечают, что Дейл прибыл в воскресенье. Но Ральф Хеймор, бывший в то время секретарем колонии, сообщает, что игра в шары шла «по обыкновению каждый день»⁷⁸.

Колонисты бездельничали, потому что большинство из них подписало договор, который обязывал их трудиться семь лет, внося плоды своего труда в общий котел, до получения статуса полноценного колониста⁷⁹. Они не платили за своей переезд, и предполагалось, что они своим трудом возместят компании эти расходы. В исследовании «Экономическая история Виргинии XVII века» Филипп Брюс утверждает, что «у колонистов не было ни малейшей заинтересованности в земле или доли в урожае. Все произведенное ими шло на склад компании, а колонисты не имели доли в произведенном». В результате колонисты, естественно, предпочитали «работать спустя рукава или просто отлынивать от дела и замечали, что даже самые честные и энергичные по природе работали в поле вяло и без огонька»⁸⁰.

Томас Дейл все поставил иначе. В Лондоне его хвалили за то, что он ввел в колонии строгий уголовный кодекс, известный как «Божественные и нравственные законы военного времени». Куда важнее то, что он ввел частную собственность. Следующий отрывок из написанного Ральфом Хеймором был опубликован в Англии в 1615 году в сочинении «Правдивый рассказ о нынешнем положении в Виргинии»: «Сэр Томас Дейл направил всю колонию по другому пути... он выделил каждому мужчине в колонии по три английских акра чистой пашни, чтобы каждый, как это в природе у фермеров, выращивал там зерно и заботился о нем... и на любые работы, нужные Колонии, их призывают не больше одного месяца в году, но только не во время посева или жатвы, а поскольку они больше ничего для Колонии не делают, то должны ежегодно вносить на склад два с половиной барреля зерна...»⁸¹.

Была установлена реальная система стимулов. Учреждена частная собственность и введен, как сказали бы сегодня, «плоский налог» («общественные работы» месяц в году и налог в виде фиксированного объема зерна). Нам в точности не известен год, в котором Дейл произвел эти изменения, но, скорее всего, это случилось в 1612-м или 1613 году. В 1616 году он навсегда покинул Виргинию, и с ним на корабле отправились в Англию индейская принцесса Покахонтас⁸² и ее муж Джон Рольф, который первым начал выращивать в Виргинии табак⁸³. Сам Рольф сказал, что в условиях частной собственности люди получили возможность сидеть под собственными деревьями «в безопасности и с радостной уверенностью пожинать плоды своего труда»⁸⁴.

Новые стимулы мгновенно изменили картину. «При всей его энергичности, – писал историк Виргинии Мэтью Пейдж, – Дейл не смог бы преодолеть общей пассивности, которую

⁷⁷ Campbell, *Colony and Ancient Dominion*, 104.

⁷⁸ Philip Alexander Bruce, *Economic History of Virginia in the Seventeenth Century*, vol. 1 (New York: Macmillan, 1907), 205.

⁷⁹ Billings, *Old Dominion*, 9.

⁸⁰ Bruce, *Economic History*, 212–213.

⁸¹ Alexander Brown, *The First Republic in America* (Boston: Houghton Mifflin Co., 1898; reprint, New York: Russell & Russell, 1969), 205.

⁸² Дочь вождя Поухатана. Спасла жизнь первому виргинскому колонисту капитану Дж. Смит (1608). Была в плену у англичан (1612), обращена ими в христианство и наречена Ребеккой. Вышла замуж за колониста Дж. Рольфа (апрель 1614), причем ее брак помог предотвратить назревавший конфликт с поселенцами. Поехала с ним в Англию (1616), где была принята с почестями и представлена королю и королеве. Собираясь вернуться в Америку, заболела оспой и умерла (1617). От ее сына Томаса Рольфа ведут свое начало некоторые известные виргинские семьи, среди его потомков – вторая жена президента В. Вильсона. – *Прим. перев.*

⁸³ Bruce, *Economic History*, 220.

⁸⁴ Matthew Page Andrews, *Virginia, the Old Dominion*, vol. I (Richmond, Va.: Dietz Press, 1949), 68.

порождала изобретенная властями политика совместного владения. ...Как только поселенцы были предоставлены самим себе, и каждый колонист приобрел право владеть собственностью, они быстро развили то, что стало отличительной чертой американцев, – ловкость во всех видах мастерства в сочетании с врожденной склонностью к изобретательству и экспериментированию»⁸⁵.

Вскоре после того, как Рольф, Покахонтас и Томас Дейл прибыли в Англию, лорд Кэрю написал акционеру Виргинской компании сэру Томасу Роу: «Худшие времена Колонии позади, потому что наши люди благодаря своему усердию хорошо запаслись провизией, но прибыли еще нет»⁸⁶. Сэр Эдвин Сэндис, казначей Виргинской компании, знал, что в Новом Свете что-то переменялось, но приписывал процветание суровости введенного Дейлом уголовного кодекса, а не стимулирующему воздействию частной собственности. Действуя в выпавших ему обстоятельствах «с большой и неизменной суровостью, – писал Сэндис, – [Дейл] почти чудесным образом исправил этих распущенных бездельников и поставил их на путь честной трудовой жизни»⁸⁷.

Здесь перед нами то, с чем мы далее будем сталкиваться вновь и вновь: неспособность понять истинную роль частной собственности в экономической жизни и приписывание ее пользы иному фактору, в данном случае – неуклонной суровости.

В начальный период делу мешало и то, что колонию воспринимали как базовый лагерь для завладения природными, уже имеющимися богатствами, а не как постоянное поселение, в котором следует создавать новое богатство. В «Правдивой искренней декларации» говорилось, что колония должна завоевать «жалкие презренные души, гибнущие в почти неодолимом невежестве»⁸⁸. Но и сами колонисты мечтали о захвате чужих богатств. В этом отношении, однако, Виргиния не оправдала их надежд.

«Случай дал нам землю в том виде, в каком ее создал Бог, – писал Уильям Симмондз в отчете, опубликованном в 1612 г., объясняя, почему все идет не так, как ожидалось. – Мы обнаружили там только праздных, непредусмотрительных, живущих розно [аборигенов], не знающих о золоте, серебре и других подлинных благах, не заботящихся ни о чем, кроме ничего не стоящих безделушек, и еле сводящих концы с концами; здесь нет ничего, что может нас увлечь, кроме того, что случайно дает природа». А вот испанцам в Мексике повезло несравненно больше. Они оказались в стране, где, на их счастье, было изобилие пищи и где люди умели обращаться с золотом и серебром. А в результате они сумели нажиться за счет «грабежа и мародерства» и им не пришлось «трудиться собственными руками»⁸⁹.

Решение Дейла выделить каждому мужчине в Джеймстауне по три акра земли привело к быстрому росту производства. В 1616 г. Джон Рольф уже мог написать: «Если до этого нам приходилось каждый год отправляться к индейцам, чтобы уговорить их продать нам зерна, из-за чего они относились к нам с большим презрением, то теперь дело совсем другое; они просят у нас – приходят в наши города, продают звериные шкуры, в которые они одеваются, чтобы купить зерно, – да, в прошлом году некоторые из их царьков заняли у нас четыреста или пятьсот бушелей пшеницы, а в уплату за это заложили нам свои страны целиком, и среди них есть такие, что немногим меньше, чем графство в Англии»⁹⁰.

Колонисты случайным образом наткнулись на то, что и сегодня понимается крайне плохо: частная собственность – самый мирный из всех институтов, потому что побуждает

⁸⁵ Ibid., 59, 61.

⁸⁶ Ibid., 72.

⁸⁷ Brown, *First Republic*, 205.

⁸⁸ "A True and Sincere Declaration," in Billings, *Old Dominion*, 14.

⁸⁹ Ibid., 27.

⁹⁰ Andrews, *Virginia*, 67–68.

собственников возделывать собственный сад и делать это производительно, а не сбиваться в армии, чтобы шарить по амбарам соседей. Соседние племена почти заведомо обречены враждовать между собой, если ни одно из них не учредило у себя частной собственности, и то же самое относится к соседним странам с централизованной собственностью (как во времена феодализма) или с централизованным планированием (как в XX веке). К 1616 году английские колонисты начали пожинать плоды, приносимые частной собственностью. Жившие рядом с ними аборигены, не знавшие этого института, закладывали «свои страны целиком», чтобы получить у колонистов эти плоды.

Плимут

Джеймстаун был организован английскими аристократами. Они дали большую часть денег на это предприятие и очень много на этом потеряли. Напротив, экспедиция в Массачусетс была организована на совершенно иных началах. Среди «авантюристов», как называли тогда инвесторов, не было знати. Более того, похоже, что в Плимуте инвесторы вернули свои деньги сторицей. Яков I знал о предложении организовать Массачусетскую колонию, и инвесторы получили «патент», или хартию, на создание «отдельной колонии». Но с самого начала ни у кого не было и мысли захватить чье-то золото или жить за счет труда индейцев. В 1620 г., когда патент уже был выдан, король спросил, как колонисты думают прокормить себя. «Рыбной ловлей», – ответил проситель, Роберт Нэнтон. «Похоже, Господь хранит мою душу, – откликнулся, как говорят, король. – Это честное занятие.

Этим и апостолы кормились!»⁹¹

Желая исповедовать свою религию по собственному разумению, в 1609 году пилигримы эмигрировали из Англии в Голландию, которая в то время была единственной страной в Европе, допускавшей свободу вероисповедания. Жизнь в Голландии они нашли во многих отношениях удовлетворительной. Но над страной постоянно висела угроза войны с Испанией, и к тому же они не желали, чтобы их дети становились голландцами. Они мечтали начать жизнь заново где-нибудь среди «обширных и безлюдных просторов Америки, плодородных и пригодных для жилья, но населенных лишь дикими людьми, которые рыщут там наподобие лесных зверей», как написал позднее Уильям Брэдфорд в своей «Истории поселения в Плимуте». Здесь пилигримы предполагали «заложить основу или хоть первые сделать к тому шаги для распространения Евангелия и проповеди Царства Христова в далеких странах»⁹².

Родившийся в Йоркшире в 1590 году и в возрасте 30 лет попавший в Новый Свет Брэдфорд стал вторым губернатором Плимута (первый умер через несколько недель после прибытия «Мейфлауэра») и в первые годы колонизации был там самой важной фигурой. В своей истории он зафиксировал основные моменты отношений собственности в Плимуте и то, как они были изменены⁹³. Его записи представляют собой единственный сохранившийся источник по этим вопросам.

Пилигримы знали о том, как тяжело пришлось первым колонистам Джеймстауна, но самые предприимчивые из них тем не менее были готовы двинуться через Атлантику. Однако первым делом они послали из Лейдена в Лондон двух эмиссаров, Джона Карвера и Роберта Кашмена, чтобы те получили у сэра Эдвина Сэндиса разрешение на создание поселения⁹⁴. Разрешение им дали, но найти инвесторов было трудно. Наконец Карвер и Кашмен прислали в Голландию известие об успехе. Главным инвестором (синдиката) стал лондонский торговец железом по

⁹¹ William Bradford, *Of Plymouth Plantation, 1620–1647*, ed. Samuel Eliot Morison (New York: Knopf, 1952), 30, n. 2.

⁹² Брэдфорд У. История поселения в Плимуте. М.: Художественная литература, 1987. С. 40.

⁹³ Брэдфорд У. История поселения в Плимуте. М.: Художественная литература, 1987. С. 118–119.

⁹⁴ Брэдфорд У. История поселения в Плимуте. М.: Художественная литература, 1987. С. 54.

имени Томас Уэстон, которому впоследствии историки создали очень плохую репутацию. Его считают человеком недобросовестным и чрезмерно алчным, и он действительно начал изводить колонистов буквально с момента их прибытия в Новый Свет, браня за то, что от них не поступает никакого дохода. Кроме того, он без предупреждения присылал им новых поселенцев⁹⁵.

В защиту Уэстона, однако, нужно сказать, что он и более 50 других инвесторов шли на большой риск, вкладывая средства, которые в сегодняшних деньгах составили бы сотни тысяч долларов. Из-за больших потерь в Джеймстауне «венчурный капитал» в Лондоне почти иссяк. Точная сумма средств, вложенных в экспедицию «Мейфлауэра», неизвестна, но Уэстон и его партнеры к 1648 году выложили общим счетом 1800 фунтов (около 300 000 долл. на наши деньги). По оценке историка Сэмюэля Элиота Морисона «расходы на снаряжение “Мейфлауэра”, включая плату за аренду судна, закупки продовольствия и снаряжения, вряд ли превысили 1500 ф. ст.»⁹⁶.

В Лейдене ждали новостей из Лондона и опасались, что их представители, стремясь заинтересовать инвесторов, согласятся на невыгодные условия. Карвера и Кашмена предостерегали «не превышать своих полномочий», особенно настаивая на том, чтобы те не «давали за себя и за нас столь неразумных обещаний, как-то: отдать купцам при разделе половину домов и участков [в качестве дивидендов] и лишить людей ранее оговоренных двух дней в неделю, то есть не оставить им вовсе времени на собственные их нужды»⁹⁷.

И все же в конце концов Карвер и Кашмен приняли условия, по которым по истечении семи лет все следовало поровну разделить между инвесторами и колонистами. По словам Морисона, «семья, состоящая из мужа, жены и троих детей, отработав семь полных лет, получит ровно тот же дивиденд, что и капиталист, инвестировавший около 250 долларов». Некоторые историки утверждают, что капиталисты эксплуатировали труд пассажиров «Мейфлауэра». В каком-то смысле так оно и было. Но ведь они пошли на это по доброй воле, что и отмечает Кашмен в одном из писем в Голландию: «Разве они вовлекли нас в дело, разве они нас к нему понуждали? Разве не мы сами принимали все решения?»⁹⁸

Колонисты надеялись, что дома, которые они себе построят, не станут предметом дележа по истечении семи лет. Кроме того, они хотели закрепить за собой два дня в неделю на обработку своих «личных» наделов земли (так же, как это позднее было у колхозников в СССР). Пилигримы хотели таким образом избежать закабаления. Но инвесторы не согласились на это. Документов, раскрывающих логику поведения Уэстона и его компаньонов, не сохранилось, но, скорее всего, они опасались, что если пилигримы – на расстоянии трех тысяч миль, вдали от надзора – станут полными собственниками своих домов и участков, инвесторам будет нелегко получить свою долю. Как они могли быть уверенными, что колонисты в такой дали будут отдавать все силы работе на компанию, если им позволить стать полными собственниками? При таком порядке расчетливые колонисты предпочли бы с прохладцей работать на компанию, чтобы сберечь силы на уход за собственной землей и домами. Только настояв на том, что все накопленное богатство должно считаться «общим», как бы находящимся в общем котле, инвесторы могли рассчитывать, что колонисты будут все силы отдавать работе на общее благо, в том числе и на свое.

Ожидавшие в Лейдене возражали против такого соглашения на том основании, что оно противоречит «совету политических трактатов», или политической теории, то есть ссылались либо на «Политику» Аристотеля, либо на «Шесть книг о государстве» Жана Бодена, которые

⁹⁵ William Bradford, *Of Plymouth Plantation, 1620–1647*, ed. Samuel Eliot Morison (New York: Knopf, 1952), 37, n. 2.

⁹⁶ William Bradford, *Of Plymouth Plantation, 1620–1647*, ed. Samuel Eliot Morison (New York: Knopf, 1952), 37, n. 2.

⁹⁷ Брэдфорд. История поселения в Плимуте. С. 58.

⁹⁸ Брэдфорд. История поселения в Плимуте. С. 61.

в 1606 году были переведены с французского на английский и доставлены на «Мейфлауэре» в Америку. Если пилигримам не разрешат быть собственниками своих домов, не будет никакого смысла строить «добротные дома», отвечали они в письме в Лондон. Роберт Кашмен оказался меж двух огней – между заботящимися о прибыли инвесторами в Лондоне и его обеспокоенными собратьями в Лейдене, которые обвиняли его в том, что он «от себя сочиняет условия, пригодные более для воров и каторжников, чем для людей честных»⁹⁹.

В ответ Кашмен приводил серьезные аргументы в пользу общей собственности: «Нам сейчас так надо строить, чтобы, если придется, не жаль было поджечь и бежать при свете зарева; богатство наше не в роскоши состоять будет, но в силе; если Бог пошлет нам богатство, мы употребим его на то, чтобы больше иметь работников, судов, снаряжений и пр. В лучших из ученых трудов говорится, что стоит где завестись роскошным домам и пышным нарядам, как общество клонится к упадку. ... Похоже, что прибыль сделалась главной целью нашей; раскайтесь, иначе не следует и ехать, дабы не уподобиться Ионе на пути в Фарсис»¹⁰⁰.

Он к тому же полагал (ошибочно), что общая собственность «упрочит сплоченность» пилигримов. Ведя переговоры с инвесторами, Кашмен стремился заключить сделку. А инвесторы казались непробиваемыми. Поэтому Кашмен попытался убедить своих единомышленников не тревожиться о том, как в договоре решены вопросы собственности. Он не сумел убедить и склонить на свою сторону тех, кто еще был в Лейдене, но они уже ничего не могли поделать. Многие уже продали свою собственность в Голландии и поэтому больше не могли торговаться. Брэдфорд весьма определенно говорит, что условия были невыгодными. Их представители в Лондоне «взяли на себя договориться с купцами на этих новых условиях, кое в чем преступив свои полномочия и никого не предупредив; и даже утаили это, дабы избежать новых задержек; что стало впоследствии причиной многих раздоров»¹⁰¹.

Все это важно подчеркнуть, потому что иногда говорят, что пилигримы в Массачусетсе создали колонию на основе общей собственности в подражание ранним христианам. Это не так. Действительно, чтобы оправдать подписание договора на невыгодных условиях, их агент Кашмен расчетливо использовал аргументы, которые должны были быть убедительными для христиан – в особенности, когда предостерегал об опасностях, сопутствующих зажиточности. Он, несомненно, был уверен, что лучше плохая сделка, чем никакой. Но и сами инвесторы думали только о своей прибыли, когда настаивали на общей собственности. Пилигримы же пошли на это, потому что у них не было выбора.

Даже если пилигримов «эксплуатировали», то намного большей тяготой были суровые условия Северной Америки. Это нужно подчеркнуть, потому что существует стремление рассматривать богатство США как плод «изобилия природных ресурсов», и равным образом ошибочная готовность представлять плавание «Мейфлауэра» и его пассажиров как некую привилегию.

«Мейфлауэр» причалил к Кейп-Коду в ноябре 1620 года, имея на борту 101 человека. Примерно половина из них умерла в ближайшие несколько месяцев – скорее всего, от цинги, пневмонии и недоедания. Среди умерших была молодая жена Уильяма Брэдфорда Дороти Мэй, которая то ли выпрыгнула, то ли упала за борт и утонула в гавани Провинстауна еще до того, как «Мейфлауэр» приплыл в Плимут. Морисон вместе с другими историками высказывает догадку, что она покончила с жизнью, после того как «в течение шести недель вынуждена была созерцать бесплодные песчаные дюны Кейп-Кода»¹⁰². Нам нелегко вообразить те трудности, с которыми столкнулись первые поселенцы в этой стране, даже в Новой Англии, где

⁹⁹ Брэдфорд. История поселения в Плимуте. С. 60.

¹⁰⁰ Брэдфорд. История поселения в Плимуте. С. 60–61.

¹⁰¹ Брэдфорд. История поселения в Плимуте. С. 55.

¹⁰² Samuel Eliot Morison, introduction to Bradford, *Plymouth Plantation*, xxiv.

американские индейцы встретили пришельцев довольно дружелюбно. «Когда 11 ноября «Мейфлауэр» бросил якорь в Провинстауне, будущее поселения рисовалось в мрачном свете», – пишет Джордж Лангдон в книге «Колония пилигримов» и продолжает: «С борта корабля пилигримы смотрели на дикую пустыню, подходившую к самому берегу моря. Можно было только гадать, кто или что скрывается в этом сумраке, но они знали, что ближайшее английское поселение находится в сотне миль южнее и что никто не поможет им в предстоящей борьбе за выживание. У них не было домов, чтобы жить, не было крепости, в которой можно было бы укрыться, не было причала для выгрузки. Более того, хотя в пути умер только один пассажир, одиннадцать недель вынужденной скученности, скудная корабельная пища и постоянная сырость уже подорвали их здоровье. Многие из них кашляли, и за пять недель стоянки в Провинстауне четверо умерли, включая жену Уильяма Брэдфорда»¹⁰³.

Весной 1621 года «Мейфлауэр» вернулся в Лондон с одной лишь командой, но без груза для инвесторов. Вторая шхуна, «Фортуна», прибыла в Плимут в ноябре 1621 года и привезла 35 новых колонистов. Ее немедленно отправили назад с грузом бобровых шкур, но по дороге ее перехватили французские пираты. В феврале 1622 года она вернулась в Лондон пустой. В то лето в Плимутскую колонию пришли «Черити» и «Сван» с 60 новыми колонистами на борту. К весне 1623 года население Плимута не превышало 150 человек. Но колония все еще с трудом обеспечивала себя продовольствием. Как-то они обнаружили, что у них совсем нет хлеба – ничего кроме рыбы, омаров и воды. Тогда «стали подумывать, как бы вырастить побольше маиса, получать более обильные урожаи и не терпеть такой нужды», – пишет Брэдфорд в ключевом пассаже о собственности и продолжает (это полный текст, как он издан Сэмюэлем Элиотом Морисоном): «Долго мы судили и рядили, а затем губернатор (по совету главных поселенцев) согласился, чтобы маис сеял каждый для себя и только на себя при этом полагался; а все прочие работы чтобы шли по-старому, сообща. Для этого каждой семье отведен был участок по числу душ на данное время (но без права раздела при наследовании), а юношей всех причислили к какой-либо семье. Это решение оказалось весьма правильным, ибо все принялись усердно трудиться и посеяли куда больше маиса, чем губернатору или кому-либо другому удалось бы добиться иными способами. Теперь женщины охотно выходили в поле сеять маис и брали детей с собой, тогда как прежде ссылались на недуги и неумение; а если бы их к этому принудили, назвали бы это тиранией и угнетением.

Опыт, приобретенный таким путем и в течение многих лет проверенный, притом на людях благочестивых и разумных, опровергает измышления Платона и других древних, поддержанные кое-кем и в позднейшее время, будто, лишив людей собственности и сделав все имение общим, можно привести их к счастью и благоденствию; словно они мудрее Господа. Ибо оказалось, что эта общность имущества (насколько она была введена) большую рождала смуту и недовольство и многие затрудняла работы, которые могли принести пользу и доставить удобства. Люди молодые и наиболее к труду способные роптали, зачем они должны тратить время и силы, работая безвозмездно на чужих жен и детей. Сильный и умелый получал при разделе не больше, чем слабый, не могущий выполнить и четверти того, что мог сильный; это почитали несправедливостью. Люди старые и почтенные, когда приравнивали их по части трудовой повинности, пищи, одежды и пр. к молодым и ничем еще не отличившимся, видели в том обиду и непочтение. А что женщинам приходилось обихаживать чужих мужчин, стирать и стирать на них и др., это сочли за некое рабство, и многим мужьям было не по нраву. Поставив, чтобы всем и получать, и трудиться равно, полагали, что достигли равенства; а это если не нарушило связей, какие установил между людьми Бог, то во всяком случае немало повредило взаимному уважению, какое должно между ними царить. А среди иного сорта людей было бы еще хуже. Пусть не говорят, что причиною тут людская порочность, но не порочность самой

¹⁰³ George D. Langdon, *Pilgrim Colony: A History of New Plymouth, 1620–1691* (New Haven: Yale Univ. Press, 1966), 12.

идеи. Я отвечаю, что коль скоро порочность эта присуща всем людям, то Господь в мудрости своей указал им иной, более пригодный для них путь»¹⁰⁴.

Губернатор Брэдфорд, следовательно, сообщает, что при «совместной жизни» поселенцы страдали от нежелания трудиться, путаницы и недовольства, от утраты взаимного уважения и воцарившегося чувства рабства и несправедливости. И при этом речь шла о «благочестивых и трезвых людях». Поэтому земля была передана в частную собственность, и это привело «к очень большому успеху». Колонисты тут же стали отвечать за свои действия (и действия своих родных), а не за всех колонистов сразу. Замечание Брэдфорда о «стирке и стряпне» указывает на то, что приватизирована была не только земля. Зная, что плоды его трудов пойдут во благо его собственной семье, глава каждой семьи получил стимул трудиться более усердно. Появилась уверенность, что дополнительные усилия помогут тем, кто от него зависит. В условиях общественной собственности у него были все основания подозревать, что его дополнительный труд просто восполнит недостаточное рвение других. А эти «другие» вполне могли быть здоровыми и крепкими людьми, но только склонными использовать преимущества коллективной собственности, чтобы работать с прохладцей.

Лангдон доказывает, что в первые годы в Плимуте был не «коммунизм», а «крайняя форма капиталистической эксплуатации, при которой все плоды труда отправлялись за океан»¹⁰⁵. В этом он вторит Морисону, который утверждает, что «был не отменен коммунизм, а несколько ослаблена тягостная и унижительная рабская зависимость от английских капиталистов»¹⁰⁶. Заметьте, что это не похоже на конфликт, о котором рассказывает Брэдфорд. Раскол возник среди колонистов, а не между колонистами и лондонскими инвесторами. Морисон и Лангдон смешивают две разные проблемы. С одной стороны, колонисты и в самом деле считали, что инвесторы их «эксплуатируют», потому что со временем им предстояло отдать непомерную часть богатства, которое они старались создать. Они полагали, что инвесторы намерены взять с них слишком большой «налог» – фактически 50 %.

Но, помимо «налогового» бремени, существовала и другая проблема. Из сообщений Брэдфорда ясно, что коллективная собственность разлагает и губит колонию куда сильнее, чем «налог». Положение казалось безысходным, но вовсе не потому, что пилигримы работали на инвесторов, а потому, что они работали на других пилигримов. Прилежные (в Плимуте) были вынуждены субсидировать бездельников (в Плимуте). Сильный «получал при дележе не больше», чем слабый. Пожилые считали неуважением то, что их «приравнивали по части трудовой повинности» к молодым.

Это показывает, что в 1621-м и 1622 годах в Плимуте существовал своего рода коммунизм. Нет сомнений, что уравнивание в трудовых повинностях считалось (первоначально) единственным честным путем решения проблемы, кому и какую работу выполнять в поселении, в котором не было личной собственности: если через семь лет каждый должен был получить равную долю всего, то, предположительно, каждый должен на протяжении этих семи лет выполнять такую же работу. Неизбежно возникла чудовищная проблема – как контролировать трудовые усилия? Что делать с теми, кто трудится спустя рукава?

Пилигримы столкнулись с классической проблемой безбилетника. Как мы увидим, ее трудно решить, не разделив собственность между индивидами или семьями. Именно такой курс действий мудро выбрал Уильям Брэдфорд. И он привел к замечательному успеху, потому что теперь каждому доставались плоды именно его труда независимо от того, как он трудился – прилежно или с прохладцей. Это, в свою очередь, сняло с повестки дня проблему контроля. Теперь каждый колонист нес ответственность за свое поведение, а главы семейств лично отве-

¹⁰⁴ Брэдфорд. История поселения в Плимуте. С. 118–119.

¹⁰⁵ Langdon, *Pilgrim Colony*, 30.

¹⁰⁶ Samuel Eliot Morison, *The Story of the "Old Colony" of New Plymouth* (New York: Knopf, 1960), 95–96.

чали за благополучие членов семьи. Короче говоря, разделение собственности обеспечило соответствие или пропорциональность между действиями и последствиями. Без этого человеческая деятельность лишается смысла, а в результате резко страдает дело.

Уильяма Брэдфорда переизбирали на пост губернатора почти каждый год. Он умер в 1657 году. Согласно посмертной описи имущества, среди его книг была работа «Шесть книг о государстве» Жана Бодена, в которой критикуется утопичность платоновской «Республики»¹⁰⁷. В идеальном царстве Платона частная собственность должна быть уничтожена или сильно ограничена, а большинство его обитателей превращены в рабов, над которыми надзирают благородные аскетичные стражники. Боден говорит, что Платон «сделав все общим, обрек бы государство на гибель, потому что, когда нет ничего частного, не остается ничего общего». Такое общество, пишет Боден, было бы «противно всем божеским и природным законам», которые запрещают желать «того, что принадлежит другому»¹⁰⁸. (В этом огромном томе Боден также говорит, что общая собственность – «мать ссор и раздоров», а основанное на ней государство породило бы «множество нелепостей»¹⁰⁹.)

Брэдфорд, глядя в прошлое, осознавал, что его опыт строительства нового общества в Плимуте подтвердил суждения Бодена и тем самым «опроверг измышления Платона». В последующие годы в Плимуте продолжилась приватизация собственности. За семьями были закреплены дома, а потом и скот, было разрешено наследование имущества. Колония процветала. Позднее Плимутскую колонию поглотил штат Массачусетс, и в наступившие годы процветания больше никто уже не слышал о «равенстве в труде и в имуществе».

---

¹⁰⁷ Брэдфорд. История поселения в Плимуте. С. 118.

¹⁰⁸ Jean Bodin, *The Six Books Of A Commonweal*, ed. Kenneth D. McRae (Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1962), 11.

¹⁰⁹ Ibid., 12, 707.

Глава 4. Логика коллективной собственности

Когда вся собственность общая, нет ни «моего», ни «твоего». Все «наше». Это приводит к раздорам, как получилось и в Плимутской колонии. Непропорциональность труда и вознаграждения «считают несправедливостью». Именно этого результата следует ожидать, если члены сообщества имеют право на равную долю во всем. Те, чей вклад мал, выезжают за счет тех, кто усердно трудится. Проблема безбилетника известна даже тем, кто не умеет ее правильно назвать. С ней столкнется группа, оплачивающая счет в ресторане поровну. Выиграют те, кто заказал самые дорогие блюда. Решением здесь будет оплата счета «каждый за себя» – эквивалент приватизации.

Эта проблема известна проживающим в общих квартирах. Она усугублялась в СССР, где в одной квартире зачастую проживало несколько семей. «В условиях коммуналки слово “соседи” звучит зловеще и требует объяснений, – пишет Андрей Синявский в книге “Основы советской цивилизации” (1988). – Добрососедские отношения устанавливаются редко, соседи по квартире – это чаще всего что-то опасное или, во всяком случае, чуждое и мешающее жить. Любая мелочь превращается в гиперболу, пустяк – в катастрофу. Здесь процветает взаимная подозрительность, взаимная ненависть, которая разрешается в скандалах, сплетнях, клевете, в драках, доносах. Коммунистическое братство чревато страшной междоусобицей». Синявский цитирует рассказ М. Зощенко «Летняя передышка» (1929), в которой речь идет о жизни в большой коммуналке и о склоке по вопросу об оплате электричества: «Для примера, у нас девять семей. Один провод. Один счетчик. В конце месяца надо к расчету строиться. И тогда, конечно, происходят сильные недоразумения и другой раз мордобой.

Ну хорошо, вы скажете: считайте с лампочки.

Ну хорошо, с лампочки. Один сознательный жилец лампочку-то, может, на пять минут зажигает, чтоб раздеться или блоху поймать. А другой жилец до двенадцати ночи чего-то там жует при свете. И электричество гасить не хочет. ...Один у нас такой был жилец – грузчик, так он буквально свихнулся на этой почве. Он спать перестал и все добивался, кто из жильцов по ночам алгебру читает и кто на вилках продукты греет. ...Он, я говорю, буквально ночи не спал и каждую минуту ревизию делал. То сюда зайдет, то туда»¹¹⁰.

И чем больше группа, тем неразрешимей проблема. Если в общине сто человек, то тот, кто перестал трудиться, все же получит 99 % того, что имел прежде. Если не ввести строгую систему контроля, подобная организация собственности быстро разорит общину, и в истории такое бывало не раз. Можно предположить, что реальная проблема состоит именно в том, что каждому гарантирована равная доля общего дохода, – но заметьте: если это условие отменить, а члены общины просто договорятся, что каждый может брать с общего склада «сколько нужно», развал лишь углубится. Прежде члены общины были заинтересованы попозже приходить на работу, а теперь у них будут все основания пораньше прийти на склад.

Коллективистская организация жизни, при которой отсутствуют четко определенные права собственности, извращает стимулы и порождает алчность, эгоизм, праздность, подозрительность и тягостное чувство несправедливости даже у людей с хорошей нравственной основой (как это было по утверждению Уильяма Брэдфорда в Плимуте). Идеалисты веками мечтали о том, чтобы вдохновить на усердный труд людей, живущих сообща, даже понимая, что найдутся те, кто воспользуется этим трудом. Но такого рода режимы невозможны без духа самопожертвования, а большинство коммунаров не осознает, что от них требуется именно самопожертвование. Такого рода режим особенно тяжел для семей, потому что семья – это, по

¹¹⁰ Синявский А. Основы советской цивилизации. М.: Аграф, 2001. С. 238–239, 240.

сути, мини-коммуна, а воспитание детей предполагает определенное самопожертвование. Как показал опыт Плимута, люди не готовы на дополнительные усилия ради чужих детей.

Хорошо известно, что общность имущества не разрушила традиционную семью, хотя неработающие дети живут за счет своих родителей. Но это особая статья. Семейные узы настолько сильны, что сглаживают чувство несправедливости, столь пагубное в случаях «безбилетничества» в группе с менее тесными связями. Малые дети беспомощны, и родители не возражают против такой «эксплуатации». Но даже в этом случае родительский контроль становится необходимым, когда дети подрастают. К тому же семьи достаточно невелики для того, чтобы такой контроль был возможен. В семье с двумя детьми на каждого потенциального «вора» приходится по одному «полицейскому».

Проблемы коллективной собственности вполне объясняют то, почему племенной строй жизни везде и всегда будет экономически отсталым. Племенем можно считать любую группу, в которой люди связаны отношениями, близкими к семейным, но достаточно обширной, чтобы жесткий контроль ее лидера не распространялся за пределы его ближнего круга. По этой причине «безбилетничество» становится неизбежным. В 1833 году писатель Джон Уэйд кратко описал влияние коллективной собственности на племенную жизнь. В своей «Истории среднего и рабочего классов», этой давно забытой классике второго ряда, он пишет: «Член племени не знает ни свободы, ни безопасности; он раб каждого своего соплеменника, который окажется сильнее и захочет принести его в жертву своей похоти, гневу или мстительности. Его обеспеченность средствами к существованию, включая одежду, пищу и кров над головой, столь же ненадежна, как его свобода и безопасность. Когда права собственности не признаются, ни одну вещь никто не может назвать своей собственной. Если человек обрабатывает клочок земли, у него нет уверенности, что ему позволят воспользоваться плодами своих трудов; если благодаря упорству и ловкости он сможет охотой и рыбалкой создать запас провизии, то у него нет уверенности, что от него не потребуют поделиться с чужаком. Когда все общее, отнять – это значит не ограбить, а поступить по-товарищески; поэтому не существует ни рачительности, ни заботы о будущем; единственно разумной целью здесь может быть удовлетворение непосредственных желаний, а все выходящее за пределы этого является невыгодным – потому что ненадежным – накоплением»¹¹¹.

Логика коллективной собственности впервые была изложена письменно незадолго до появления книги Уэйда. Уильям Фостер Ллойд сделал это в двух «Лекциях о силах, сдерживающих рост народонаселения», прочитанных в 1832 году в Оксфордском университете. Когда люди соглашаются работать совместно, говорил он, а результат труда становится общей собственностью, лишь малая часть любого дополнительного усердия достанется тому, кто его проявил. Когда участников много, «стимулы к экономии» исчезают совершенно. «Когда общество устроено таким образом, – добавляет он, – что результаты индивидуальных усилий размазываются по всему обществу, а не достаются тем, кто их предпринял, будущее исчезает из расчетов»¹¹².

Затем началась поразительная по своей глубине амнезия, соответствующая периоду интеллектуального пренебрежения к собственности. Центральная идея Ллойда была забыта. Но в 1960-х годах с разницей меньше чем в год, независимо друг от друга вышли две важные статьи на ту же тему. Первую, «К теории прав собственности», опубликовал в 1967 году в *American Economic Review* экономист Гарольд Демсец, работавший тогда в Чикагском университете. В 1968 году профессор Калифорнийского университета Гарретт Хардин опубликовал

¹¹¹ John Wade, *History of the Middle and Working Classes* (1833; reprint, New York: Augustus M. Kelley, 1966), 429.

¹¹² William Foster Lloyd, "On the Checks to Population," in *Managing the Commons*, ed. Garrett Hardin and John Baden (San Francisco: W.H. Freeman, 1977), chap. 3.

в журнале *Science* статью «Трагедия общинных выгонов». В следующие десять лет ее перепечатывали более 50 раз¹¹³.

Демсец проанализировал демографические материалы о развитии частной собственности у индейцев-монтаньяров в Квебеке. До контактов с европейцами эти племена, судя по всему, не знали частной собственности. Относящиеся к 1630-м годам записки путешественника не содержат упоминаний о частной собственности у них, нет таких упоминаний и в записках иезуита, жившего в этом племени в 1647 году. Монтаньяры охотились только ради еды и небольшого количества шкур, из которых изготавливали одежду. Но в XVIII веке появляются свидетельства о том, что семьи разграничили свои охотничьи угодья. Небольшие группы начали охранять свои территории от чужаков. Бобровые плотины помечались особыми знаками. Семьи берегли их и жестоко преследовали нарушителей.

Почему монтаньяры приватизировали бобров? Прибытие европейцев создало повышенный спрос на бобровые шкуры; появилась возможность обменивать их на новые товары. Охота на бобров стала более интенсивной. Проблема возникла из-за «бесхозности» бобров: так как каждый охотник действовал изолированно и бесконтрольно, никто не заботился о сохранении популяции животных. Каждый был заинтересован добыть как можно больше шкур, потому что приватизировались выгоды от их продажи. Но издержки, то есть уменьшение численности бобров, несло племя в целом. По этой схеме пушной зверь был бы полностью истреблен.

Установление частной собственности сопряжено с определенными издержками. Стоит объявить о сокращении объема добычи, как тут же появятся нарушители; на деле каждому нарушителю выгодно, чтобы другие соблюдали ограничения. Следить за соблюдением договоренности – дело хлопотное и ненадежное. Охотникам пришлось бы тратить свое время на наблюдение за действиями других охотников. Огораживать места охоты слишком дорого. Таким образом, «теория», которую Демсец вынес в заголовок статьи, сводится к тому, что приватизация возможна только если ее выгоды превышают ее издержки. Именно это и произошло при появлении торговцев мехами. Рост ценности шкур создал стимулы для приватизации охотничьих угодий.

Проблема этой теории – как и любых иных построений в области теорий экономики и права – в том, что очень трудно или даже невозможно оценить величину выгод и издержек. Теорию нельзя проверить. Если мы пришли к выводу, что выгоды стали больше, чем издержки, только потому, что перед нами факт приватизации охотничьих угодий, и ничем другим этот факт не объяснить, значит, мы попали в замкнутый круг. И все же приведенный здесь анализ Демсеца важен, потому что привлек внимание экономистов к влиянию разных форм собственности на стимулы, а также к издержкам, связанным с изменением формы собственности.

Статья «Трагедия общин» рассматривает ту же проблему под другим углом. Автора интересовали главным образом стимулирующие воздействия, создаваемые коллективной собственностью на пастбищные земли, и их влияние на окружающую среду. В условиях свободных земель нормой будут обширные семьи, потому что индивиды на общинной земле смогут приватизировать выгоды и «экстернализовать» издержки своей хозяйственной деятельности. При сравнительной малочисленности населения коллективная собственность на пастбищные земли может работать вполне удовлетворительно. То, как жители американского фронта относились к отходам, не имело значения. «Проточная вода самоочищается каждые десять миль»¹¹⁴, – сказал бы дед Хардина; и в его время так оно и было. Но с ростом населения природные процессы перестают справляться с отходами, «требуя заново определить права собственности». Если этого не делают, неизбежно возникает «трагедия общинных выгонов»: «Представьте себе

¹¹³ Harold Demsetz, "Toward a Theory of Property Rights," *American Economic Review* 57 (May 1968): 347–359; reprinted in Harold Demsetz, *The Organization of Economic Activity*, vol. I (Oxford: Basil Blackwell, 1988); Garrett Hardin, "The Tragedy of Commons," *Science* 162 (December 13, 1968): 1243–1248; reprinted in Hardin and Baden, *Managing the Commons*.

¹¹⁴ Hardin, "Tragedy of the Commons," 22.

доступное всем пастбище. Очевидно, что каждый скотовод попытается держать на общем пастбище как можно больше скота. Такое положение дел может сохраняться веками, потому что войны, браконьерство и болезни удерживают численность и людей и скота ниже потенциальной емкости экосистемы. Наконец приходит день, когда реальностью становится давнишняя мечта о социальной стабильности. В этот момент внутренняя логика коллективного землевладения безжалостно приводит к трагедии. Будучи существом рациональным, каждый скотовод стремится максимизировать свою прибыль. В явном или неявном виде, сознательно или не совсем он задается вопросом: «Какая *мне* польза от того, что я добавлю в стадо еще одно животное?»¹¹⁵.

Поскольку вся выгода от увеличения стада на одно животное достается скотоводу (в виде молока и мяса для его семьи), а все издержки от этого ложатся на всех других скотоводов (любое дополнительное животное вносит свой вклад в истощение пастбища), он решает увеличить свое стадо на еще одно животное. «Но к такому же выводу приходит каждый из скотоводов, использующих общинный выгон». В этом и состоит трагедия. Все стали пленниками системы, вознаграждающей именно те действия, которые в конечном счете ведут к уничтожению жизненно важных ресурсов.

Хардин добавляет, что люди смутно понимали это с очень давних времен, «возможно, с тех пор, как было изобретено сельское хозяйство или частная собственность на землю»¹¹⁶. Трагедию могло бы предотвратить установление «частной собственности или нечто похожее на нее по форме», заключает он. Но такого рода решения его не интересовали. Из его позднейших работ ясно, что он предпочел бы насильственно сократить население, чем вводить частную собственность для решения проблемы. В эссе «Права собственности: творческая переработка фантазии» он утверждает, что с годами «концепция» собственности изменилась и нуждается в том, чтобы ее определили заново, «дав своего рода право представительства в суде лан-дышам, деревьям и всем другим великолепным созданиям природы»¹¹⁷. Со временем Закон об исчезающих видах в самом деле придал юридический статус почти 950 видам. Но, как мы увидим в главе 19, его непредусмотренным следствием стало увеличение опасности исчезновения для некоторых из этих видов.

Впоследствии предложенное Хардином соединение бесплатного доступа «открыто для всех» и ограниченного доступа, то есть регулируемых общинных выгонов, стало объектом критики. Первое неизбежно ведет к трагедии (и это признано), а вторая ситуация управляема. Эту аргументацию развивал ряд авторов, особенно Элино́р Остром в «Управлении общинными выгонами» (1990), Гленн Стивенсон в «Экономической теории коллективной собственности» (1991) и Мэтт Ридли в «Происхождении добродетели» (1996)¹¹⁸. В самом деле, использование общинных земель поддается регулированию – можно установить допустимое число пользователей или совладельцев. Овцеводы могут договориться о предельном числе овец в вересковой долине; чтобы сохранить лес, можно распределить квоты на вырубку деревьев. Но эти меры саморегулирования, делающие коллективную собственность приемлемой, в конечном итоге направлены к ее приватизации. Когда право может быть продано кому-то, изначально не входившему в коллектив, – например, право пасти овец на лугу – оно уже индивидуализировано и содержит одну из важнейших черт частной собственности. Остается лишь сделать последний шаг и документально закрепить формальную приватизацию собственности.

¹¹⁵ Ibid., 20.

¹¹⁶ Ibid., 21.

¹¹⁷ Garrett Hardin, "Property Rights: The Creative Reworking of Fiction," in *Naked Emperors: Essays of a Taboo Stalker* (Los Altos, Calif.: Wm. Kaufmann, 1982), 173–182; см. также: Garrett Hardin, *Filters Against Folly* (New York: Viking Penguin, 1985), 89–114.

¹¹⁸ Elinor Ostrom, *Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action* (Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1990); Glenn G. Stevenson, *Common Property Economics: A General Theory and Land Use Applications* (Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1991); Matt Ridley, *The Origins of Virtue* (New York: Viking, 1996), chap. 12.

Вначале полагали, что, когда вместо одного владельца выступает много партнеров, коллективная собственность делает излишним надзор и контроль. Считалось, что надзор и контроль – выражение эксплуатации правящего класса, а вовсе не реальная экономическая необходимость, порожденная человеческими слабостями. Полагали, что если все станут партнерами, все будут дружно делать общее дело, а прибыли пойдут в общий котел. Однако, когда трудящиеся становятся совладельцами производства, они зачастую перестают трудиться. Обнаружилось, что управляющие стали нужнее, чем когда-либо прежде, чтобы заставить работать отлынивающих от труда совладельцев. Получилось, что коммуна больше всего похожа на армию, в которой всех рядовых произвели в генералы.

«Главное преимущество частного землевладения в том, что легче заметить присутствие постороннего, чем оценить поведение того, кто имеет право находиться на участке, – заметил Роберт Элликсон из Йельского университета. – Отгонять чужаков легче, чем контролировать поведение тех, кто работает на земле. Вот почему управляющим платят больше, чем ночным сторожам»¹¹⁹. Действительно, менеджеры – самые высокооплачиваемые члены общества, а сторожа – самые низкооплачиваемые. Чужаков умеют отличать даже собаки, а ни собаке, ни забору ничего не нужно платить.

Идеологические и технические истоки

Проблема безбилетника возникает, когда нечетко определены права собственности. Вот в чем суть проблемы. Но привести к ней могут два совершенно различных ряда обстоятельств. В коммунах вопрос «у кого есть право на что» повисает в воздухе в силу идеологических предпочтений. Совсем иначе обстоит дело там, где технически трудно закрепить выгоды только за теми, кто за них платит. Для разрешения первой ситуации нужно изменить идеологию или человеческую природу, а во втором случае необходимо усовершенствовать технологию. Либо она может оказаться неразрешимой, и тогда возникает необходимость во вмешательстве государства.

Идеологически ориентированные коммуны трудно сохранить, но история свидетельствует, что в неких особых условиях они могут быть устойчивыми. Размер их должен быть достаточно мал, чтобы члены лично знали друг друга. Они должны гореть религиозным пылом или энтузиазмом, обеспечивающим необходимый дух самопожертвования. Пожалуй, полезно и безбрачие, если члены изначально не имели детей и не были разделены на семьи. При соблюдении этих строгих условий проблему безбилетника можно преодолеть. Как мы увидим далее, поразительным примером является Коммуна, основанная в начале XIX века Георгом Раппом и приобретенная одним из первых социалистов Робертом Оуэном. Основанные на принципах коллективной собственности католические, православные и буддистские монастыри существовали столетиями.

Говорят, что гуттериты, протестантская секта анабаптистов, перебравшиеся в Соединенные Штаты в 1870-х годах, доказали необязательность требования о безбрачии. Они придерживались строгой моногамии и признавали лишь общую собственность, и при этом их численность менее чем за сто лет увеличилась с 800 до примерно 28 000 человек. Они живут сельскохозяйственными коммунами по обе стороны канадской границы, преимущественно в штатах Дакота, Альберта и Манитоба. Высокая рождаемость (примерно по девять детей в семье) позволяет им оказывать противодействие снижению численности из-за ухода членов сообщества во внешний мир. У семейных пар есть небольшие отдельные комнаты, но уединение их довольно условно – в двери принято входить без стука. Частная собственность ограничена предметами личного пользования. Трапезы у них совместные, а в течение дня женщины,

¹¹⁹ Robert C. Ellickson, "Property in Land," *Yale Law Journal* 102 (1993): 1327-1328.

как правило, отделены от мужчин. Когда численность общины достигает 150 человек, она разделяется, и часть уходит в другое место. Гуттериты говорят на диалекте немецкого языка, и, запретив радио и телевидение, они сохраняют свою автономность от внешнего мира¹²⁰. Но именно их уникальность, а также строгость их норм указывают на то, насколько труден этот опыт. Они – исключение, подтверждающее правило.

Израильские киббуцы стремились достичь примерно такой же цели. Поначалу казалось, что они достигли успеха. Мартин Бубер называл киббуцы «единственным не провалившимся социалистическим экспериментом»¹²¹. Еще в начале 1980-х годов Амос Элон мог говорить, что киббуцы реализовали «с большим успехом, чем где бы то ни было, утопическое общество, которое в ограниченном масштабе воплощает благороднейшие стремления человечества»¹²². Однако к 1989 году 3 % израильского населения, проживавшие в киббуцах, накопили более 4 млрд долл. долга¹²³. Долги приняло на себя государство, но они стали накапливаться вновь. Небольшое число киббуцев (17 из 277 в начале 1990-х годов) религиозно, и некоторые полагают, что они могли бы обойтись без субсидий. Но политики предпочитают не разделять финансы светских и религиозных киббуцев¹²⁴. Это увеличивает лоббистские возможности всех киббуцев в целом. И, в конечном итоге, значительные государственные субсидии делают недостоверными результаты эксперимента для всех участников.

Что до ситуаций, когда «безбилетничество» возникает в связи с техническими трудностями, то достаточно вспомнить о таких по необходимости общих ресурсах, как океанское рыболовство и подземные озера. Дороги, радиосигналы, свет маяков и национальная оборона – все эти блага обладают подобными свойствами. Радиовещание использует к своей выгоде общественную природу электромагнитных волн, беспрепятственно распространяющихся в воздушной среде, а для покрытия расходов использует рекламу. Некоторые радиостанции отказываются от рекламы и живут за счет взносов слушателей, но они не могут обходиться без государственных субсидий и в этом отношении находятся в такой же ситуации, как киббуцы. (Радиостанция WETA в Вашингтоне, округ Колумбия, которая на 60 % финансируется слушателями, сообщает, что в 1998 году 90 % аудитории не заплатило ни цента.)

Блага, которые не удастся поставлять только тем, кто платит за них, экономисты называют общественными благами. Лучший пример таких благ – национальная оборона. Поскольку система национальной обороны защищает и тех, кто не станет за нее платить, ее частное финансирование немедленно наткнется на проблему безбилетников. Поэтому из соображений справедливости и практичности государство выступает в качестве третьего лица и раскладывает на всех налоги для финансирования подобных благ. То же самое касается полиции и системы правосудия. Организованные на частной основе, они должны будут обслуживать и неплательщиков. По сути дела, концепция общественных благ охватывает виды деятельности, отводимые государству. Если благо действительно необходимо, а рынок не справляется с предоставлением этого блага потребителям, в таком случае на сцену выступает государство. Стоит отметить, что блага, традиционно и предоставляемые минимальным государством, – оборона, полиция и система правосудия – соответствуют концепции общественных благ.

¹²⁰ См.: John A. Hostetler, *Hutterite Society* (Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 1974); Karl A. Peter, *The Dynamics of Hutterite Society* (Edmonton: Univ. of Alberta Press, 1987); William M. Kephart, *Extraordinary Groups* (New York: St. Martin's Press, 1976).

¹²¹ Martin Buber, *Paths in Utopia* (Boston: Beacon Press, 1958), 139.

¹²² Amos Elon, *The Israelis: Founders and Sons* (Harmondsworth, Eng.: Pelican Books, 1983), 20.

¹²³ Joel Brinkley, "Debts Make Israelis Rethink an Ideal: The Kibbutz," *New York Times*, March 5, 1989; Daniel Williams, "Down on the Kibbutz, Israelis Face a Financial Crisis," *Los Angeles Times*, May 19, 1989; Glenn Frankel, "Farewell to the Kibbutz," *Washington Post*, July 9, 1989; Geraldine Brooks, "Saving the Farm: The Israeli Kibbutz Takes a Capitalist Tack to Keep Socialist Ideals," *Wall Street Journal*, September 21, 1989.

¹²⁴ Из интервью автора с Яковом Кадишем (Тель-Авив) в феврале 1990 г. См.: Tom Bethel, "Is the Kibbutz Kaput?" in *Free Minds & Free Markets*, ed. Robert W. Poole, Jr., and Virginia I. Postrel (San Francisco: Pacific Research Institute, 1993), 81–90.

Тем временем развитие технологии расширяет круг благ, с поставкой которых потребителям может справляться рынок, то есть частные собственники. Строительство дорог долгое время было делом правительства главным образом потому, что издержки на сбор платы за пользование ими были очень велики. К тому же из-за неплательщиков величина платы за право проезда могла бы оказаться монопольно высокой. Но цифровая технология уменьшает издержки на сбор платы за проезд, и если в будущем бесплатные шоссе не будут приведены в порядок за счет проезжающих (размещенные на дороге сканеры в состоянии «считывать» магнитные метки предоплаты на автомобилях и вычитать плату за проезд), значит, идеология окажется сильнее технологии.

Технологические достижения облегчали приватизацию и прежде. Демсец предполагает, что американские индейцы, обитавшие в степях на Великих равнинах, не приватизировали свои охотничьи угодья, как это сделали гуроны в Квебеке, потому что степная живность в поисках хорошей травы перемещается на очень дальние расстояния. Огородить такое пространство было бы слишком дорого. «Подобно нефти в подземных озерах или кашалотам в океане, бизоны были “бродячим ресурсом”, подвижность которого исключала возможность установления прав собственности и, соответственно, разумное управление, – писали экономисты Джеймс Гвартни и Ричард Строуп. – Позднее проблему удалось решить, огородив огромные пастбища, но к тому времени стараниями белых и индейцев бизоны почти исчезли»¹²⁵. Изобретение колючей проволоки, которую запатентовал в 1873 году Джозеф Глайден, сделало возможным огораживание. Она резко снизила затраты на огораживание и, возможно, спасла бизонов от полного уничтожения. Пока эти животные оставались предметом общественной собственности (были ничейными), логика общинной собственности неумолимо вела к их истреблению. В наши дни та же проблема затрагивает тигров, слонов и носорогов.

Сегодня окрепло понимание того, что если «бесплатные» природные блага – чистый воздух, океаническую рыбу, таежные леса, диких зверей – рассматривать как объект общей собственности, к которому правила частной собственности неудобоприменимы, то соответствующее благо будет подвергаться чрезмерному использованию, загрязнению или (в крайнем случае) полному уничтожению. Мировое население и способность современных рыбаков ловить и продавать рыбу увеличивались намного быстрее, чем способность океанической рыбы размножаться. С 1950 по 1990 год мощности рыболовецких предприятий увеличились в пять раз, и, по оценке Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН за 1993 год, затратив 92 млрд долл., они смогли бы выловить всю плавающую в море рыбу, совокупная стоимость которой существенно ниже – всего 72 млрд долл. Было сказано, что из 17 основных рыболовных зон 13 уже истощены или серьезно ослаблены¹²⁶.

Растет понимание того, что механизмы собственности могут ослабить или разрешить подобные проблемы. Загрязнение воздуха можно контролировать с помощью системы квот предприятиям на выпуск дыма в воздушный бассейн, и разрешить свободную продажу этих квот. Тогда те, кто не может удержаться в рамках положенной ему квоты, вынуждены были бы покупать право на загрязнение у технологически более совершенных производств. Торговля квотами на загрязнение воздуха предусмотрена Киотской конференцией по изменению климата Земли в 1997 году. Что до рыбных промыслов, то Исландия и Новая Зеландия в настоящее время выделяют квоты на вылов рыбы в своих водах (устанавливающие определенный процент общего разрешенного объема вылова рыбы) каждому владельцу траулера. Эти квоты можно затем продавать на рынке и по рыночной цене, что побуждает рыболовов действовать экономно и с оглядкой на будущее. При старой системе (опоздавшему – объедки) траулеры

¹²⁵ James D. Gwartney and Richard L. Stroup, *Economics: Private and Public Choice*. 4th ed. (New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1987), 670.

¹²⁶ Birgir Runolfsson, “Fencing the Oceans,” *Regulation* (Summer 1997): 57–62; а также см.: “The Tragedy of the Ocean,” *Economist* (March 19, 1994), 21–24.

наперегонки вылавливали самые большие косяки рыбы, подрывая долговременные перспективы рыболовства.

Применимость подобных правил собственности к общим ресурсам, где их применение считалось прежде делом крайне трудным или вовсе невозможным, была далеко не очевидной (а некоторые защитники природы и до сих пор против этого подхода). Не вызывает сомнений, что перемена во взглядах вызвана ростом населения и соответствующим давлением на общие ресурсы. Но когда политические аналитики готовы защищать решения, использующие «права собственности», это еще и признак растущего престижа собственности. В прошлом выражение «права собственности» использовалось лишь для того, чтобы обозначить сомнительность или полную неприемлемость подобных решений.

Неуместные моральные претензии

Статья Гарольда Демсеца прославилась из-за употребленного в ней неправильного выражения. Он отмечает, что самым важным следствием установления прав собственности «стало все большее достижение интернализации экстерналий». Экстерналии – это экономические выгоды или издержки, возлагаемые на окружающих без согласия, компенсации или вознаграждения. По-видимому, впервые этот термин использовал экономист Пол Самуэльсон в 1958 году¹²⁷. До него эту идею обсуждал в 1920 году экономист А. Пигу. Однако до XX века эта весьма важная для экономической теории концепция ускользала от внимания экономистов.

Загрязнение воздуха – самый распространенный пример «отрицательной», т. е. возлагающей издержки на других, экстерналии. «В больших городах, – писал Пигу, – дым и копоть наносят огромный вред людям, зданиям и растениям, заставляют людей увеличивать расходы на стирку одежды и уборку помещений, на установку источников искусственного освещения и т. п.». Несправедливо, что заводы «экстернализуют» издержки загрязнения, перекладывая их на окружающих вместо того, чтобы самим нести расходы на установку газоочистного оборудования или на использование более чистого топлива¹²⁸.

Но экстерналии бывают и положительными, и наилучшим примером здесь может послужить Диснейленд. Когда в 1950-х годах в Анахайме построили парк развлечений, окрестные пустыри мгновенно выросли в цене. Эти земли не принадлежали Диснею, и получилось, что компания ненароком обогатила землевладельцев по соседству. В определенном смысле менеджеры Диснея просчитались, потому что компания за эту ненамеренную филантропию ничего не получила. В 1970-х годах, когда во Флориде строили «Дисней уорлд», компания не повторила ошибку, купив всю землю в окрестностях до того, как публика пронюхала о проекте. Это позволило компании получить выгоду от косвенных эффектов своих капиталовложений.

Пример с загрязнением скорее вводит в заблуждение, чем проливает свет на ситуацию. На него бесконечно много ссылались, но никто никогда не измерял издержки, создаваемые знаменитой дымящей трубой. А ведь они, несомненно, перекрываются некомпенсируемыми выгодами для данной местности в виде стимулов для развития всевозможных предприятий. Законы о закрытии предприятий исходят из того, что сегодня отношение к заводам скорее положительное, чем отрицательное. Загрязняющий окрестности завод из учебника экономики помешал нам оценить положительные экстерналии собственности. Когда ценность создается там, где прежде ничего не было, она, как правило, «излучает» дополнительную прибыль вовне. Первое успешное казино-отель в Лас-Вегасе экстернализовало экономический успех в окружающую его пустыню и обогатило тех, кто последовал его примеру. Хьюлетт и Паккард, начав

---

¹²⁷ Коуз Р. Фирма, рынок и право. М.: Дело, 1993. С. 25, прим. 35. В статье «Маяк в экономической теории» Коуз отмечает, что хотя Самуэльсон использовал в своем учебнике экономики маяк как пример услуги, которая может предоставляться только правительством, в Англии маяки на протяжении столетий строились и эксплуатировались частными лицами.

¹²⁸ Пигу А. Экономическая теория благосостояния. М.: Прогресс, 1985. С. 252.

со своего знаменитого гаража в Пало-Альто, заложили основу не только своей компании, но и всей Кремниевой долины.

Из-за того что наличие экстерналий может рассматриваться как «дефект» частной собственности, их порой используют как аргумент против нее. Однако в обществе с коллективной собственностью проблема экстерналий стоит гораздо острее. Человек, чувствительный к шуму, может укрыться за стенами своего дома от большей части звукового загрязнения. Но если заставить его жить под открытым небом, укрыться ему будет негде. Огромным преимуществом частной собственности является то, что по большей части она замыкает последствия деятельности человека на нем самом. Об общественной собственности этого сказать нельзя.

«Безбилетничество», провоцируемое общей собственностью, широко распространено во всем человеческом обществе, потому что есть смысл принимать и использовать ценности, когда соответствующие обязательства не накладываются или их сложно провести в жизнь. В таких случаях руководствуются правилом «дареному коню в зубы не смотрят». Производство экономических благ требует затрат труда. Поэтому все «бесплатное» обладает непреодолимой притягательностью. Кроме того, такие блага потребляются частным образом. Поэтому проблема безбилетника – побочный продукт человеческой природы. Если человек отказывается целый день возиться над созданием блага, которое может присвоить любой, не затративший ни минуты труда, он демонстрирует не грех себялюбия, а способность мыслить здраво.

Именно этот момент является источником глубокого идеологического раскола. Столкнувшись с фактом того, что коммунар работает с прохладцей, потому что знает, что созданное не будет ему принадлежать, а в конце дня он все равно получит положенную каждому порцию, некоторые сочтут такое поведение «чисто человеческим» либо признают, что он «поступает рационально, глядя в лицо обстоятельствам». Другие отнесутся к этому с меньшей терпимостью. Веря в моральное превосходство коммунаской жизни, они сочтут, что ленивого или беспринципного коммунара можно переделать – с помощью убеждения, наставления и образования. Его необходимо убедить, что он обязан с честью выдержать возникший моральный вызов.

Входящие в первую группу к тому же верят, что ленивого коммунара можно изменить. Важен, говорят они, механизм, устанавливающий должное соответствие между трудом и вознаграждением или удовлетворенностью. Если он намерен отлынивать от работы, то пусть столкнется с последствиями такого поведения – он должен и получать меньше. Если же он работает усердно, то нужно сделать так, чтобы ему это было выгодно. В любом случае, у него появится стимул производить больше. Механизмом, обеспечивающим такой результат, является частная собственность. Похоже, что сторонники общественной собственности исходят из того, что раз частная собственность создает такую сильную материальную заинтересованность, она тем самым подрывает моральный дух – у человека исчезает необходимость переделывать собственную природу, обуздав свое корыстолюбие и эгоизм. Он будет руководствоваться земными соображениями о выгоде, а не благородным стремлением к совершенствованию и самопожертвованию.

Похоже, что врагами частной собственности движут прежде всего извращенные моральные амбиции – что-то вроде религиозного импульса, перенацеленного на земные дела. Стремление к коммуне – это попытка подчинить земной мир требованиям религиозной жизни. Дэвид Горовиц, позднее возглавивший Банк Израиля, вспоминает коммуну в Галилее, в которой он жил в 1920-х годах, как «монашеский орден, но без Бога»¹²⁹. На заре христианства отцы церкви учили, что блага этого мира должны быть общим достоянием. Но грехопадение и первородный грех сделали частную собственность институтом абсолютно необходимым, хотя и несовершенным. Возможно, люди, стремившиеся к уничтожению частной собственности, не вос-

¹²⁹ Elon, *The Israelis*, 141.

приняли учения о первородном грехе, но усвоили все другие аспекты религиозного взгляда на жизнь. И все же когда стимулы коммунального общежития ошибочно внедряют в мирской контекст, результат оказывается обратным ожидаемому. Мораль разрушается. И итогом оказывается неожиданный расцвет себялюбия.

Часть III. Римское и обычное право: от статуса к контракту

Введение

В истории не было более знаменитых империй, чем Римская и Британская, и обе в свое время обладали самыми развитыми в мире экономическими системами. Институциональным центром обеих была хорошо развитая система права: гражданского права в Риме и общего права в Британии. Считается, что последнее развилось в основном независимо от первого. Обе системы обеспечивали более высокий уровень защиты частной собственности, чем соперничавшие с ними страны. А потому обе добились процветания. Империя была роскошью, которую они могли себе позволить. Нам следует озаботиться проблемой взаимосвязи между правом и экономикой. В чем заключались характерные и определяющие особенности систем права в этих двух обществах и как они содействовали или, напротив, противодействовали богатству империи? Внимание римского права в весьма значительной мере вращалось вокруг вопросов собственности и распоряжения ею, обмена и передачи по наследству. В своде римского права, известном как «Свод гражданского права», завершённом в 533 году н. э., была сделана попытка изложить ошеломляющее многообразие обстоятельств, в которых могут возникнуть правовые споры между сторонами¹³⁰. Большая его часть посвящена вопросам собственности. По сути дела, этот труд – «самый важный и влиятельный свод правовых установлений из известных во всем мире», как характеризует его Алан Уотсон, профессор Пенсильванского университета, – должен напоминать нам, что собственность – важнейшая категория права¹³¹. Частная собственность в римском праве не была абсолютной, и на самом деле вся римская система заключала в себе серьезный порок, связанный с собственностью. Иерархия прав, позднее развитых в Западной Европе, в Риме была прописана неверно. Для большинства подданных, не относящихся к гражданам, права на жизнь и на свободу были подчинены праву собственности. Говоря о разделении «вещей» на материальные и нематериальные, ученый правовед Гай сказал, что примерами «материальных вещей» являются «земля, раб, одежда, золото...»¹³². Рабы были собственностью, и это, несомненно, способствовало падению империи. Это разделение на классы с неравным правовым статусом истязало Римское общество.

В столетия, последовавшие за норманнским завоеванием, английское общее право ввело в жизнь ряд ключевых новшеств. Закон был превыше всего, и предполагалось, что сам король и правительственные ведомства соблюдают свои действия с правилами, устанавливаемыми в судах. Вопросы о факте решали присяжные. Самым важным было то, что право представляло собой не столько набор принципов, сколько растущую совокупность обстоятельств, открываемых при разбирательстве конкретных дел. Оно было полем деятельности практикующих юристов, а не философов и возникало в зале судебных заседаний, а не на юридических факультетах.

---

¹³⁰ Работа была проделана в Константинополе в царствование императора Юстиниана и представляет собой выдержки из 2000 существовавших на то время томов римского права (подавляющее их большинство до нашего времени не дошли). Примечательно, что полный английский перевод Свода гражданского права был опубликован только в 1985 году. В тот год Пенсильванский университет выпустил в свет четыре массивных тома. Включены латинский оригинал и английский перевод, занимающий 1875 страниц мелким шрифтом. Alan Watson ed., *The Digest of Justinian*, 4 vols. (Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1985). [Полный русский перевод «Дигестов Юстиниана» с параллельным латинским текстом опубликован издательством «Статут» в 2002–2005 годах в семи томах (десяти книгах). В Свод гражданского права Юстиниана также входят «Институции» (русс. пер.: Институции Юстиниана. М.: Зерцало, 1998), «Кодекс» и «Новеллы». – Прим. науч. ред.]

¹³¹ Ibid., 1: xi.

¹³² Ibid., 1: 24.

тах. Решения основывались на конкретных обстоятельствах дела, которые выявлялись в ходе слушаний, и всем было понятно, что ими будут руководствоваться суды в дальнейшем, принимая решения по сходным случаям: судьи должны были считаться с прецедентами. В границах этой системы оставались неизменными многие из принципов, которыми руководствовались римские судьи при решении споров о собственности. Но представавшие перед судьями и присяжными участники судебных прений – истцы, ответчики и свидетели – не умещались в рамки старого разделения по статусу. Все люди считались равными перед законом. Это не только отвечало требованиям естественного права, но имело существенные экономические последствия. Новое равенство перед законом стимулировало свободу заключения договоров и развитие экономики обмена. Передача собственности все в большей степени шла «по горизонтали» – от продавца к покупателю и все меньше «по вертикали» – от отца к сыну. Поскольку предпринимательские способности не передаются вместе с богатством, распределение богатства в обществе стало более демократичным. Оно не столько наследовалось, сколько было вознаграждением труда и изобретательности.

Глава 5. Римляне и сельские жители

Первый расцвет системы частной собственности имел место в греко-римском мире. Кому-то подобное понимание древней цивилизации может показаться чрезмерно материалистическим, но утверждение собственности, которая в римском обществе получила большее развитие, чем где-либо еще, создало принципиально важные зоны частной жизни, в которой смогли расцвести свобода и индивидуализм. Частная собственность способствовала появлению богатства и досуга, что открыло для граждан Рима и Греции возможность заниматься литературой, философией и искусствами. Еще один момент, мало изученный историками античности, состоит в том, что частная собственность была стимулом к накоплению богатства, а это богатство дало римским легионам относительное военное превосходство над соседями и соперниками. «До этого ни одна правовая система не знала понятия безусловной частной собственности, – пишет историк Перри Андерсон. – В Греции, Персии или Египте собственность всегда была “относительной”, то есть обусловленной высшими или дополнительно обеспеченными правами других властей или сторон»¹³³. В античные времена была чем-то новой идея, что принципы права выше, чем власть и сила, что справедливость «слепа» и (в идеале) не взирает на лица. По ту сторону римских границ царили либо коллективистская тирания, либо полуголодные общинные структуры. Гиббон в своей книге «История упадка и разрушения Римской империи» замечает, что в Римской империи идеально прямые дороги были проложены «почти без оглядки на природные препятствия или право частной собственности»¹³⁴. Прямизна дорог может навести на мысль о торжестве авторитаризма. Но там, где прокладывались эти дороги, вряд ли существовала частная собственность. В «Галльской войне» Юлий Цезарь отметил, что ни у кого из германцев «нет определенных земельных участков и вообще земельной собственности»¹³⁵. Неспособные создавать богатства своими силами, такие государства создавались прежде всего ради ограбления соседей. Египетские цари до-римского периода были монопольными собственниками всей земли, которую небольшими участками сдавали в аренду закабаленным крестьянам. На Востоке азиатские цари обладали неограниченной личной властью; здесь царил азиатский деспотизм, характеристику которого дал Монтескье, а позднее проанализировал Маркс¹³⁶. Во многих случаях монарх объявлял себя владельцем всех земель своего государства. Монтескье отмечал, что земледелием пренебрегали, разоряли промышленность и ничего не поправляли и не улучшали. Из земли извлекали все и ничего не возвращали ей обратно: «Там все запущено, везде пустыня». Но при таких режимах существовало своего рода равенство – все подданные были равно угнетены. В таких деспотических государствах, пишет Монтескье, «нет законов, там сам судья – закон»¹³⁷.

В Древней Греции сельскохозяйственные земли изначально принадлежали фратриям и долгое время обрабатывались совместно. Постепенно они перешли в частную собственность. В начале VI века до н. э. афинский законодатель Солон дал государству новое устройство, и это подтолкнуло дальнейшее обособление собственности. Прежде, если человек умирал, не оставив наследника, его собственность возвращалась фратрии; теперь же он получил возможность завещать ее кому угодно. При Солоне была отменена долговая кабала, пишет Аристотель, и существующие долги были упразднены, «как частные, так и государственные»¹³⁸. Те,

¹³³ Perry Anderson, *Passages from Antiquity to Feudalism* (London: Verso, 1974), 66.

¹³⁴ Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. М.: Центрполиграф, 2005. С. 41.

¹³⁵ Цезарь Гай Юлий. Записки о галльской войне. Кн. 6. § 22.

¹³⁶ Монтескье. О духе законов. Кн. 5. Гл. 14.

¹³⁷ Там же. Кн. 6. Гл. 3.

¹³⁸ Аристотель. Афинская полития. М.: Мысль, 1997. С. 6.

кто за долги попал в рабство, получили свободу. Прознав о намерениях Солона, некоторые из его друзей заняли денег, скупили на них много земли, а когда вскоре после этого состоялась отмена долгов, оказались богачами. Так возникли новые состояния, пишет Аристотель, которые «впоследствии слыли за исконно древние». Наконец-то мы оказались в мире, очертания которого нам знакомы.

Некоторые аргументы о собственности, используемые в наши дни, можно найти в работах Платона и Аристотеля. Придумав идеальное устройство общества, Платон пишет в «Государстве», что члены правящего сословия, или стражи, не должны иметь никакой собственности, кроме личных жизненно необходимых вещей. Подобно солдатам, они должны жить в казармах. Он явно имел в виду аскетически-суровых и наделенных абсолютной властью государственных чиновников – элиту, рожденную править. Они должны были получать скромный гарантированный доход за счет налогов, собираемых с крестьян и ремесленников. «У стражей не должно быть ни собственных домов, ни земли и вообще никакого имущества: они получают пропитание от остальных граждан как плату за свою сторожевую службу и сообщая все потребляют».

Платон верил, что в прошлом алчные правители испортили греческие города. Лишение возможности обладать собственностью вернет их на путь добродетели и служения идеалам. В XIX веке эхо этой идеи отозвалось в намерении изменить правила собственности, чтобы тем самым усовершенствовать природу человека. Когда вся собственность общая, рассуждал Платон, стражи не разнесут все «государство в клочья, что обычно бывает, когда люди считают своим не одно и то же, но каждый – другое: один тащит в свой дом все, что только может приобрести, не считаясь с остальными, а другой делает то же, но тащит уже в свой дом; жена и дети у каждого свои, а раз так, это вызывает и свои, особые для каждого радости или печали»¹³⁹.

Аристотель, ученик Платона, не соглашался со своим учителем. В своей «Политике» он размышляет о системе собственности, подходящей для граждан идеально устроенного государства. «Должна ли собственность быть общей или не общей?»¹⁴⁰ Если последовать Платону и сделать так, чтобы «земля и получаемые с нее плоды были общими», то, отмечает Аристотель, неизбежны «большие затруднения». Он предвосхищает судьбы Плимутского поселения, когда пишет: «Так как равенства в работе и в получаемых от нее результатах провести нельзя – наоборот, отношения здесь неравные – то неизбежно вызывают нарекания те, кто много пожинает или много получает, хотя и мало трудится, у тех, кто меньше получает, а работает больше»¹⁴¹.

Когда многие люди могут сказать «“мое” об одной и той вещи», замечает он, согласия быть не может. «К тому, что составляет предмет владения очень большого числа людей, прилагается наименьшая забота. Люди заботятся всего более о том, что принадлежит лично им; менее заботятся они о том, что является общим, или заботятся в той мере, в какой это касается каждого. Помимо всего прочего люди проявляют небрежность в расчете на заботу со стороны другого»¹⁴². С другой стороны, если каждый человек станет заботиться о своем, «среди них исчезнут взаимные нарекания; наоборот, получится большая выгода, поскольку каждый будет с усердием относиться к тому, что ему принадлежит»¹⁴³.

Эти замечания, представляющие собой, пожалуй, самый ранний образец «экономического» анализа отношений собственности, издавна привлекали внимание и нередко использовались, чтобы подчеркнуть, что нет ничего нового под солнцем: древние давно проанализировали проблемы собственности. Нечто похожее говорит и сам Аристотель, когда указывает, что

¹³⁹ Платон. Государство//Платон. Соч. В 4-х т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. Кн. 5. С. 240.

¹⁴⁰ Аристотель. Политика//Аристотель. Соч. В 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. 1262b.

¹⁴¹ Аристотель. Политика//Аристотель. Соч. В 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. 1263a.

¹⁴² Аристотель. Политика//Аристотель. Соч. В 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. 1261b.

¹⁴³ Аристотель. Политика//Аристотель. Соч. В 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. 1263a.

если бы советы Платона были осуществимы, им бы уже давно последовали. «Не остался бы неизвестным такой порядок, если бы он был прекрасным, – пишет он. – Ведь чуть ли не все уже давным-давно придумано...»¹⁴⁴

Однако Аристотель превозносит собственность не из экономических, а из моральных соображений. Частная собственность позволяет нам проявлять щедрость и помогать друзьям в нужде. Подобная щедрость невозможна «у тех, кто стремится сделать государство чем-то слишком единым». Щедрым можно быть только в отношении тех вещей, которые принадлежат тебе самому. Он следующим образом критикует предложенную Платоном схему: «Рассмотренное нами законодательство может показаться благовидным и основанным на человеколюбии. Познакомившийся с ним радостно ухватится за него, думая, что при таком законодательстве наступит у всех достойная удивления любовь ко всем, в особенности когда кто-либо станет избобличать то зло, какое существует в современных государствах из-за отсутствия в них общности имущества: я имею в виду процессы по взысканию долгов, судебные дела по обвинению в лжесвидетельствах, лесть перед богатыми. Но все это происходит не из-за отсутствия общности имущества, а вследствие нравственной испорченности людей, так как мы видим, что и те, которые чем-либо владеют и пользуются сообща, ссорятся друг с другом гораздо больше тех, которые имеют частную собственность»¹⁴⁵.

Аристотель отдавал предпочтение такой организации частной собственности («ведь собственность должна быть в общем и в целом частной»), выгоды которой разделили бы и бедные. Такая система уже существовала в ряде государств – например, в Спарте – и именно такую систему Платон защищает в своей последней работе, в «Законах». Здесь Платон признает, что хотя некоторые формы общности имущества, вероятно, обладают моральным превосходством, для людей, каковы они есть, требуется нечто более практическое. Граждане должны владеть одинаковыми участками земли, а обрабатывать их должны рабы, находящиеся в частной собственности. Строгие правила наследования и деторождения должны стать залогом того, что это равенство сохранится и в последующих поколениях.

Аристотель считал, что в идеальном государстве (описание которого можно найти в книге 7 «Политики») только граждане должны владеть собственностью; ремесленники не имеют прав ни на гражданство, ни на собственность¹⁴⁶. Что же касается сельского населения, то «землепашцы должны быть рабами или варварами-периеками», и, разумеется, у них не должно быть никакой собственности. Но никто не должен остаться без пропитания, а потому нужна система социального обеспечения, которую он называет «совместной трапезой» или сисситией, причем каждый имеет право есть за общим столом¹⁴⁷. Для обеспечения этих трапез нужно часть земель выделить в общую собственность. Идея допустимости рабства исказила всю систему греческой (а позднее и римской) политической мысли. В таких государствах, как Спарта, сообщает Аристотель, «каждый пользуется рабами другого, как своими собственными, и точно так же конями и собаками»¹⁴⁸. Щедрость и великодушие его восхищали, но рабство почти не вызывало сомнений. Некоторые люди являются рабами от природы, полагал он, – в особенности «варвары» (не греки). «В идеале» землепашеством должны заниматься рабы, хотя, чтобы уменьшить риск восстания, «они не должны принадлежать к одной народности и не должны обладать горячим темпераментом»¹⁴⁹. Он к тому же считал экономически выгодным «всем рабам в виде награды подавать надежду на свободу» – это побудит их работать усерднее.

¹⁴⁴ Аристотель. Политика//Аристотель. Соч. В 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. 1264а.

¹⁴⁵ Аристотель. Политика//Аристотель. Соч. В 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. 1263b.

¹⁴⁶ Аристотель. Политика//Аристотель. Соч. В 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. 1329а.

¹⁴⁷ Аристотель. Политика//Аристотель. Соч. В 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. 1329b.

¹⁴⁸ Аристотель. Политика//Аристотель. Соч. В 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. 1263а.

¹⁴⁹ Аристотель. Политика//Аристотель. Соч. В 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. 1329b.

Политическая мысль Греции не знала идеи прав как границ, налагаемых природой человека на то, что может делать государство, не выходя из рамок справедливости. Общество было разделено на сословия – рабов, ремесленников, вольноотпущенников, граждан – обладавших разными степенями неправоеспособности. По некоторым оценкам, рабов в Афинах было больше, чем свободнорожденных.

Собственность в Риме

Таким же по существу было право и общество в Риме. Писаное, в противоположность обычному, римское право началось с законов Двенадцати таблиц, провозглашенных примерно в 450 году до н. э. Законы на двенадцати таблицах были выставлены ко всеобщему сведению в ответ на протесты против непонятности приговоров судей, опиравшихся на устное предание о законах. Содержание Двенадцати таблиц дошло до нас только во фрагментах, но содержание некоторых из них (к примеру, Таблицы III) свидетельствует, что с собственностью в то время шутить не приходилось. После признания факта задолженности давалось 30 дней на ее погашение, после чего должника вели в суд. Если никто не вызывался гарантировать погашение, «кредитор мог увести должника с собой и посадить на цепь или заковать его в кандалы, вес которых не должен был превышать 15 фунтов»¹⁵⁰.

Свод гражданского права включал отрывки из законов Двенадцати таблиц. Один отрывок демонстрирует скрупулезность отношения к собственности: «Закон Двенадцати таблиц устанавливает, что никто не может быть принужден вытащить из своего дома чужие бревна, пошедшие на его постройку; вместо этого он должен уплатить двойную стоимость древесины по требованию, называемому иск о пошедших на строительство бревнах. Бревнами именуются любые материалы, использованные при строительстве дома»¹⁵¹. Целью этого закона было прекращение практики разрушения зданий.

Между обнародованием законов Двенадцати таблиц и созданием «Институций» (конспект более обширного труда) Юстиниана прошла почти тысяча лет. О раннем римском праве известно немного. Ни в одном из сохранившихся юридических текстов нет римского определения собственности¹⁵². Но читая о жизни республиканского Рима, невозможно не почувствовать, что собственность пользовалась большим уважением, чем свобода, и большей защитой, чем жизнь. Галлий Саллюстий Крисп сетовал, что собственность предшествует всем другим правам.

Хотя закон, позволявший закабаление должников и их детей, позднее был изменен, эта практика сохранялась еще в V веке н. э. До времен императора Адриана глава семьи имел право жизни и смерти над своими домочадцами. Отцы имели возможность обратить своих детей в собственность и произвести «отчуждение», продав их в рабство¹⁵³. Вор, пойманный с поличным, мог стать рабом, а значит и собственностью человека, которого он обокрал. По мере расширения Римская республика присваивала территории и обращала пленников в рабов. Рабство, говорится в «Институциях» Юстиниана, «делает человека собственностью другого», но (к этому времени) у автора хватило милосердия, чтобы добавить: «вопреки закону природы»¹⁵⁴.

¹⁵⁰ Tenney Frank, ed., *An Economic Survey of Ancient Rome*, vol. 1 (Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 1933), 14.

¹⁵¹ Justinian, *Justinian's Institutes*, trans. P. Birks and G. McLeod (Ithaca: Cornell Univ. Press, 1987), 59.

¹⁵² Alan Rodger, *Owners and Neighbors in Roman Law* (Oxford: Clarendon Press, 1972), 1.

¹⁵³ Justinian, *Codex*, vii, 16.1.

¹⁵⁴ В работе «Рабочая сила Италии» П. А. Брант сообщает, что, по его оценкам, в 225 году до н. э. в Италии было 4,4 млн свободных и 600 тыс. рабов. К 43 году до н. э. соотношение изменилось – 4,5 млн свободных и 3 млн рабов (P. A. Brunt, *Italian Manpower 225 B.C. – A.D. 14* [London: Oxford Univ. Press, 1971], 121–125). «Древний мир ничего подобного еще не видел, – пишет Перри Андерсон в книге «Переход от античности к феодализму». – Рим первым раскрыл весь потенциал рабовладельческого способа производства. ... Хищный милитаризм Римской республики был главным рычагом экономического накопления» (Perry Anderson, *Passages from Antiquity to Feudalism*, 62).

В исследовании «Гражданская община древнего мира» (*La Cite Antique*, 1864) французский историк Нума Дени Фюстель де Куланж предложил любопытное объяснение уважения римлян к собственности. С тех пор его репутация в научном мире сильно поблекла, но теорию стоит изложить. Он считал, что ключом является абсолютное почитание. Идею частной собственности укрепляла религия римлян, в которой центром является семья, а вокруг нее целый сонм домашних богов. Децентрализация божественности способствовала приватизации собственности. Увековечение семьи через поклонение ее покойным членам вело к увековечению именно этой освященной земли. Алтарь и домашний очаг принадлежали мертвым в той же мере, что и живым. Алтарь не мог быть просто так перенесен на другое место – его следовало почитать до тех пор, пока сохранялась семья. Предков хоронили на ближнем поле и окружали его оградой. Таким образом кусок земли делался священным в качестве вечной собственности каждой семьи.

Люди, которых религия привязывала к участку земли так, что они почитали своим долгом не покидать его, пишет Фюстель, «скоро должны были прийти к мысли воздвигнуть здесь некое прочное строение. Араб довольствуется шатром, татарин – крытой кибиткой, но семья, имеющая очаг, нуждалась в постоянном жилище. Вскоре место глиняной лачуги или бревенчатой хижины занял каменный дом. Семья строила дом в расчете не на одну человеческую жизнь, а на много поколений, которые будут сменять друг друга в этом жилище»¹⁵⁵. Словом, именно религия, а не закон, была первой гарантией права собственности.

В городах дома пришлось ставить ближе друг к другу, но они не соприкасались: «Два дома ни в каком случае не могли стоять вплотную – общая стена не допускалась, – пишет Фюстель. – Два дома не могли иметь общей стены, потому что тогда исчезла бы священная ограда вокруг богов. В Риме закон требовал иметь между домами пространство шириной два с половиной фута». Коллективная собственность была просто невозможна.

Позднее социолог Эмиль Дюркгейм поставил Фюстеля с ног на голову, утверждая, что это структура общества сформировала религиозные верования, а не наоборот. Трудно решить, что было раньше. Тем не менее аргумент де Куланжа представляет интерес для того, кто изучает собственность. Из него следует очевидный прогноз. Можно ожидать, что собственность легче защищать, чем отчуждать. В конце концов, она принадлежит не только живущим, но и «умершим и еще нерожденным». У индусов, восклицает Фюстель, собственность тоже опиралась на религию и была действительно неотчуждаемой. «Все заставляет нас поверить», доказывал он, что в Древней Греции и Древнем Риме собственность была неотчуждаемой¹⁵⁶.

Доказательств он, впрочем, не привел. Действительно, Аристотель рассказывает в «Политике», что законодатель «поступил правильно, заклеив как нечто некрасивое покупку и продажу имеющейся собственности»¹⁵⁷. И он приводит один-два примера. Но уже во времена Римской республики [земельную] собственность продавали часто. Цицерон сообщает, что если семья продавала поле с семейной могилой, она удерживала право прохода к ней, чтобы выполнять церемонии поклонения.

Подразумевалось, что большая часть собственности находится в частном владении. Авторитетный юрист по имени Гай полагал, что вещи, на которые обращены права людей, «в большинстве случаев являются чьей-то собственностью». Но вещи могут быть и государственными, принадлежащими «всему обществу в целом». Среди вещей, считавшихся государственными, по мнению правоведов, цитируемому в «Дигестах», были священные или религи-

¹⁵⁵ Numa Fuesel de Coulanges, *The Ancient City: A Study on the Religion, Laws and Institutions of Greece and Rome* (1864), reprint (Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 1980), 52–64.

¹⁵⁶ Ibid., 62–63.

¹⁵⁷ Аристотель. Политика, 1270а. [Цитата приводится по опубликованному русскому переводу. Перевод цитаты, приведенной автором, выглядит так: «Поступил правильно, заклеив как нечто некрасивое покупку и продажу земли, принадлежащей гражданам Спарты». – Прим. перев.]

озные храмы; проточные воды, речные и морские берега; стадионы и театры, городские стены и ворота. В разрешении имущественных споров руководствовались несформулированным принципом, согласно которому закон является инструментом поддержания мира. С его помощью людям удается разрешать споры полюбовно. Кстати, именно поэтому они могли к тому же вести плодотворную жизнь¹⁵⁸.

Профессор Мозес Финли из Кембриджа указывает на изумительное безразличие сохранившихся римских источников к тем вопросам собственности, которые интересуют нас сегодня. В источниках отсутствуют «какие-либо данные или отчеты относительно размера и величины земельных владений» в Римской империи. Дело не в том, что у нас нет этой информации. Финли уверен, что ее и в то время не было ни у кого (кроме самих землевладельцев). Распределение собственности в Древнем Риме – это головоломка, в которой недостает слишком многих деталей. Сохранилось лишь считаное число папирусов с реестрами собственности. Один, из Веллеи в северной Италии, составленный в начале II века н. э., содержит данные о ценности 47 землевладений, из которых 46 находились в частных руках. Другой – из городка в Южной Италии, еще один – из Египта¹⁵⁹. «Почти все реестры недвусмысленно свидетельствуют о значительной концентрации земельной собственности в руках богачей», – пишет Р. П. Дункан-Джоунз¹⁶⁰.

Это почти тавтология, потому что земля и то, что на ней росло, были главными источниками богатства (вплоть до начала Промышленной революции). Цицерон правильно обвиняет в демагогии трибуна по имени Филипп за рекомендацию провести аграрную реформу на том основании, что «в государстве нет и двух тысяч человек, владеющих какой-либо земельной собственностью». Но понятно, что незначительное меньшинство владело непомерно многим. Главными инструментами передачи земельной собственности были наследование и супружество. Но благодаря войнам и высокой смертности земля переходила из рук в руки намного чаще, чем предполагалось: одно поместье в Тускуле, рядом с именем Цицерона, за пятьдесят лет сменило не менее пяти владельцев. Элизабет Росон сделала вывод, что «римские землевладельцы» относились к своей земле куда менее эмоционально, чем английские джентльмены XVIII–XIX столетий – и это выпад против теории Фюстеля де Куланжа¹⁶¹. Присматривая усадьбу близ Анцио, чтобы поставить там храм в память своей дочери Туллии, Цицерон тревожился, что он может оказаться недолговечным, поскольку в будущем много раз будут меняться собственники. Он надеялся сохранить это место священным «до тех пор, пока Рим останется Римом» и чувствовал, что это вернее было бы сделать не на частной земле, а на ничейной¹⁶².

Члены сословия сенаторов зачастую владели несколькими поместьями, предпочтительно неподалеку от Рима; аренда загородных резиденций была нечастым случаем. Во времена республики сенаторам не позволялось владеть землей в провинциях (мы знаем об этом только из случайного замечания Цицерона). «Разумеется, если бы можно было владеть землей, Помпей приобрел бы половину востока, а патриций Клавдий большую часть остального», – добавляет Росон. Городскую собственность брали в аренду и высшие и низшие классы. Срок аренды отсчитывался с 1 июля, а платить следовало в конце периода аренды – хороший признак уверенности собственников в том, что арендаторы заплатят¹⁶³. Арендаторы могли возбудить судебный иск против собственника, если он продавал здание новому владельцу, делавшему попытку

¹⁵⁸ *The Digest of Justinian*, 24–25.

¹⁵⁹ M. I. Finley, ed., *Studies in Roman Property* (Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1976), 2–3.

¹⁶⁰ M. I. Finley, ed., *Studies in Roman Property* (Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1976), 23.

¹⁶¹ M. I. Finley, ed., *Studies in Roman Property* (Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1976), 89.

¹⁶² L. P. Wilkinson, ed., *Letters of Cicero: A Selection in Translation* (New York: W. W. Norton, 1968), 145, 148.

¹⁶³ Bruce W. Frier, *Landlords and Tenants in Imperial Rome* (Princeton, N. J.: Princeton Univ. Press, 1980), 34–39.

пренебречь существующими договорами об аренде. В целом, по-видимому, договоры соблюдались¹⁶⁴.

Охоту к вложениям в городскую недвижимость отбивал риск пожара. Знаменитый анекдот середины II века н. э. повествует о том, как компания друзей, поднимавшихся с ритором Антонием Юлием по Капитолийскому холму, увидела, как загорелась большая инсула, то есть многоквартирный дом. Один из них заметил, что городская собственность приносит большие доходы, но риск еще больше. Если бы можно было как-то «помешать римским домам гореть с такой легкостью, – сказал он, – уверяю вас, я бы расстался с моей пригородной усадьбой и купил жилье в городе»¹⁶⁵. Согласно Плутарху, чрезвычайно богатый Марк Лициний Красс разбогател, скупив «почти весь Рим» буквально по горящим ценам¹⁶⁶. Но сообщение Плутарха не совсем вразумительно. Можно понять, что Красс скупал здания в тот самый момент, когда они горели. Но если Красс действительно разбогател в результате таких операций, ему, вероятно, посчастливилось избежать будущих пожаров.

Ценную собственность, такую как земля, дома, рабы и сельскохозяйственные животные, называли *res mancipi*, имея в виду, что их передача другому владельцу предполагает соблюдение ритуала или судебной процедуры. Если были сомнения в изначальном собственнике титула, то право собственности нового владельца «дозревало» (в случае недвижимости) в течение двух лет неоспоренного владения. По истечении этого срока новый владелец наделялся полным правом собственности. «Таким образом, в римском праве проверка права собственности была достаточно простой, – считает историк Джон Крук. – Не было необходимости обращаться к давнишним документам о переуступке права собственности, потому что достаточно было доказать, что в течение существенно короткого периода никто не претендовал на вашу собственность, а сами вы приобрели ее надлежащим образом»¹⁶⁷. Нет сомнения, что именно к этой системе относится поговорка, что владение – это девять десятых закона.

В сельской местности велась топографическая разметка земель, полученных гражданами от государства; обозначались межевые линии, следы которых до сих пор видны с воздуха. Ошибки землемеров подлежали судебному преследованию. На основании обмеров составлялся кадастр, который записывали на бумагу и гравировали на бронзе; одну копию оставляли на месте, другую отсылали в Рим. До нас дошла значительная часть составленной при императоре Веспасиане карты района в Галлии, выгравированной на камне. Обозначены дороги и реки, указаны площади частных и государственных участков земли¹⁶⁸. В римской провинции Египет, где сухой климат сохранил богатые запасы папирусных документов, место монополии времен Птолемеев заняло частное предприятие, и государственные земли были приватизированы. В Египте очень педантично регистрировались все сделки с землей, тогда как в других местах империи изменения в титулах собственности фиксировались обычно только при проведении сплошной переписи.

Римские граждане обладали значительным, но не абсолютным контролем над частной собственностью. После того как при Нероне в 64 году н. э. сгорели 10 из 14 римских районов, застройка города была проведена по тщательно продуманному плану. «Вся не отошедшая к дворцу территория города в дальнейшем застроилась не так скученно и беспорядочно, как после сожжения Рима галлами, а с точно отмеренными кварталами и широкими улицами между ними, – пишет Тацит, – причем была ограничена высота зданий, дворы не застраива-

¹⁶⁴ Finley, *Roman Property*, 73.

¹⁶⁵ Ibid., 128.

¹⁶⁶ Frier, *Landlords and Tenants*, 32–33.

¹⁶⁷ John A. Crook, *Law and Life of Rome* (Ithaca: Cornell Univ. Press, 1967), 142.

¹⁶⁸ Ibid., 148.

лись и перед фасадами доходных домов возводились скрывавшие их портики»¹⁶⁹. За пятьдесят лет до этого, согласно Тациту, Сенат принял законы против роскоши. «Было принято постановление, воспрещавшее употреблять на пирах массивную золотую посуду и унижать мужское достоинство шелковыми одеждами»¹⁷⁰.

Законы о собственности предусматривали наказание за неудобства, которые собственники могли создать своим соседям, что подтверждает наше представление о высоком уровне развития римского права. Юрист Ульпиан полагал, что закон не принимает мер против собственника, постройка которого перекрывает соседу доступ к свету и воздуху¹⁷¹. Но недавнее исследование показало, что закон отнюдь не был столь безразличен к правам тех, кто построил свой дом первым.

Сервитуты, или право прохода, были обычным делом, как видно из «Дигестов» Юстиниана: «Предположим, я продал часть своего имения на условии, что у меня будет право провести воду через проданную часть к остальной земле, и предположим, что оговоренный договором период прошел, а я так и не провел воду. Я не теряю никакого права, потому что нет канала, по которому могла бы течь вода. Фактически, мое право остается незатронутым. Но вот если бы я провел канал и не использовал его, тогда я потерял бы это право»¹⁷².

В другом примере право прохода было улучшено так, чтобы разрешить сбор плодов, упавших на соседский участок, право прохода и проезда должно предоставляться тому, кто никак иначе не может добраться до своего имения с дороги. Владелец должен смириться с тем, что соседская стена нависает над его владением на несколько дюймов, а истец может воспользоваться законом о неудобствах против соседа, от которого идет слишком много дыма, и т. п. Эти ограничения необузданного индивидуализма, содержащиеся в римском праве, только увеличивают наше уважение к нему, потому что показывают, что владельцам недвижимости не позволялось проявлять пренебрежение к соседям; имущественное право было развито в достаточной степени, чтобы соседи могли жить в мире.

В какой мере государство вмешивалось в частную жизнь и имущественные отношения людей? В своей книге «Закон и жизнь Рима» Крук пишет, что «дом свободного римлянина был его крепостью, его трудом не руководили, его детей не обращали в чужую собственность, будь то с религиозными или со светскими целями, а его передвижения и смена места жительства никак не ограничивались». Городские законы обязывали домовладельцев поддерживать должное состояние дорог, идущих вдоль их владений, запрещали хоронить или кремировать людей в черте города и устанавливали предельную величину расходов на похороны. Недвижимость могли конфисковать в наказание за преступления или снести в целях борьбы с пожаром или содействия auspiciis. Иногда ее изымали для общественных нужд – для проведения акведука, например. «Если землевладельцы были влиятельными людьми, им удавалось остановить проект – не в качестве землевладельцев, а как влиятельных людей, – добавляет Крук. – Либо тактичный человек, скажем, Август, мог решить сделать новый форум чуть меньше, чтобы не сносить слишком много скромных жилищ плебса. Обычно государство умело договариваться с собственниками»¹⁷³.

¹⁶⁹ Тацит. *Анналы*. Кн. 15. § 43.

¹⁷⁰ Там же. Кн. 2. § 33.

¹⁷¹ Rodger, *Owners and Neighbors*, 2–10.

¹⁷² *Digest of Justinian*, 275.

¹⁷³ Crook, *Law and Life*, 259, 263.

Гракхи

В долгом развитии истории Рима мы находим конфликт по вопросам собственности. В этой знаменитой истории участвовали братья Гракхи – Тиберий и Гай – по рождению принадлежавшие к римской знати. Подобно всем спорам о собственности, этот конфликт косвенным образом рассказывает нам об обществе, в котором он возник, больше, чем можно было бы уяснить из чисто юридического понимания отношений собственности.

В 137 году до н. э. Тиберий Гракх направлялся на войну с Нуманцией (в Испании) и обратил внимание на то, что земли Тоскании обрабатывают рабы, а не вольные землепашцы. Свободных фермеров можно было пересчитать по пальцам. Покорив и подчинив всю Италию, римляне захватили не только территорию, но и великое множество рабов. Часть новых земель отдали солдатам и колонистам. Но часть опустошенных войной земель отошла в казну (*ager publicus*). Был принят закон о том, что эти земли могут обрабатывать (и владеть ими) все желающие, если они заплатят налог с произведенной продукции. Идея заключалась в том, чтобы предоставить италикам, которые считались тогда «самым трудолюбивым из всех народов», долю в землях и тем самым создать им условия для плодотворной деятельности и размножения численности этого племени.

Однако все пошло совсем не так. Государственные земли быстро оказались в руках богатей, которые поглотили имения своих бедных соседей, и вместо множества скромных крестьянских хозяйств образовалось небольшое число огромных латифундий. Более того, мелкие фермеры все чаще обнаруживали, что им приходится продавать свои хозяйства тем, у кого и без того очень много земли. В 133 году н. э. Тиберий Гракх, трибун плебеев, предложил провести аграрную реформу, чтобы изменить эту скверную ситуацию. Обращаясь к своим избирателям, он сказал: «И дикие звери в Италии имеют логова и норы, куда они могут прятаться, а люди, которые сражаются и умирают за Италию, не владеют в ней ничем, кроме воздуха и света, и, лишённые крова, как кочевники, бродят повсюду с женами и детьми».

Задолго до этого, в 367 году до н. э., аграрный закон установил, что никто не должен иметь в собственности более 330 акров государственных земель. Со временем, однако, это ограничение перестало действовать. Богатые обходили закон, записывая землю на родственников и подставных лиц. Тиберий Гракх предложил восстановить старый закон, но при этом удвоить разрешенный предел владений. Высвободившиеся земли следовало разделить между безземельными гражданами. Словом, это был один из первых вариантов земельной реформы. Предстояло перераспределить значительные площади уже приватизированной собственности.

Чем ближе был день голосования на форуме, тем больше вопросов вставало перед Гракхом: разве не правильно будет разделить между людьми общую собственность, не следует ли учитывать прежде всего интересы граждан, а не рабов, не следует ли в большей степени учитывать интересы тех, кто отслужил в армии, дает ли доля в распределяемых землях долю влияния на государственные дела. Большую часть своих территорий римляне получили в результате завоеваний, доказывал он, и надеются занять остальные части обитаемого мира; но сегодня речь идет о национальной безопасности. Вопрос в том, хватит ли людей для этих будущих войн. Богатые, со своей стороны, были возмущены: они уже заплатили соседям за их земли, которыми владели теперь; приданое их жен было истрачено на улучшение земель; земля ушла в приданое их дочерям, и это могут подтвердить ростовщики, давшие кредиты под залог недвижимости. Бедные, со своей стороны, обвиняли богатых в том, что в их хозяйствах заняты рабы, а не граждане или вольноотпущенники.

Предложенный закон должны были уже вынести на голосование, когда другой трибун, Октавий, представлявший интересы крупных землевладельцев, воспользовался своим правом вето, и голосование перенесли. Через несколько дней его самого провалили на выборах за про-

тивоедействие воле народа. Тут же был принят аграрный закон. Для контроля за ходом реформы была назначена комиссия из трех человек. В нее вошли сам Гракх, его брат Гай и его тесть Аппий Клавдий.

Принятие закона сделало Гракха популярным. За ним повсюду ходили толпы народа, как если бы именно он основал Италию. Тем временем крупные землевладельцы собирали силы для отпора. Когда настал срок переизбрания трибунов, они решили сместить Гракха, который уже выдвинул новые предвыборные обещания – к примеру, о сокращении срока службы в армии и о праве апелляции на судебные решения. Началось голосование, и первые две трибы уже проголосовали за Гракха. Но тут богатые римляне возмутились: закон не дает права два срока подряд занимать выборную должность. (Либо Гракх забыл об этом, либо богатые только что это придумали.)

На следующий день должно было состояться голосование на Капитолийском холме. Богатые и их многочисленные клиенты снова устроили Гракху обструкцию. Гракх подал заранее условленный сигнал, и началась свалка. Он сам и многие из его сторонников были убиты, а тела их сброшены в Тибр. Говорят, что это был первый кровавый конфликт в истории Римской республики; он положил начало цепи событий, позднее названных римской революцией. Гай Гракх в свой черед попытался довести реформы до конца – о призыве на воинскую службу с 17 лет, о разделе государственных земель между бедняками, о предоставлении италикам тех же избирательных прав, что и у римских граждан. Но и он был убит – через 12 лет после Тиберия.

Описание этих событий наводит на мысль об анахронизме. Все выглядит так, будто журналист XX века истолковал события древней истории. Все звучит настолько знакомо, будто это происходило вчера где-нибудь в Латинской Америке: аграрная реформа, алчные землевладельцы, латифундии, популярные реформаторы, пытающиеся бороться с злоупотреблениями и погибающие жертвой богатых лендлордов. Но каждая деталь вышеизложенных событий взята из двух античных источников, сообщающих нам большую часть того, что мы знаем о Гракхах, – из работ историков Плутарха и Аппиана. Плутарх написал свои «Жизнеописания» в начале II века н. э., а история Аппиана была написана десятью или двадцатью годами позже¹⁷⁴.

Оба они, несомненно, симпатизируют Гракхам (в отличие от Ливия и Цицерона). Но и Плутарх, и Аппиан дают понять, что в расширяющейся республике назревала серьезнейшая проблема. В конечном счете она проистекала из самого устройства римской республики. У богатых действительно было решающее преимущество над бедными соседями, и дело не только в деньгах. Проблема была в том, что они могли вести свое хозяйство с помощью рабского труда.

Мелкие фермеры не могли конкурировать с ними, потому что землевладельцы имели право – иными словами, были обязаны – служить в римских легионах. Это отрывало их от хозяйства, иногда на несколько лет подряд. С другой стороны, рабам не было позволено служить в армии, потому что вооружать их считалось делом опасным. Как раз когда разворачивались эти события, на Сицилии уже несколько лет бушевало восстание, в котором участвовало около ста тысяч рабов. В общем случае свободная рабочая сила производительнее, чем труд раба, но в римской республике эта самая свободная рабочая сила часто отсутствовала, занятая в военных кампаниях, а рабы усердно трудились на латифундиях. Экономический эффект был сравним с тяжелым налогом на средний класс, который никак не затрагивал состоятельные слои.

Пытаясь восстановить справедливость с помощью перераспределения земли, Гракх, пожалуй, не понял реальную проблему, заключающуюся в рабстве, соединенном с воинской повинностью, что было равносильно временному рабству. Но рабство и обязательная военная служба были столь важны для жизни Рима, что их нельзя было не то что отменить, а даже и обсуждать. Стоит отметить те неблагоприятные для собственности последствия, к которым

¹⁷⁴ J. M. Riddle, ed., *Tiberius Gracchus: Destroyer or Reformer of the Republic?* (Lexington, Mass.: D. C. Heath, 1970), 1–13.

привел в конечном итоге имущественный ценз. По словам современного историка, он побудил мелких землевладельцев, не желавших служить по десять и более лет в римских легионах, избавиться от земли и, «вычеркнув себя из реестра *assidui*, раствориться в трущобах Вечного города»¹⁷⁵. (*Assidui* – «оседлое население», которое в соответствии с имущественным цензом имеет право на ношение оружия.)

Потребность в призывниках к тому же объясняет, почему земли, распределенные в ходе реформы Гракхов, не подлежали продаже. Не имея возможности избавиться от земли, новые землевладельцы стали бы вечным источником новых легионеров. В этом был не экономический смысл, а военный. Вполне возможно, однако, что реальной целью Гракха было не восстановление сословия свободных землепашцев, а пополнение римских легионов. Конечным результатом предложенных им мер было устойчивое увеличение призывных контингентов. «В нагрузку» к хозяйству новые землевладельцы получили тяжелую и опасную службу в армии.

В своем «Экономическом обзоре Древнего Рима» профессор Тенни Франк говорит, что начиная с реформы Тиберия Гракха и до 118 года до н. э. «небольшие участки земли получили от 50 до 75 тыс. бедняков, преимущественно из среды городского пролетариата»¹⁷⁶. Поскольку в течение нескольких лет эти наделы не подлежали отчуждению, «многие бывшие горожане, вероятно, научились фермерствовать и остались на земле, но наши источники настаивают, что, когда разрешили продавать наделы, число мелких землевладельцев начало быстро уменьшаться». Если ценой землевладения была служба в армии, мелкие фермеры отказывались ее платить. Необходимость пополнять легионы оставалась прежней, и через немного лет римский генерал и консул Гай Марий ликвидировал имущественный ценз для призывников. Позднее Юлий Цезарь удвоил плату легионерам, а ветераны при выходе в отставку начали получать денежное пособие¹⁷⁷. Август наделял отставных солдат участками земли, а император Тиберий и вовсе ликвидировал призыв в армию.

Какой бы ни была действительная цель Гракхов, мотивом их действий стало перераспределение собственности. Мы еще не раз встретимся с этим явлением – с аграрной реформой, нацеленной на перераспределение собственности, но при этом игнорирующей более серьезную глубинную проблему. Можно даже считать общим правилом, что всякий раз, когда предлагается перераспределить землю, на самом деле существуют проблемы, почти заведомо имеющие более фундаментальный характер, чем распределение собственности. В том обстоятельстве, что у некоторых больше денег (а значит и земли), нет ничего плохого, и можно не опасаться, что так будет всегда, если за этим не стоит различие в правовой дееспособности. Но если различия в правовой дееспособности существуют, именно они должны быть целью реформ. А если этого не сделать, то даже после попытки аграрной реформы в распределении земельной собственности опять возникнет устойчивая диспропорция.

Цицерон полагал, что предоставление такой власти народным трибунам вроде Гракха может привести только к раздорам и несчастьям – «водружению копья на форуме» и бросанию имущества граждан «под ноги глашатаю, чтобы он объявлял о его продаже»¹⁷⁸. Он призывал к восстановлению аристократического строя, который постепенно терял силу со времен начатого Гракхом «полного переворота государства». Что же касается имущественного уравнивания, это совершенно гибельная политика. «Ведь государству и городу свойственно, чтобы каждый свободно и без тревог охранял свое имущество». Люди искали защиты городов прежде всего для защиты своих владений. Даже те, кто затевает перераспределение собственности в поисках

¹⁷⁵ Ibid., 61.

¹⁷⁶ Frank, *Economic Survey*, 221.

¹⁷⁷ Anderson, *Passages*, 71.

¹⁷⁸ Цицерон М. Т. Об обязанностях // Цицерон М. Т. О государстве. О законах. О старости. О дружбе. Об обязанностях. Речи. Письма. М.: Мысль, 1999. С. 379.

популярности, обнаруживают, что просчитались. «Ибо тот, у кого имущество отняли, им не друг; тот, кому оно было дано, даже скрывает, что хотел его получить»¹⁷⁹.

Цицерон доказывал, что правление привилегированного класса – это благо для всех. В его комментариях легко прочитывается забота прежде всего о собственных интересах, потому что он и сам был влиятельным членом правящей элиты. Однако в трактате «Об обязанностях» он дал формулу надлежащих отношений между гражданином и государством и, пожалуй, сделал это первым. Государственный служащий, пишет он, «прежде всего должен следить за тем, чтобы каждый гражданин владел своим имуществом и чтобы имущество частных лиц не подвергалось уменьшению в пользу государства»¹⁸⁰.

Для Рима, однако, этой рекомендации было недостаточно. «Граждане» были привилегированной частью населения. Во II веке до н. э. в Италии только каждый четвертый имел права римского гражданина. Любая система, в которой одни могут контролировать жизнь других, занимающих юридически невыгодное положение, по определению не может быть справедливой, и маловероятно, что она окажется продуктивной. Римляне очень уважали право, но их право не обладало идеальным качеством. Это требование равного применения к каждому. Физические законы – скажем, закон тяготения – носят эгалитарный характер, и людские законы должны стремиться к тому же. Но Рим был прежде всего обществом сословным: оно состояло из граждан, свободнорожденных, вольноотпущенников, «иноземцев», рабов. По мере возвышения Рима число рабов увеличивалось, и неблагоприятные последствия закона, шедшего против «закона природы» (как отмечено в «Институциях» Юстиниана), не могли не сказаться.

Хотя Цицерон отождествлял себя со старым порядком и защищал, невзирая на все недостатки последнего, к его чести нужно отметить, что он понимал, каким в идеале должен быть закон. Насколько нам известно, никто никогда не дал сопоставимой по глубине характеристики естественного права. Она была опубликована в диалоге «О государстве» в 54 году до н. э. Он написал, что это закон всеобщий, неизменный и вечный. Его невозможно изменить, отменить или сделать недействительным: «Отменить его полностью невозможно, и мы ни постановлением сената, ни постановлением народа освободиться от этого закона не можем, и нечего нам искать Секста Элия, чтобы он разъяснил и истолковал нам этот закон, и не будет одного закона в Риме, другого в Афинах, одного ныне, другого в будущем; нет, на все народы в любое время будет распространяться один извечный и неизменный закон, причем будет один общий как бы наставник и повелитель всех людей – бог, создатель, судья, автор закона...»¹⁸¹

В своих «Законах», написанных спустя два года, Цицерон говорит, что «ни одна вещь в такой степени не подобна другой, так не равна ей, в какой все мы подобны и равны друг другу». Общие свойства человеческой природы каждому из нас дают право на равное уважение со стороны закона. «Поэтому, каково бы ни было определение, даваемое человеку, оно одно действительно по отношению ко всем людям. Это достаточное доказательство того, что между людьми никакого различия нет. Если бы оно было, то одно-единственное определение не охватывало бы всех людей. И в самом деле, разум, который один возвышает нас над зверями, разум, благодаря которому мы сильны своей догадливостью, приводим доказательства, опровергаем, рассуждаем, делаем выводы, несомненно, есть общее достояние всех людей; он различен в зависимости от полученного ими образования, но одинаков у всех в отношении способности учиться»¹⁸².

¹⁷⁹ Цицерон М. Т. Об обязанностях // Цицерон М. Т. О государстве. О законах. О старости. О дружбе. Об обязанностях. Речи. Письма. М.: Мысль, 1999. С. 377.

¹⁸⁰ Цицерон М. Т. Об обязанностях // Цицерон М. Т. О государстве. О законах. О старости. О дружбе. Об обязанностях. Речи. Письма. М.: Мысль, 1999. С. 375.

¹⁸¹ Цицерон М. Т. О государстве. Кн. 3. XXXII.

¹⁸² Цицерон М. Т. О законах. Кн. I. §X.

И все же радикальная трансформация стала возможной только тогда, когда верх одержала идея, что «все люди созданы равными». Для этого понадобилось много времени, и страна, в которой эта идея оказала наибольшее влияние на правовые установления, представляла собой отдаленный форпост Римской империи, который не мог бы серьезно заинтересовать Цицерона. Но и этот отдаленный остров приобрел империю, которая со временем превзошла Римскую.

Глава 6. Англия впереди

«Великолепнейшее явление»

Знаток истории конституции Генри Хэллам в 1818 году восхищался «великолепнейшим явлением в истории человечества» – «длительным и постоянно растущим процветанием Англии»¹⁸³. Чем объяснить это явление? Вовсе не превосходством климата, почв или географии. И все же нигде больше «выгоды, которые способны дать политические институты, не распространялись на население» столь широко. Хэллам пришел к выводу, что дело в «духе законов, из которого разными путями произошли присущие нашему народу независимость и усердие». Поэтому государственное устройство Британии должно быть «предметом особого интереса для пытливых людей всех стран и тем более нашей».

Почти то же самое сказал в своей книге «Старый порядок и революция» (1856) Алексис де Токвиль. Говоря об Англии, он спрашивает: «Есть ли в Европе другая страна, в которой народное богатство было бы больше, частная собственность была более всесторонней, более защищенной и разнообразной по характеру, общество было бы более сплоченным и более богатым?» Он тоже видел объяснение в правовой системе. Особенное впечатление произвело на него то, что была «совершенно разрушена» «кастовая система» или правовые различия между сословиями¹⁸⁴.

И уже совсем недавно Алан Макфарлейн в начале своей книги «Об истоках английского индивидуализма» (1978) задается тем же вопросом, что и Хэллам. «Если бы мы смогли понять, почему промышленная революция вначале произошла в Англии и что ее породило, – пишет он, – мы смогли бы стимулировать экономический рост где угодно»¹⁸⁵. Поскольку за последние шесть столетий ход событий здесь задокументирован лучше, пожалуй, чем где бы то ни было, Англия больше любой другой страны могла бы помочь нам в понимании того, как сельскохозяйственное общество превращается в промышленное. Поэтому он спрашивает: «Почему промышленная революция впервые началась в Англии? Когда Англия начала становиться иной, чем другие части Европы? В чем заключается принципиальное отличие?»

К концу книги Макфарлейн так и не определил истоков того, что вынесено в ее название. Но он изучал проблему сквозь призму собственности и увидел, что интересующие его вопросы сводятся к вопросам права. В одном месте он высказывает важную мысль: «Совершенно очевидно, что историки не в состоянии объяснить начало индустриализации чисто экономическими факторами»¹⁸⁶. На последней странице он присоединяется к предположению Монтескье о том, что преимуществом Англии является ее политическая система, в которой земельное право и наследственное право создали частную собственность: земля не принадлежала никакой «группе» или коллективу.

Дэвид Ландес, заслуженный профессор истории и экономики в отставке из Гарварда, задает тот же вопрос в книге «Богатство и бедность народов»: «Почему это сделала именно Британия, а не другая нация». Он перечисляет политические институты, теоретически необходимые обществу, «чтобы следовать путем материального прогресса и общего обогащения», упоминая, в том числе, и «защищенные права частной собственности». Но он упускает исто-

---

¹⁸³ Henry Hallam, *View of the State of Europe during the Middle Ages*, vol. 2 (1818; reprint, New York: W. J. Widdleton, 1874), 267.

¹⁸⁴ Alexis de Tocqueville, *De Tocqueville's L'ancien régime* (Oxford: Basil Blackwell, 1956), 184–185.

¹⁸⁵ Alan Macfarlane, *The Origins of English Individualism* (Oxford: Basil Blackwell, 1978), 7, 8.

¹⁸⁶ Ibid., 199–200, 206, 170.

рию права. Впрочем, в книге «Раскованный Прометей» (1969) профессор Ландес выказал больше интереса к подобным вопросам. В ней он отметил, что огражденные и ограниченные права собственности развились в полноценную собственность – «полноценную в том смысле, что разные компоненты собственности соединились в лице одного или нескольких владельцев». Собственность стала более защищенной, и европейцы научились вести между собой дела «на основе согласия, а не насилия»¹⁸⁷. Договор между номинально равными вытеснил личные связи между выше- и нижестоящими. Пришла пора обратиться к праву.

Фредерик Мейтленд, выдающийся историк английского права, в инаугурационной лекции, прочитанной в колледже Даунинг Кембриджского университета в 1888 году в связи с назначением профессором, полусерьезно заявил, что «феодалная система» была не столько средневековой реальностью, сколько первым очерком сравнительного правоведения¹⁸⁸, с которым Англию познакомил «ученый и прилежный антиквар сэр Генри Спелман»¹⁸⁹. Читая труды европейских юристов, Спелман, умерший в 1641 году, обнаружил родовое сходство между европейским и английским правом, и его, как и других англичан, немедленно привлекла идея, согласно которой существовала система, общая для всех западных стран. Потому Мейтленд рассуждает о том, что «своего высшего развития» феодальная система достигла в середине XVIII века – в трудах правоведа Уильяма Блэкстона. Его «прекрасно написанные» книги по английскому праву сделали идею Спелмана «популярной и общепринятой». Для объяснения «массы законов» средневековой Англии использовалось несколько простых принципов.

Но со времен Блэкстона мы многое узнали и от многого отказались, продолжал Мейтленд. У права европейского и права английского мы обнаружили массу различий и массу подобию. Можно сказать, что Англия была либо наиболее, либо наименее феодализованной страной Запада; с равным основанием можно сказать и что Вильгельм Завоеватель ввел феодализм, и что подавил его. Мейтленд с изумлением отметил, что сэр Эдвард Кок в своих объемных трудах по английскому праву периода позднего Средневековья «ни словом не упоминает о феодальной системе». У него не было представления о системе, общей для всех народов Европы. Фактически, пишет Мейтленд, мы не слышим о феодальной системе в Англии до тех пор, пока она не перестает существовать¹⁹⁰.

Всегда утверждали, что основой системы собственности было феодальное земельное право: арендатор нанимал землю своего господина, тот, в свою очередь, у владыки более высокого ранга, и так до самого верха феодальной иерархии, до короля – владельца всех земель. Но в законе ничего подобного в явном виде не было. Великие знатоки английского права, Гланвилл в XII веке и Брактон в XIII, не сказали об этом ни слова. «Они нигде не констатируют того примечательного факта, что вся земля принадлежит королю». Отдавая дань ортодоксальной точке зрения, Мейтленд добавляет, что в этом не было нужды: все и так об этом знали. Однако именно это упущение и есть «самое примечательное в великом трактате Брактона. Он получил знание о собственности из римских книг и рассуждает языком римского права. Владельцем земли является последний арендатор земли, последний свободный землевладелец в

¹⁸⁷ David S. Landes, *The Wealth and Poverty of Nations: Why Some Are So Rich and Some So Poor* (New York: W. W. Norton, 1998), 200, 217; David S. Landes, *The Unbound Prometheus* (London: Cambridge Univ. Press, 1969), 12, 16–17. В рецензии на «Богатство и бедность народов» Фрам замечает, что Ландес «так и не исполняет обещанного: не объясняет того, почему Запад богат, а большая часть остального мира нет. ... Похоже, его не интересуют правовые установления и социальные традиции, которые в XVIII веке давали прядильщикам хлопка уверенность в том, что заключенные ими договоры будут выполнены, их доходы не будут конфискованы, а деньги, в которых они хранили свои накопления, не обесценятся. Ландес, сам к тому не стремясь, рассказывает историю того, как Запад стал богатым, а не *почему*» (David Frum, "As the World Turns," *Weekly Standard*, April 27, 1998).

¹⁸⁸ Vincent T. Delaney, ed., *Frederic William Maitland Reader* (New York: Oceana Publications, 1957), 48–62.

¹⁸⁹ Frederic W. Maitland, *The Constitutional History of England* (1908; reprint; Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1955), 142.

¹⁹⁰ *Ibid.*, 142.

феодалной иерархии, ему принадлежит *dominium rei, proprietatem*¹⁹¹, и именно он выступает в роли *proprietaryus*¹⁹²...»¹⁹³

В конце Мейтленд приходит к согласию с общепринятой точкой зрения, но надо признать: предположение о том, что феодальная система в Англии была другой и что ее, вероятно, задним числом причесали под Европу для простоты понимания, очень соблазнительно и интересно для любого, кто ищет глубинные различия между институтами в Англии и на континенте.

Согласно общепринятой точке зрения, во всей Европе, включая Британию, до XVI века существовала однородная феодальная система хозяйства. Целью производства было потребление, а не обмен. Права собственности зачастую принадлежали общинам и всегда были основаны на договоре. Арендатор-землепашец зависел от своего лендлорда, тот – от вышестоящего господина, и так вплоть до короля. Общины были небольшими, изолированными и стабильными. «Нынешним людям, вечно спешащим и утратившим взаимные связи, было бы трудно вообразить инертность и неизменность деревни прежних веков, когда поколение за поколением рождались и старились под крышами одних и тех же домов», – такими словами Айлин Пауэр выражает принятое представление о людях Средневековья¹⁹⁴.

Средневековые обычно изображаются как статичный мир, которым правят семейные узы, местные обычаи, неравенство статуса, сословные различия, власть сеньоров и зависимость вассалов, верность присяге и чувство долга. Защита предлагалась в обмен на службу или уплату оброка. Феодальное хозяйство мыслится как шахматная доска, на которой ходы (то есть акты экономического обмена) делаются лишь изредка: собственность контролируют короли, королевы, епископы и рыцари. Большинство игроков – низшее сословие, то есть пешки. Они знают свое место и всегда готовы при необходимости пожертвовать собой за короля. Правила игры определяются статусом.

В соответствии с таким пониманием землю редко покупали или продавали. Для понимания феодальной собственности Роберт Хейлбронер и Лестер Туроу предложили полезную аналогию. Феодальный властитель «был способен задуматься о продаже соседу части унаследованных им земель не в большей степени, чем губернатор штата Коннектикут о продаже нескольких приграничных районов губернатору штата Род-Айленд. ...Мысль о том, что земельная собственность представляет собой актив, имеющий определенную цену и приносящий определенный доход, дорыночному обществу была чужда в такой же степени, как сегодня чужда идея о том, что акции корпорации – это семейная собственность, которую следует передавать из поколения в поколение»¹⁹⁵.

На наше понимание следующего этапа этой истории – возникновения самого капитализма – сильно повлияли Карл Маркс и Макс Вебер. Подняли свои уродливые головы деньги и их близнец – капитал. Место феодального служения заняла денежная рента, возникли наемный труд и рыночная экономика, торговля установила связи между изолированными общинами. Пролетариат, уверяет нас Маркс, «был брошен», «подвергся экспроприации», «был внезапно и насильственно вырван»; изобилие пассивных залогов отражает идею Маркса, что главными двигателями истории являются абстрактные силы, в том числе и само «историческое развитие»¹⁹⁶. По миру распространилась новая «этика» – протестантская, сделавшая законным невиданное прежде накопление.

¹⁹¹ Королевская земля, собственность (лат.). – Прим. ред.

¹⁹² Собственник (лат.). – Прим. ред.

¹⁹³ Ibid., 156.

¹⁹⁴ Eileen Power, *Medieval People*, 10th ed. (London: Methuen, 1964), 160.

¹⁹⁵ Robert L. Heilbroner and Lester G. Thurow, *The Economic Problem*, 4th ed. (Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall, 1975), 17.

¹⁹⁶ Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. Гл. 26, 27.

Похоже, что проделанные Марксом обрывочные исторические изыскания по имеющимся безбрежным архивам были нужны ему только для подтверждения уже сложившейся теории. Идею Мейтленда поддержал Алан Макфарлейн, заявивший, что, согласно приходским и манориальным записям, «в 1250 году Англия была столь же “капиталистической”, как в 1550-м или 1750 году»¹⁹⁷. Уже в середине XIII века существовали развитые рынки, географическая и социальная мобильность. Закон позволил отделить личную собственность от семейной и групповой, и эти изменения произошли намного раньше, чем полагает большинство исследователей, – возможно, уже в XII столетии. Ферма была отделена от семьи, земля покупалась и продавалась, существовала «полноценная частная собственность». Получили широкое распространение рациональный учет и ориентация на прибыль. Выбрав Англию в качестве типичного примера перехода от докапиталистического общества к капиталистическому, Маркс и Вебер фактически выбрали «пример очень необычный и своеобразный».

Во всяком случае, ключ нужно искать в праве. Если мы находим в Англии необычные особенности права, не встречающиеся больше нигде, это можно рассматривать как указание или даже достаточное объяснение позднейших экономических отличий Англии от других стран. Намного труднее ответить на вопрос, почему в правовых системах других стран не возникло необходимых изменений. В любом случае, мы сразу натываемся на самое важное отличие. В 1612 году сэр Джон Дейвис, главный прокурор Ирландии, написал, что английское обычное право [customary law] – «самое совершенное и превосходное и несравненно наилучшее для создания и сохранения государства. Потому что писанные законы, принимаемые указами государей или парламентами, навязываются подданным безо всякой пробы или испытания того, подходят ли они и соответствуют ли природе и склонностям народа, породят ли они какие-либо стеснения или нет. ... [В отличие от этого, англичане] создают свои законы из собственной мудрости и опыта (подобно тутовому шелкопряду, который всю сеть выделяет из самого себя), а не живут подаванием, заимствуя форму государства у римлян или греков, как это делают все другие народы Европы»¹⁹⁸.

Более того, основополагающий принцип права – то, что оно превышает все и все должны ему повиноваться, – в Англии воспринимался гораздо серьезнее, чем в любой другой стране Европы. Генри Брактон, судья времен Генриха III, автор самого важного в Средние века трактата о праве, утверждал, что «король не должен быть подвластен никакому человеку, но только Богу и закону, ибо закон делает его королем. Поэтому пусть король дает закону то, что дает ему закон, господство и силу; ибо нет короля там, где правит произвол, а не закон». Над королем, говорит он, не только Бог и закон, но и его совет графов и баронов. Потому что «если бы на короле не было узды, то есть закона, они должны были бы надеть на него узду»¹⁹⁹.

Общее право

Отличительной чертой английского права в период его формирования в XII и XIII веках было то, что его создавали судьи, а не законодатели, философы или короли. Английское общее право [common law] – выражение указывает на общенациональный закон, единый для всей страны, – создавалось, в отличие от статутного права, снизу. Оно было итогом массы судебных решений, определявших права людей, которые представили свои частные дела вниманию судов. Если не считать уголовного права, то важнейшей областью, как и в Риме, было разрешение имущественных споров. У судей была возможность опознать новые особенности каждого случая, благодаря чему закон приноравливался к всевозможным обстоятельствам, но обычно

¹⁹⁷ Macfarlane, *Individualism*, 195–196.

¹⁹⁸ John A. Pocock, *The Ancient Constitution and the Feudal Law* (Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1957), 33–34.

¹⁹⁹ Hallam, *Middle Ages*, 2: 316.

предполагалось, что решения судей подчинены прецеденту – они следовали той же норме, которая применялась в аналогичных случаях в прошлом.

Медленность пополнения совокупности норм закона позволяет накапливать мудрость и знание. Издержки и просчеты, допущенные прошлыми поколениями, со временем забываются. Это главный аргумент в пользу сохранения того, что существует издавна: оглядываясь в прошлое, не понять, чего ради затеяны перемены. Признание того, что прецеденты сложились на достойных основаниях, даже если эти основания уже не понятны нам досконально, наполняет закон духом праведного смирения (порой толкуемого как слепое преклонение). Закон постепенно открывали, а не изобретали во внезапном порыве.

Задачей судьи было выяснить, что является законом, и сделать это независимо от воли короля. При этом, к нашему изумлению, не существовало «независимого правосудия». Предполагалось, что судьи вне политики, но в XIII веке, да и позже они занимали свои места с соизволения короля. Похоже, что существовала некая конкуренция между судебными органами. Возбуждая дело, истец мог обратиться в королевский Суд общих тяжб. Поскольку судьи жили за счет судебных пошлин, они были заинтересованы в том, чтобы истцы шли к ним, а не в традиционные манориальные суды. Вероятно, это побуждало их судить более справедливо²⁰⁰.

Иногда говорят, что субстанция правосудия возникла из «надлежащих» правовых процедур. Под влиянием христианства место судебного поединка занял суд присяжных. Истцы получили возможность отстаивать свое право на фригольды, не подвергая себя опасностям вооруженного поединка. Поскольку в глазах Бога все были равны, постепенно распространилось признание того, что все должны быть равны и перед законом. Должным образом оценить эту простую истину помогли суды, к которым обращались истцы и перед которыми они лично излагали свою тяжбу.

Права были защищены на практике, а не провозглашены на бумаге. Теории прав были подчинены реальным средствам защиты прав. Судьи в судах общего права «сосредоточивались большей частью на средствах... предотвращения определенных форм несправедливости, а не на каких-либо декларациях прав человека», – заметил А. В. Дайси²⁰¹. Было установлено, что длительное пользование землей по праву давности дает право собственности на нее. (Тот же принцип признавало и римское право.) К XV веку судьи судов общего права защищали права вилланов, если их право на землю оказывалось зафиксированным в протоколах манориального суда, содержащих список (*сору*) арендаторов земли, принадлежащей данному поместью. Эта «протокольная запись» служила эквивалентом документа на право собственности, а потому всех внесенных в эти протоколы называли «копигольдерами». К началу XVII века примерно треть всей земли в Англии принадлежала копигольдерам. Постепенно это владение стало наследственным, и копигольд превратился во фригольд²⁰².

Возникающие судебные нормы позднее могли быть закреплены в писаном праве или остаться неписаными. Считалось, что общее [general] законодательство просто формально фиксирует уже открытый и действующий на практике закон. Еще в XVII веке в Англии ставилось под сомнение право парламента принимать законы, несовместимые с общим правом.

«Из наших книг следует, что во многих случаях общее право должно контролировать решения парламента и порой объявлять их совершенно недействительными, – написал в XVII веке сэр Эдвард Кок. – Потому что когда решение парламента противоречит общему праву и здравому смыслу, когда оно отвратительно или не может быть реализовано, общее право должно осуществлять контроль и объявлять такое решение недействительным»²⁰³.

²⁰⁰ Maitland, *Constitutional History*, 134–135.

²⁰¹ A. V. Dicey, *Introduction to the Study of the Law of the Constitution* (1885; reprint; London: Macmillan, 1960), 199.

²⁰² Безусловное право собственности на недвижимость. – Прим. перев.

²⁰³ Coke, 8 Rep. 118a (1610).

Для современной рыночной системы особенно важен принцип равенства перед законом. Он подразумевался в высказывании Брактона об отношении между королем и законом: король обязан подчиняться закону. В идеале мы все должны быть подчинены требованиям закона, подобно тому как мы все одинаково ограничены действием законов природы. Это требование придает праву ограниченный характер, потому что если законодатели должны подчиняться тому, что они налагают на других, закону нелегко придать тиранический характер. Когда равенство перед законом становится реальностью, то уже недалеко и до защищенной собственности. Она возникнет в складках этого «золотого правила». Потому что если то, что один человек может причинить другому, ограничено тем, что может этот другой причинить ему самому, безопасность и частная жизнь каждого будут уважаться, а все сделки будут строго добровольными. Но если некто сможет подчинять другого в силу своего более высокого общественного или должностного положения, то вероятен отказ от поисков компромисса и согласия в пользу применения силы.

Исторически самым значительным препятствием для установления принципа верховенства права была сословная организация общества. Но в Англии с самых давних времен принцип сословности был выражен меньше, чем в любом другом месте. К XIII веку свободный человек уже стал нормой, а привилегии и ущемление в правах – исключением. Наследственное подневольное состояние действительно ограничивало свободу. Уголовное право защищало право крепостных на жизнь и личную неприкосновенность, но не обеспечивало защиту их владений. Подневольное состояние, однако, не тождественно рабству. Оно проявляется только в отношениях между крепостным и его господином, а в отношениях со всеми другими серв пользовался теми же правами свободы [rights of liberty]. «В сравнении с современным ему законом Франции или, уж во всяком случае, Германии, – писали Мейтленд и Поллок в «Истории английского права», – наше сословное право выглядит бледно; иными словами, мало что говорит о сословиях или рангах»²⁰⁴. Все свободные люди, включая высшую знать, в основном были равны перед законом. Поллок и Мейтленд пишут об этом следующее: «Вряд ли в завоеванной стране можно надеяться на равенство, которое, в сравнении с другими землями, следует признать исключительным. Но именно таков был результат завоевания, хотя обнаружился этот результат далеко не сразу. Составитель *Leges Henrici* (ранняя книга по английскому праву) охотно дал бы нам полный закон о рангах или сословиях; но материал, которыми он располагал, был уж слишком разнороден: графы, бароны, эрлы, таны, норманнские латники, английские йомены, видамы, ваввасоры, соукмены, вилланы... никакому автору не совладать с этим хаотичным многообразием.

Но сильный король может все, что пожелает; мерой знатности он может сделать свою благосклонность: знатен тот, с кем он обходится соответственно. И он не хочет, чтобы знатных было много. Постепенно формируется небольшое сословие знати, сословие светских лордов, графов и баронов. Их связывает между собой не благородство происхождения, а, скорее, землевладение и воля короля. У его членов есть политические привилегии, которым соответствуют политические обязательства; король советуется с ними, и они обязаны являться на суд и служить его советниками. Вряд ли у них были другие привилегии. Пока барон был жив, у его детей не было никаких привилегий; когда он умирал, лишь один из детей становился дворянином»²⁰⁵.

Отмечая ту же особенность, Хэллам называет ее «заметным характерным отличием устройства Англии от устройства любой другой европейской страны». Какую страну ни возьми – Испанию, Францию, Германию – дворянство везде образует наследственное сословие,

²⁰⁴ Frederick Pollock and Frederic W. Maitland, *The History of English Law Before the Time of Edward I*, 2nd ed., 2 vols. (1895; reprint; Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1968), I: 407.

²⁰⁵ Ibid., 408–409.

отличающееся от остальных свободных людей наличием юридических привилегий. Французы делили свой народ на три сословия: дворяне, свободные и крепостные; у британцев не было «сословия как такового, были свободные и крепостные». Любой свободный мог взять во владение землю на условиях военной службы. Между всеми нетитулованными англичанами существовало фактическое равенство прав. Хэллам добавляет следующий примечательный комментарий: «Самое восхитительное в нашей конституции – равенство гражданских прав; эта *изомомия*, которую философы Древней Греции надеялись обрести при демократическом правлении. Наш закон с самого начала не признает личных привилегий. Он не защищает джентльмена с древней родословной ни от обычного суда присяжных, ни от постыдного наказания. Он не наделяет, и никогда не наделял, несправедливыми привилегиями и освобождением от общественных повинностей, которые нагло присваивали себе высшие сословия на континенте. ... Я твердо убежден, что именно в этом необычно демократичном характере английской монархии причина ее долговременной устойчивости, силы и способности к совершенствованию. Было нечто исключительное и провиденциальное в том, что в эпоху, когда неуклонное шествие цивилизации и торговли было заметно столь мало, наши предки, отойдя от обыкновения, господствовавшего в соседних странах, как бы обдуманно защитились от этой необузданной силы, которая, сметая все недалековидно устроенные препятствия, ввергла Европу в смуту»²⁰⁶.

Мейтленд и Хэллам выделили здесь тот самый элемент права, который обеспечил торговое первенство Англии и ее экономическое превосходство, при том что никто и не мыслил в понятиях экономики, когда этот принцип набирал силу. Равенство перед законом оказалось необходимым условием развития торговли. Итог многовековой эволюции права состоял в великой перемене после падения Римской империи, заключавшейся не в изменении имущественного права, а в огромном изменении права лиц.

Триумф общего права, а с ним и государственного устройства, при котором признавались и уважались права каждого англичанина, некоторые комментаторы считают заслугой централизации. Именно так понимал дело Мейтленд. Король «объединил страну», «стал источником справедливости» в отличие от непрерывной вражды правителей Франции и Германии, где децентрализация привела к хаосу²⁰⁷. В Англии король имел достаточно власти, чтобы его судьи определяли закон, и никто не смел навязывать им свою волю.

Теория, может, и хороша, но вызывает определенные сомнения. Она строится на парадоксе: для децентрализации власти нужно сначала обеспечить ее централизацию. Но дело в том, что квинтэссенция децентрализации заключается в позволении людям самостоятельно принимать решения о собственности и добровольно вести обмен. Концентрация власти в одном месте обычно не бывает прелюдией к столь просвещенной политике.

Следует помнить, что Мейтленд (1850–1906) и последующие поколения ученых, опиравшихся на его труды, трудились в те времена, когда все были в восторге от централизма. Дж. Е. А. Джоллифф, автор опубликованной в 1928 году истории английского государственного устройства, полагал, что норманнские короли попали в крайне неблагоприятную ситуацию: «Первобытная концепция общества, подчиненного нормам наследственного права, не давала королю возможности быть законодателем». Ему ничего не оставалось, как «признать обычаи и участвовать в согласовании прав и порядка ведения дел в ходе судебных разбирательств»²⁰⁸. Великое достоинство английского права он истолковал как его слабость. Мейтленд понимал эту опасность: судьи, зависящие от милости короля, легко могли стать «орудием тирании»²⁰⁹. Но общее право спасла его крайняя сложность, нашелся он. «Самый сильный король, самый

²⁰⁶ Hallam, *Middle Ages*, 2: 328.

²⁰⁷ Maitland, *Constitutional History*, 125.

²⁰⁸ John E. A. Jolliffe, *Constitutional History of Medieval England*, 2nd ed. (London: A&C. Black, 1947), 334.

²⁰⁹ Frederic W. Maitland, *Selected Historical Essays* (Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1957), 127.

способный министр, самый грубый лорд-протектор мало что могли сделать с этим “богопротивным беспорядком”»²¹⁰.

По-видимому, централизация власти не была столь велика, как принято думать. Норманны были захватчиками и чужаками, которые одно время даже не говорили на местном языке и разумно решили, что для спокойствия страны лучше не трогать ее обычаи. Нам известно, что в царствование Иоанна Безземельного (1199–1216), то есть в период, очень важный для развития английского права, теряющий власть король под давлением баронов подписал Великую хартию вольностей, которая ввела ограничения королевской власти. Хартия была ориентирована на прошлое и требовала восстановления былых свобод. Генриху III пришлось несколько раз подтверждать хартию²¹¹.

Хэллам объясняет «склонность англичан к гражданскому равенству» следующим обстоятельством. На континенте, пишет он, «отношения между вассалом и господином были подчинены целям частных вооруженных конфликтов, а не задачам национальных войн». Поскольку французские бароны могли воевать друг с другом, у них установились военные отношения со своими арендаторами, из которых они могли мгновенно собрать свою частную армию для ведения оборонительной или наступательной войны. «Но редко можно прочесть о частных войнах в Англии»²¹².

Когда случалось нечто, подобное войне между графами Глостером и Херефордом в правление короля Эдуарда I, виновных наказывали. Вскоре после этого в Англии перешли от армии, в которой служили в обмен за землю, к армии, в которой служили за деньги. В результате британские армии стали комплектоваться наемниками. Они служили за жалованье, и поэтому армия быстро утратила «феодальный характер». Словом, освобождение от военной службы можно было купить, и в итоге королю пришлось платить тем, кто соглашался ему служить.

Возможным объяснением отличительных особенностей Англии может быть ее островное положение, которое защищало страну от сотрясавших Европу разрушительных войн и научило англичан видеть друг в друге союзников, стоящих против общей внешней опасности. По той же причине они считали друг друга равноправными людьми. Централизацию власти можно было ослабить без риска того, что страна расколется на враждующие княжества.

Религия и собственность

К XVII веку самой богатой страной мира по показателю дохода на душу населения была Голландия. Грегори Кинг, которого иногда называют отцом исследований национального дохода, в 1696 году взялся оценить сравнительную силу французской, английской и голландской экономики и обнаружил, что в Голландии душевой доход на 15 % выше, чем в Англии, и почти вдвое больше, чем во Франции²¹³. Голландия к тому же обладала наиболее высоким уровнем религиозной терпимости, и между этой особенностью Голландии и уровнем ее экономического процветания существовала важная связь.

Благодатное положение равенства перед законом зачастую подтачивается союзом государственной власти и религиозной веры. При этом перед властью открываются непреодолимые искушения. Крайне вероятным становится применение силы для достижения моральных целей, хотя уместнее было бы использовать убеждение. В ситуации, когда частная деятельность и договоренности оказываются объектом государственного контроля и наказания, собственность гибнет.

²¹⁰ Ibid., 137.

²¹¹ Генрих III (1207–1272) – сын Иоанна Безземельного, король Англии в 1216–1272 гг. – *Прим. науч. ред.*

²¹² Hallam, *Middle Ages*, 2: 329.

²¹³ Charles H. Wilson, *Economic History and the Historian* (New York: Praeger, 1969), 120.

После обращения в христианство императора Константина христиане часто применяли для распространения своей веры не убеждение, а насилие. Союз с государственной властью стал огромным искушением для руководства церкви. Сегодня это величайший порок исламского мира. Использование силы во имя добродетели порождало не только экономическую разруху, но разложение духовной жизни. Ответом были сильнеешие вспышки антиклерикализма. Священники стали сборщиками налогов и «за неуступчивость» отлучали людей от церкви. Церковное право регулировало экономическую жизнь. Вводились запреты на «несправедливые» цены и выдачу кредитов под процент. В условиях, когда завещания составлялись под наблюдением священников, церковная собственность составила треть всех земель в Германии и пятую часть в Англии. Купить такие земли было почти невозможно, и большая их часть полностью выпала из коммерческого оборота. Доходы папского престола превосходили совокупный доход всех светских государств Европы.

Карл Маркс одним из первых выдвинул гипотезу о ключевой роли Реформации в становлении капитализма. Рассуждая о «духе протестантизма», он писал: «Процесс насильственной экспроприации народа получил в XVI веке новый ужасающий импульс от Реформации и от последовавшего колоссального разграбления церковной собственности». Маркс с пристрастием вглядывался в период феодализма. Ну а Макс Вебер в работе «Протестантская этика и дух капитализма» доказывал, что ключевую роль сыграл кальвинизм²¹⁴. Этот тезис много критиковали, и он, несомненно, ошибочен. Однако протестантство вызвало переосмысление отношений между церковью и государством.

Религиозная терпимость утвердилась в Голландии раньше, чем где бы то ни было: здесь в 80-х годах XVII века жил в изгнании Джон Локк, здесь он написал «Послание о веротерпимости». В деле защиты собственности оно сыграло не менее важную роль, чем знаменитая вторая глава «Второго трактата о правлении» (который, вероятно, тоже был написан в Голландии). В «Послании» Локк здраво отмечает, что принуждение к вере «не только не помогает спасению души, но, наоборот, приносит вред». То, что человек вынужден лгать о своей вере ради сохранения своего имущества, едва ли идет на пользу душе.

Напрасно, пишет Локк, правители силой загоняют людей в свою веру под предлогом спасения души, потому что «если кто-нибудь ради спасения души хочет принять какую-то догму или обряд, то необходимо, чтобы он до глубины души верил, что эта догма истинна или что этот обряд угоден богу и будет принят им; но никакая кара не способна внушить душе такого рода убеждение: чтобы изменилось убеждение, сложившееся в душе, нужен свет, а он никогда не может возникнуть из телесных мучений». Церковь должна быть лишена права «силой насаждать веру». И точно так же должна быть ограничена власть гражданских правителей: «государственная власть не должна государственным законом предписывать символы веры, т. е. догматы, или то, как именно следует чтить Бога», потому что государство – это «общество людей, установленное единственно для сохранения и приумножения гражданских благ». Короче, отделение церкви от государства и «установление справедливых границ между ними» прямо ведет к доктрине ограниченного правления. В «Послании» Локк следующим образом определяет наши гражданские интересы: «жизнь, свобода, телесное здоровье и отсутствие физических страданий, владение внешними вещами, такими как земли, деньги, утварь и т. д.»²¹⁵.

Возникновение свободных рынков во многих отношениях синонимично дерегулированию всего средневекового мира и, в частности, формированию таких институтов, как договор, в котором государство принуждает к выполнению соглашений об обмене собственностью на

²¹⁴ Современные данные показывают, что там, где различные конфессии равны перед законом и ни одна из них не обладает привилегиями и не ущемляется в правах, как в Соединенных Штатах, не удается выявить существенных различий в доходе между католиками и христианами других конфессий. Отсюда следует, что ключевую роль играет все-таки право. Gallup Opinion Index, April 1971, No. 70.

²¹⁵ Локк Дж. Послание о веротерпимости // Локк Дж. Соч. В 3-х т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 92–93.

условиях, о которых договорились обе стороны. Самые благоприятные условия для этого сложились в странах, в которых светская власть не считала себя ответственной за спасение души. Точно так же вероятно, что в Риме «священности» собственности способствовала многочисленность божеств, а в Европе возвышению индивидуализма и дерегулированию жизни способствовал раскол веры и церкви. В христианском учении содержалось нечто важное для становления рыночного порядка – вера в фундаментальную одинаковость человеческой натуры. Но, позволяя людям самостоятельно судить о собственной выгоде в мирских делах, было необходимо также предоставить им свободу самим принимать решения о спасении их душ.

При Стюартах собственность в Англии стала объектом философских нападок. Сэр Роберт Филмер (1590–1653) доказывал в «Патриархе», что все английские законы, включая общее право, имеют своим источником королевскую волю, а сам король правит в силу божественного права. Именно поэтому подданные обязаны подчиняться его воле. Королевские прерогативы перешли к Стюартам от Адама, а собственность пришла вместе с территорией. Короли обладают исключительным господством над всем и могут наделить собственностью кого заблагорассудится. По этой причине не может существовать всеобщего права собственности. Опустив в этом аргументе Бога, сторонники абсолютной власти в XX веке полностью согласились бы с его выводами.

Один ответ Филмеру написал Джеймс Тиррелл в 1681 году, а другой – старый друг Тиррелла по университету, Джон Локк. При этом Локк издал «Два трактата о правлении» только спустя десять лет после выхода «Патриарха». Из них пять лет он провел в Голландии в качестве политического беженца. Его покровитель граф Шафтсбери, один из организаторов партии вигов и оппозиции Карлу II, уехал в Голландию еще раньше и там скончался. Локк вернулся в Англию вскоре после Славной революции 1688 года, и в 1689 году опубликовал все свои основные работы.

В первом трактате Локк доказывает, что поскольку от Адама произошли все люди, на основании такого происхождения никто не может претендовать на право властвовать над другим. Во втором трактате он доказывает, что источником гражданского общества является не божественное право, а общественный договор. Единственной основой государственной власти является согласие людей. В конце трактата он в эвфемистических выражениях оправдывает восстание против власти. Если правители пытаются «отнять и уничтожить собственность народа или повергнуть его в рабство деспотической власти», народ, в свою очередь, «свободен от обязанности какого-либо дальнейшего повиновения и свободен обратиться к общему прибежищу, которое бог предусмотрел для всех людей против силы и насилия»²¹⁶.

Но наибольшую известность приобрело его обоснование собственности. Филмер выявил слабое место в теории общественного договора: если Господь отдал блага этого мира всем людям вместе, то движение от первоначального коммунизма к частной собственности требует, чтобы в прошлом каждый человек давал согласие на каждый акт приватизации, что абсурдно. Теория божественного права с подобной трудностью не сталкивается. Решение Локка состояло в том, что он индивидуализировал первоначальное право на собственность, связав его с трудом. Для каждого человека, рассуждает он, «труд его тела и работа его рук по самому строгому счету принадлежат ему. Что бы тогда человек ни извлекал из того состояния, в котором природа этот предмет создала и сохранила, он сочетает его со своим трудом и присоединяет к нему нечто принадлежащее лично ему и тем самым делает его своей собственностью». Он добавляет, что «ведь именно труд создает различия в стоимости всех вещей»²¹⁷. Очень похожий аргумент выдвинул Джеймс Тиррелл.

²¹⁶ Локк Дж. Два трактата о правлении. Кн. 2 // Локк Дж. Соч. В 3-х т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. § 222.

²¹⁷ Там же. § 27, 40.

Работа Локка была опубликована анонимно, и автор заявлял всем, что не имеет к ней никакого отношения. «Он уничтожил все черновики и изъял из своих бумаг всякое внятное упоминание о ее существовании, структуре, публикации, печати и перепечатках», – написал Питер Ласлетт²¹⁸. В библиотеке Локка книга была занесена в каталог как работа анонимного автора, «так что даже случайный посетитель не смог бы проникнуть в его тайну». Даже когда на трон взошла королева Анна и королевская власть была ограничена Биллем о правах, Локк держал своих родных в неведении. «Я нигде не встречал более ясного объяснения собственности, чем в книге под названием “Два трактата о правлении”», – писал он кузине.

Говорят, что «при Стюартах состоятельные люди дрожали за свою собственность»²¹⁹. Но в XVIII веке работа Локка уже мало что могла добавить к режиму защиты собственности, который к тому времени сложился в Англии, хотя в предреволюционной Америке этот труд пользовался огромным влиянием. В то время собственность, надежно защищенная английским законом, меньше нуждалась в философской поддержке, чем сегодня, о чем свидетельствуют современные нападки на Локка. Но в свое время этот труд был рискованным предприятием. Локк был одним из немногих философов Нового времени, которым пришлось какое-то время писать невидимыми чернилами. *Habeas Corpus* был введен в действие в 1679 году, но за беседами Локка в оксфордской гостиной продолжали следить из Лондона.

Промышленная революция

В книге «Богатство народов» Адам Смит отмечает произошедшие в XVIII веке грандиозные изменения: «При современном состоянии Европы собственник одного какого-нибудь акра земли так же прочно владеет им, как собственник сотни тысяч акров». Сегодня мы настолько привыкли к тому, что наши права не зависят от нашего богатства, что необходимо некоторое усилие, чтобы осознать масштаб этого достижения. Но Англия в этом отношении опережала другие части Европы: «Прочность владения арендатора такова же, как и собственника». В других странах у фермера-арендатора могли «по закону отобрать арендуемый ими участок до истечения срока аренды»²²⁰. В Англии закон защищал арендатора. Последний мог возбудить судебный иск, добиться возмещения ущерба и вернуть собственность, а не получив удовлетворения, подать апелляцию на «неокончательное решение низшей судебной инстанции». Если стоимость аренды составляла не менее 40 шиллингов в год, она приравнивалась к безусловной собственности и давала арендатору право голоса. Это относилось даже к тем, у кого не было письменного договора об аренде. Смит добавляет: «Мне кажется, что нигде в Европе, кроме Англии, нельзя найти примера того, чтобы арендатор строил здание на не принадлежащей ему Земле, полагаясь на то, что чувство чести помещика не позволит ему воспользоваться таким значительным повышением стоимости его земли. Эти законы и обычаи, столь благоприятные для свободного крестьянства, вероятно, больше содействовали современному величию Англии, чем все ее хваленое торговое законодательство».

Итак, Англия процветала и опережала своих европейских соперников. Голландия, «зона свободного предпринимательства» в зарегулированной Европе XVII века, в XVIII веке утратила свое преимущество. Ее экономическое процветание поскользнулось на высоких налогах. Правящие круги Голландии считали, что не могут уменьшить налоговое бремя, потому что требовалось содержать империю; они не сумели понять долговременных последствий конкуренции со стороны более свободных портов. Эту ситуацию обсуждали английские путешественники. Джон Рэй, ботаник-изыскатель, писал, что в Голландии «все виды пищи – и мясо,

²¹⁸ John Locke, *Two Treatises of Government*, ed. Peter Laslett (Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1960), Laslett introduction.

²¹⁹ P. S. Atiyah, *The Rise and Fall of Freedom of Contract* (Oxford: Clarendon Press, 1979), 14.

²²⁰ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: ЭКСМО, 2007. С. 386, 392, 393.

и питье – очень дороги не из-за редкости этих товаров, а отчасти из-за больших налогов и акцизов, которыми они здесь обложены». По оценке Грегори Кинга, средний голландец платил налогов почти втрое больше, чем средний англичанин²²¹.

Повышению эффективности британского сельского хозяйства и экономики в целом способствовало и большое число огораживаний, проведенных во второй половине XVIII века, – только с 1760 по 1815 год парламент утвердил около 3000 законов об огораживании. Огораживания представляли собой систематическую политику приватизации общинных земель, в ходе которой общинные пастбища и поля обносились изгородью и делились между теми, кто имел на них право – лично или как член общины. Это существенно ослабило остроту «проблемы безбилетника» и отрицательных «экстерналий». На общих выгонах животные, например, заражали друг друга болезнями. «Все оценили преимущества огороженных компактных ферм под управлением одного человека перед разбросанными и фрагментированными участками на общих полях», – пишет историк экономики Дж. Мингей. Иногда целью было «избавление от последних следов общинной пашни и выгонов, или узаконение огораживания, уже проведенного владельцами земли, или ввод в сельскохозяйственный оборот облагороженных пустошей и беспорядочно прирезанных огороженных участков... [Результатом был] быстрый переход к условиям, необходимым для более эффективного хозяйствования»²²².

Согласно более распространенному толкованию, огораживание было чистым грабежом – «указами, посредством которых лендлорды жаловали себя народной землей как частной собственностью», по словам Маркса²²³. Мы снова сталкиваемся с его огромным влиянием. Его истолкование власти, которая цинично прячется под маской закона, было подхвачено Дж. Л. и Барбарой Хаммондами в работе «Сельский труженик, 1760–1832» (*Village Labourer, 1760–1832*, 1911). Они утверждали, что вся политика огораживания была направлена против мелких фермеров. Позднейшие исследования этого не подтвердили. В частности, Мингей показал, что, вопреки распространенным предположениям, не существует свидетельств о сокращении числа мелких фермеров в XVIII–XIX веках. Их правами пренебрегали. Сам факт того, что в каждом отдельном случае для огораживания требовалось отдельное постановление парламента, показывает, с каким уважением общее право того времени относилось к правам мелких фермеров.

В книге «Возвышение и крах свободы договоров» (*Rise and Fall of Freedom of Contract*) Патрик Атия из Оксфорда добавляет: «В законах об огораживании существенна была не та готовность, с которой их принимал парламент, состоявший из собственников, а та скрупулезность, с какой он заботился о справедливой компенсации и соблюдении законных процедур. Законы об огораживании не сводились к простой конфискации прав на использование общественных земель, чего бедные в общем случае были лишены. Каким бы ни было отношение имущих классов к правам бедных, проявлявшееся в законах об огораживании, в нем никоим образом не было ни малейшего пренебрежения правами собственности»²²⁴.

Это тот самый момент английской истории, когда закон был изменен во имя эффективности. Общинные права определены нечетко. Огораживание, таким образом, повышает «экономичность» сельского хозяйства. Огораживание к тому же увеличивает привлекательность инвестиций в развитие новых методов ведения сельского хозяйства, потому что доход здесь достается инвесторам. Расходы на дренаж и эксперименты с улучшением семян и пород скота резко выросли. Они способствовали успеху сельскохозяйственной революции, которая, в известном смысле, была частью более широко понимаемой промышленной революции.

²²¹ Wilson, *Economic History*, chap. 7.

²²² G. E. Mingay, *Studies in Economic History: Enclosure and the Small Farmer in the Age of the Industrial Revolution* (London: Macmillan, 1968), 18–19.

²²³ Маркс К. Капитал. Т. I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 00.

²²⁴ Atiyah, *Freedom of Contract*, 15.

А. В. Дайси отмечает, что, когда Вольтер прибыл в Англию, у него было чувство, будто «он попал из мира тирании в страну, где закон пусть и суров, но люди подчиняются законам, а не прихотям»²²⁵. Существует множество неопровержимых свидетельств в пользу того, что Англия стала первой страной, в которую пришла промышленная революция, именно потому, что здесь впервые был реализован принцип верховенства права, и законы Англии, «демократизировав» защиту собственности, стимулировали процесс создания богатства. Эти законы гарантировали предпринимателям и инвесторам, что их долгосрочным планам дадут осуществиться и что они смогут насладиться плодами своих трудов. Законы, позволявшие патентовать интеллектуальную собственность, были ценны, но менее важны, чем стимулы, создаваемые режимом защиты движимого и недвижимого имущества.

В трактате «Богатство народов» Адам Смит критиковал бесплодные ограничения производства и торговли – законы о цехах и корпорациях затрудняли мобильность «промышленников и ремесленников», а законы о бедных оказывали аналогичное влияние на рабочих, – но при этом Смит прекрасно понимал, в чем заключается главное преимущество Британии. В знаменитом рассуждении о меркантилизме он указывал, что «богатство и процветание Великобритании, столь часто приписывавшиеся этим [меркантилистским] законам, могут быть легко объяснены другими причинами». Прежде всего, полагал он, «та уверенность, которую законы Великобритании дают каждому человеку в том, что он сможет пользоваться плодами своего труда, сама по себе уже является достаточной для процветания любой страны, несмотря на те или другие нелепые правила о торговле; и эта уверенность была упрочена революцией [1688 г.] как раз около того времени, когда была установлена премия [за экспорт]. ... В Великобритании труд беспрепятственно проявляет себя, и хотя он далек от того, чтобы быть совершенно свободным, он, во всяком случае, не менее и даже более свободен, чем в любой стране Европы»²²⁶.

Речь здесь шла об Испании и Португалии. Они не только участвовали в «меркантилистской системе», которая уродовала европейскую торговую политику в XVII–XVIII веках, но испанский меркантилизм, кроме всего прочего, не «уравновешивается общей свободой и безопасностью населения. Труд там не свободен и не обеспечен, а гражданское и церковное управление как в Испании, так и в Португалии таковы, что их одних достаточно для увековечения их нынешней бедности»²²⁷.

Большинство неэффективных ограничений торговли и промышленности либо отменили, либо позволили им зачахнуть самим: парламент скромно оценивал собственную роль. Уильям Питт-старший рассуждал в палате общин в 1766 году, что «парламент многих вещей делать не может. Он не может взять на себя роль исполнительной власти, не может назначать на должности, которые закреплены за короной. Он не может отнять ничью собственность без предварительного рассмотрения дела по существу, даже если речь идет о самом убогом крестьянине, как это бывает в случае огораживаний». Считается, что Питт-старший не провел через парламент ни одной законодательной меры. Дэвид Ландес восхищался тем, что Британия «сумела осуществить промышленную революцию, не прибегая к акционерным компаниям»²²⁸. Для создания таких компаний с правом продавать акции требовалось решение парламента, которое промышленным и торговым компаниям получить было очень нелегко.

Справедливости ради следует сказать, что идея *laissez faire* пришла на смену философии, требовавшей, чтобы государство осуществляло всесторонний контроль поведения граждан. Правительство продолжало защищать от насилия и мошенничества, но именно в эту эпоху было обнаружено, что рыночная конкуренция сама порождает мощные дисциплинирующие

²²⁵ Dicey, *Constitution*, 189.

²²⁶ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: ЭКСМО, 2007. С. 517.

²²⁷ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: ЭКСМО, 2007. С. 518.

²²⁸ David S. Landes, ed., *The Rise of Capitalism* (New York: Macmillan, 1966), 99.

силы. Им подчинялись даже государственные финансы. Оказалось, что стоимость обслуживания государственного долга намного меньше, если по нему вовремя и надежно выплачиваются проценты. Процент по государственным займам упал с 14 % в 1690 году до менее 4 – в 1750-х. В 1880 году Арнольд Тойнби, дядя знаменитого историка, прочитал серию лекций о Промышленной революции и стал первым историком, который оценил ее как целостное великое историческое событие. (Маркс использовал выражение «промышленная революция», но не связывал его с конкретными событиями английской истории.) Сущность ее, писал Тойнби, заключалась «в замене средневековой системы регламентации, которой подчинены были до того времени производство и распределение богатства, конкуренцией»²²⁹.

Этот взгляд вышел из моды. Но он бесспорно был точнее, чем мнение, распространившееся в XX веке, когда из-за веры в централизацию стало трудно вообразить, что простое невмешательство может сыграть какую-либо роль. В 1965 году Филлис Дин писала, что стало «принято» считать Промышленную революцию «стихийным событием». Ни одно правительство не в состоянии «обдуманно спланировать» развернувшийся в то время сложный процесс индустриализации. Она, по крайней мере отчасти, соглашается с Тойнби: «Нет ни малейших сомнений в том, что между 1760-м и 1850 годами масса правительственных правил и ограничений хозяйственной деятельности, многие из которых были приняты еще в Средневековье, были исключены из состава действующих законов»²³⁰.

Тем временем экономисты, не замечая, что их аргументы образовали порочный круг, пытались объяснить экономическое развитие Англии с помощью данных экономической статистики о заработной плате, ценах, добыче угля, сбережениях и капитале. Но ничего определенного они из этого извлечь не сумели. Один набор цифр не может служить удовлетворительным объяснением другого. Математика не может возместить пренебрежение воздействием права.

Историк экономики Макс Хартуэлл сумел привлечь внимание к роли законодательства как важнейшего фактора Промышленной революции. Отметив, что современные авторитеты «скептически относятся к утверждению о важнейшей роли закона в развитии Промышленной революции XVIII века», он добавляет: «В обширнейшей литературе об английской Промышленной революции вы не найдете всестороннего исследования взаимосвязи между экономикой и правом, не найдете адекватного признания важности правовой системы для экономических перемен». Хартуэлл сумел превосходно сформулировать проблему изучения экономической истории: «Никто из историков, например, не дал детального описания этапов перехода к рыночной экономике в увязке с изменениями законов или правительственными мероприятиями; никто из историков... не проследил хронологию изменений в законодательстве и экономике. Не вызывает сомнений, что именно из-за этого пренебрежения остался незамеченным главный элемент, без которого невозможно понимание Промышленной революции. Мой тезис состоит в том, что в XVIII веке, в том веке, когда Англия была лидером индустриализации, самым уникальным и характерным отличием Англии от стран континента было английское право»²³¹.

Когда началось развертывание промышленной революции, на первых порах мало кто понимал, что происходит. Сам Адам Смит очень в малой степени осознавал происходящие изменения, и это при том, что в университете Глазго изготовлением инструментов занимался Джеймс Уатт, изобретатель парового двигателя. Адам Смит преподавал там моральную философию, но вскоре заинтересовался «законами» политической экономии.

²²⁹ Тойнби А. Промышленный переворот в Англии. М.: Мир, 1924. С. 74.

²³⁰ Phyllis Deane, *The First Industrial Revolution* (Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2nd ed. 1979), 219, 220.

²³¹ R. M. Hartwell, *The Industrial Revolution and Economic Growth* (London: Methuen, 1971), 245, 247, 250.

Часть IV. От священного до нечестивого

Введение

То, что самый влиятельный трактат по экономической теории был написан в то время, когда принцип частной собственности достиг наивысшего авторитета, возможно, было чистой случайностью. В любом случае, Адам Смит не считал нужным много говорить об этом предмете. Впрочем, он, как и его современники, упомянул о «священном праве частной собственности». В политических дебатах принцип частной собственности находился вне критики. Поэтому и в экономических трактатах не было необходимости настаивать на том, что институт, защищаемый общим правом, является необходимым основанием экономического анализа. Ведь все были с этим согласны. Если и были сомневающиеся в достоинствах частной собственности, они предпочитали держать свои мысли при себе – по крайней мере, до появления на сцене Уильяма Годвина.

К середине XIX столетия ситуация кардинально изменилась. Над частной собственностью нависло тяжелое подозрение. Коммунистические теории утверждали, что ее следует полностью искоренить. Но созданная Адамом Смитом традиция оказалась очень влиятельна, и ко времени начала открытых нападок на собственность экономисты мало что сказали в ее защиту. Что касается англоязычных экономистов, то без преувеличения можно сказать, что собственность подверглась нападкам прежде, чем ее успели по-настоящему защитить. Она перешла из разряда вещей священных в нечестивые так быстро, что промежуточной стадии практически не было.

К концу XIX века между экономистами, по-видимому, сложилось молчаливое соглашение не касаться этого предмета. Считалось, что природа человека меняется и, когда изменения станут достаточно значительными, институт собственности сделается ненужным. Полагали, что он отжил свой век и в новом мире ему места нет. «Мы усвоили идею эволюции и считали непрекращающиеся изменения непременным условием жизни», – написал Ричард Или, первый президент и один из основателей Американской экономической ассоциации.

Глава 7. Недосмотр экономистов

В Британии времен Адама Смита критика частной собственности, как правило, просто не попадала в печать. Томас Спенс, школьный учитель из Ньюкасла, был редким исключением. В лекции, прочитанной в философском обществе, он утверждал, что земля общины «равным образом» принадлежит каждому, кто в нем живет. Когда Спенс опубликовал свою лекцию в виде брошюры, его исключили из общества. В XIX веке социалисты разрекламировали это незначительное событие, тем самым засвидетельствовав крайнюю редкость такой критики в те времена. Другим критиком был получивший впоследствии признание Уильям Огилви, учившийся в университете Глазго, когда там преподавал Адам Смит. В «Опыте о праве собственности на землю» (*Essay on the Right of property in Land*, 1782) он рассуждает, что все граждане, а не только немногочисленные собственники имеют право на полезность необработанной земли. Но он издал брошюру анонимно, так что его авторство долгое время оставалось тайной. В те времена «священное право собственности» было не пустым звуком²³².

Д-р Джонсон полагал, что опасность ошибочных мнений по некоторым вопросам – в частности, о собственности – так велика, что следует запретить передачу этих мнений даже собственным детям. В защиту общности имущества выдвигается «столько же правдоподобных аргументов, как в поддержку самых ложных доктрин», – заявлял он. «Вы учите их, что сначала все было общим, и что ни у одного человека нет прав ни на что, к чему он не приложил собственных рук, и что человечество и сейчас следует или должно следовать этому правилу. Вот так, сэр, вы подкапываетесь под великий принцип общества – под собственность. А вы не думаете, что у судьи должно быть право остановить вас?»²³³

Критика собственности публиковалась и до Адама Смита, но крайне редко и производила куда меньшее впечатление, чем может показаться по современным переизданиям. «Утопия» сэра Томаса Мора, предтечи коммунистической мысли, описывает идеальное общество, в котором государство регулирует все стороны жизни, хозяйство основывается на принудительном труде, а «частной собственности у них нет»²³⁴. Но это сочинение относили скорее к области побасенок, а не политической теории. В XVII веке трактаты против собственности распространяли диггеры, коммунистическая группа, вождем которой был Джерард Уинстэнли, но во времена Смита о них уже мало кто помнил. Их значение преувеличили позднейшие социалисты.

Некоторые полагают, что первым современные нападки на собственность начал Ж.-Ж. Руссо, сочинение которого «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми» содержит следующий знаменитый пассаж: «Первый, кто, огородив участок земли, придумал заявить “Это мое!” и нашел людей достаточно простодушных, чтобы тому поверить, был подлинным основателем гражданского общества. От скольких преступлений, войн, убийств, несчастий и ужасов уберег бы род человеческий тот, кто, выдернув колья и засыпав ров, крикнул бы себе подобным: “Остерегитесь слушать этого обманщика; вы погибли, если забудете, что плоды земли – для всех, а сама она – ничья”»²³⁵.

Этим «в течение столетия питался пыл революционеров и социалистов», написал Питер Гэй²³⁶. Но политическое влияние Руссо на современников, возможно, преувеличено. Оно определенно уступало его влиянию на академический мир XX века. Можно даже усомниться в

²³² John M. Davidson, *Concerning Four Precursors of Henry George and the Single Tax* (1899; reprint; Port Washington, N.Y.: Kennikat Press, 1971).

²³³ James Boswell, *Life of Samuel Johnson* (New York: Doubleday, 1946), 270.

²³⁴ Мор Т. Утопия. М.: Наука, 1978. С. 48.

²³⁵ Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969. С. 72.

²³⁶ Rousseau, *Discourse on the Origin of Inequality*, in Jean-Jacques Rousseau, *Basic Political Writings*, trans. and ed. Donald A. Cress, Introduction by Peter Gay (Indianapolis: Hackett Publishing, 1987), 25.

том, что его идеи так сильно, как это предполагалось, повлияли на французскую революцию. В 1760-х годах Руссо больше года прожил в модном изгнании в Англии, но там его знали больше как автора рискованных романов, сочинений о музыке и теории воспитания. Его, одетого в американский кафтан и дикарскую меховую шапку, принимали в Лондоне как знаменитость, а не *philosophe*, пожалуй даже как ранний образец радикального шика²³⁷.

Адам Смит прочитал «Второе рассуждение» Руссо и опубликовал его разбор в *Edinburgh Review*. Взгляды Руссо не произвели впечатления на Смита, который вежливо отверг ученые притязания женеvского мудреца. «С помощью своего стиля и философских хитросплетений он сделал так, что рядом с ним проповедник расточительности Мандевиль кажется воплощением чистоты и нравственности в духе Платона»²³⁸

---

²³⁷ Joan McDonald, *Rousseau and the French Revolution, 1762–1791* (London: Univ. of London Press, 1965).

²³⁸ Бернард Мандевиль доказывает в «Басне о пчелах» (1723), что такие «частные пороки», как стяжательство, являются общественными добродетелями: спрос на предметы роскоши подстегивает производство и тем самым способствует процветанию. Он чернил бережливость. Если распространится бережливость, занятость сократится. Джон Мейнард Кейнс видел в доктрине Мандевилья разновидность «парадокса бережливости» и восхищался его «безнравственностью». Адам Смит, со своей стороны, писал, что экономность, представляющаяся «благоразумной в образе действий любой частной семьи, вряд ли может оказаться неразумной для всего королевства». Мандевиль Б. Басня о пчелах. М.: Мысль, 1974; Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. М.: ЭКСМО, 2007; Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: ЭКСМО, 2007. С. 444.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.